

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
МСХА ИМЕНИ К.А. ТИМИРЯЗЕВА

Руслан Асланович
ТЛЕПЦОК

**КАВКАЗ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСТОРИИ:**
в поисках алгоритма
и методологии
исследования

Издательско-полиграфический центр «ТОТ ПИТЕР»
Санкт-Петербург, 2025

УДК 930.1(470.6)
ББК 63.1(2)
Т49

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Гапуров Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, академик Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный);

Алиева Севиндж Исафил гызы, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и технологии преподавания истории Азербайджанского государственного педагогического университета (г. Баку)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:

Панеш Аскер Дзепшевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (г. Майкоп)

Т49 **Тлепцок, Р. А. Кавказ в пространстве истории: в поисках алгоритма и методологии исследования** / Р. А. Тлепцок ; научный редактор А. Д. Панеш. – Санкт-Петербург : Тот Питер, 2025. – 212 с. : ил.

Предлагаемое вашему вниманию издание не относится к разряду традиционных монографических исследований, в которых тема раскрывается последовательно, шаг за шагом, глава за главой в органической логической связи всех составляющих ее частей. Работа, скорее, представляет совокупность сравнительно независимых друг от друга разделов, рассматривающих наиболее важные, по мнению автора, проблемы кавказоведения. Публикуемая работа включает в себя материал как апробированный в рамках выступлений на международных конференциях и статьях на русском, английском и испанском языках, так и впервые вводимые в научный оборот материалы. Несмотря на то, что все части книги сравнительно независимы одна от другой, они в то же время связаны внутренней логической и концептуальной связью. Как бы то ни было, читатель имеет возможность ознакомиться с представленными в книге проблемами в любом, удобном для него порядке и в соответствии со своими личными предпочтениями. Выстроенная по проблемно-хронологическому принципу работа дает не только представление о динамике научных интересов автора, но и способна расширить представление о поисках алгоритма научного изучения места Кавказа в истории в северокавказской историографии.

ISBN 978-5-6055027-0-8

© Тлепцок Р.А., 2025
© Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025

*С глубокой
признательностью,
уважением и в память
о Э.А. Шеуджен*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	10
Непреодолимое очарование зарубежной исторической мысли и историографические реалии.....	18
«Кавказ» — о значении термина и динамике восприятия его географического и политического значения.....	32
Кавказский вектор российской политики	44
Проблема «естественно-географических границ» Российской империи: концептуальные подходы	54
Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах.....	63
Кавказ в геополитической системе координат	77
Кавказ как контактная зона	87
Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю на страницах журнала «Вестник Европы» (1802–1918 гг.)	95
Северный Кавказ в системе управления Российской империей	104
Северный Кавказ: «свой-чужой» (метаморфозы и трансформация сознания).....	111
Е.П. Ковалевский: опыт интерпретации северокавказской истории	127
Черкесы (адыги): символический смысл Кавказских гор.....	140
«Черкесский вопрос» и историографический ответ.....	153
«Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика	164
Заключение	178
Приложения.....	185

————— *Табасаранская пословица* —————

*Родина — это прошлое, настоящее
и будущее народа.*

————— *Расул Гамзатов* —————

*В какие бы края ни забросила меня судьба,
я везде чувствую себя
представителем той земли, тех гор,
того аула, где я научился седлать коня.*

————— *Дария Беляева* —————

*История всегда упрощена,
между ней и реальностью такая же разница,
как между вещью и ее фотографией.
Она плоская, ты не можешь рассмотреть
ее со всех сторон, и множество важных
моментов остается за кадром.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловия являются важной частью любого научного сочинения. Они настраивают читателя на тот лад, тональность, которые окружали автора. Как бессмысленно любителю современной эстрадной музыки пытаться слушать корифеев классического периода музыкальной культуры эпохи Просвещения, Барокко, Генделя, Баха, так и бессмысленно пытаться убедить людей с университетским историческим образованием в ценности трудов Насовского Г.В. и Фоменко А.Т. Но когда каждый слушает, а в нашем случае читает, что ему по душе, получается все правильно. Вот и предисловие является первым определением наряду с названием работы, с помощью которого происходит взаимная настройка читателя и автора.

События конца 1980 — начала 1990 годов в СССР, распад Советского Союза, перемена социально-экономических и политических декораций в стране кардинально повлияли на состояние исторической науки. Начавшееся переосмысление истории нашего Отечества, поиски новой методологии исследования, в сильной степени трансформировали общественный и политический климат в стране. Эти два процесса, шедшие параллельно, переплетаясь друг с другом составляли, в общем, единую общественную ткань. Несмотря на все издержки времени, мне посчастливилось в эти трудные 90-е годы XX века учиться на историческом факультете Адыгейского государственного университета и слушать лекции великолепных педагогов — новиста Людмилы Рашидовны Хут, специалиста по новейшей истории Европы и Америки Руслана Аскарбиевича Хуажева, востоковеда Александра Стефановича Иващенко, кавказоведа Буба Мосовича Джимова. Но безусловно самым ярким, рубежным событием жизни, определившим весь характер научных интересов в дальнейшем, стало знакомство с доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ Эмилией Аюбовной

*Шеуджен*¹, которую я считаю своим учителем. Дело не только в том, что знакомство аккумулировало изучение ее работ по истории Кавказа, теории и методологии истории, историографии, которые приоткрыли для юного студента и аспиранта «мир науки», но и в привитом желании узнавать новое и анализировать.

За прошедшие более чем два десятка лет мне посчастливилось часто работать вместе с «мэтром», выигрывать гранты, писать совместные работы, редактировать сборники научных трудов и журналы, вместе издавать книги, но навсегда эрудиция и способность к аналитическим обобщениям, умение видеть «суть вещей» Э.А. Шеуджен стали для меня своего рода ариадниной нитью, ведущей по трудным и подчас непредсказуемым кругам современного научного мира. Проходит время, но по-прежнему в памяти ее завораживающая эрудиция, способность сделать любого студента равноправным участником диалога, умение пригласить в «мир науки», привить любовь к «ремеслу историка».

На протяжении всего времени у автора никогда не возникало притязаний на то, что опубликованные работы могут представлять заметное явление в историографии. В большинстве исследований предпринималась лишь попытка применить новые идеи, подходы к накопленному в кавказоведении фактическому материалу. Необходимо сказать и о том, что в силу специфики гуманитарного знания любая попытка теоретического осмысления имеет свой «срок годности»: в силу целого ряда обстоятельств, вызванных появлением различных подходов, введением новых источников в научный оборот, применением междисциплинарных методик, отличной методологии поиска, он короток.

Научная действительность заставляет согласиться с американским исследователем Адамом М. Грантом, посвятившим переосмыслению накопленного исследовательского опыта монографию, что «цель обучения не в подтверждении своих убеждений,

¹ Научная школа Э.А. Шеуджен «Теория и методология истории» получила статус ведущего научно-исследовательского коллектива Министерства образования и науки РФ и грантовую поддержку целевой ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы». В рамках научной школы под ее руководством подготовлено 7 докторских и десятки кандидатских диссертаций.

а в их развитии»². Традиция историописания свидетельствует, что как бы не изменились наши взгляды, размышления, сомнения, заблуждения они всегда находят отражение в опубликованных работах, свидетельствуя не только о направленности научных интересов, но и о попытках освоить более широкое пространство истории.

² Грант А. Подумайте еще раз. Сила знания о незнании М: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 272 с.

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие трансформационные процессы в 90-е годы XX века кардинальным образом изменили ситуацию в отечественной исторической науке. Она уже не представлялась неким монолитом, сплоченным одной методологией, единой концепцией, выполняющей пропагандистско-идеологические функции в обществе. Былой авторитет советской историографии в обществе был утрачен, прежний характер отношений науки и власти разрушен. Важным фактором общественной жизни периода стал интерес к «белым пятнам» мировой и отечественной истории. Значительными тиражами стали переиздаваться труды классиков исторической науки — Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова. Становятся доступны массовому читателю исследования последователя Г.В. Вернадского, историка, гуманиста и мыслителя Л.В. Гумилева, открываются архивы, стимулируя всплеск научного интереса к ранее недоступной проблематике.

Пожалуй, самым значимым историографическим итогом образования новых государств на территории бывшего СССР и Кавказа в частности стало интенсивное утверждение в них «новой истории». Национальные элиты, провозгласив свою независимость, приверженность западному либерализму и рыночным преобразованиям в экономике, в духовной сфере также затеяли «перестройку», основным стержнем которой стало внедрение в сознание людей (главным образом молодежи) идеи о необходимости дальнейшего развития собственной государственности. Радикальная политическая трансформация не могла не сказаться на традиции историописания в получивших независимость государствах Кавказа, проявившись в отказе от «образа прошлого», построенного официальной дореволюционной российской и советской историографиями. Их «новое» прошлое начало формироваться из набора идей, развивающихся в рамках национальных историй зачастую базирующихся на идее угнетения российским, а позднее и советским государством и русским народом; антикоммунизме и русофобии.

Характерный негативный набор отношений к недавнему «старшему брату» не случаен, он обусловлен необходимостью вновь созданных государств дистанцироваться, обособиться от России, создав на этой негативной основе «новую историю» нации, вписанной в мировой исторический процесс. Однако интеллектуальная мобилизация против исторического врага, виноватого во всех бедах и неудачах народа, — распространенный принцип строительства наций в тех случаях, когда их интеллектуальная элита неспособна на создание положительных, объединяющих идей.

Тут важно обратить внимание на то обстоятельство, согласившись с Т.В. Карпенковой, что в республиках Закавказья и регионах Северного Кавказа начавшийся процесс переписывания истории в определенном смысле носил объективный характер³. Так, в Грузии, Армении, Азербайджане была собственная национальная история, которая, однако, изучалась в школах и вузах республик главным образом на фоне истории СССР. Причем история республик представляла весьма схематичной структурой, где кратковременные периоды капиталистического развития, история национальных общественных и политических движений и организаций подвергались разгромной критике и давалась в весьма усеченном виде. Основным действующим лицом новейшей истории была коммунистическая партия. Вся предшествующая эпоха описывалась как противостояние эксплуататоров и угнетенных, многовековая борьба народа против национальной аристократии и буржуазии, которая в XX в. объективно привела к социалистической революции.

Одной из главных проблем, возникшей перед национальными историографами в этот период, стала необходимость интерпретировать в новой исторической реальности и с максимальной пользой для растущего национального самосознания вхождение региона в состав Российской империи, а позднее — в СССР. В разных национальных историографиях Кавказа проблему решали по-разному, но доминантой выступила, к сожалению, националистическая тенденция с полным или частичным отходом от исторической действительности.

³ Карпенкова Т.В. «Новая история» в историографии постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии // Вестник Международного ин-та экономики и права. 2011. № 1(2). С. 134.

Безусловно в этом ключе актуализируются задача научного анализа современной историографии Закавказских республик и сравнительный анализ выдвинутых в рамках новой исторической парадигмы исторических концепций. Причем помимо прогностической составляющей на первый план выдвигается необходимость критического осмысления и противодействия средствами не только исторической науки, но и дипломатии, так как они наносят непоправимый ущерб взаимоотношениям государств и населяющих их народов, в частности «нетитульной» нации. Сфальсифицированные страницы истории могут со временем стать минами замедленного действия, и такие примеры отнюдь не единичны.

Проведенный предварительный анализ постсоветской историографической традиции в государствах Закавказья показывает, что повсеместно господствуют ревизионистские тенденции. Так, кардинальному пересмотру подверглась история Грузии, где период пребывания страны в составе Российской империи (1801—1917 гг.) получил название «новая история Грузии». Попытка «удревнения» своей истории в регионе зачастую принимает и вовсе гиперболизированные формы. Например, усилиями профессора М.Я. Чиковани⁴ еще в советский период создается пропагандистский грузинский миф о том, что древнегреческое сказание о титане Прометее вовсе не греческое, а колхское (под именем которых подразумевался протогрузинский этнос), и отмечается, что древние греки мифическое сказание о Прометее

⁴ Чиковани Михаил Ясонович (р. 25.3(7.4).1909, с. Лечхуми — 1983), грузинский, советский фольклорист и литературовед, доктор филологических наук (1945), заслуженный деятель науки (1961). В 1947 г. опубликовал исследование грузинского героического эпоса «Прикованный Амирани». Древнегреческий миф о Прометее также повлиял на развитие формирования мифологии среди кавказских народов. Есть аналог Прометея, в грузинской версии, это сказания об Амирани. Имя «Амирани» в грузинском языке не имеет никакого значения, имеет арабское происхождение, переводится с арабского как «Амир» — «принц», «князь», «царь». Это результат греческого влияния, но никак не наоборот, как утверждают некоторые грузинские авторы. Сказание о Прометее настолько вписано в культурное греческое наследие, что греки назвались эллинами, по имени внука Прометея, сына Девкалиона и Пирры — Эллина (Геллена).

позаимствовали именно у колхов⁵. Используемые исследователем источники обладали крайней тенденциозностью и селективностью, что вызвало даже критическую реакцию со стороны греческой историографии⁶.

Одновременно в грузинской постсоветской историографии игнорируется важное значение для исследования Черноморского побережья Кавказа, греческих поселений, основание городов-государств и в целом сильное политико-экономическое влияние греческой культуры на все побережье, представляя древнегреческую культуру в качестве колхидской.

Ситуация последних десятилетий в армяно-азербайджанской историографии характеризуется процессом концентрации исследовательского внимания в угоду тех или иных этнических групп с целью переосмысления и переписывания собственной истории, для доказательств своей автохтонности и создания этногенетического мифа. В Армении с конца 80-гг. — XX в. получают развитие многочисленные ревизионистские концепции в историографии, предполагающие коренной пересмотр общепринятых представлений в сфере истории Армении и армянского этноса⁷.

Исследовательские усилия авторов ревизионистского направления были сконцентрированы на изучении истории древних

⁵ М.Я. Чиковани в работе «Грузинские сказания и легенды», комментируя описание XV книги Страбона о миграции Прометея с Понта в Индию, фальсифицирует следующим образом: «Страбон (63 г. ст.э. — 23 г. н.э.) настоятельно утверждает, что миф о Прометее подвергся миграции из Колхиды в Индию». Здесь наивно пытаюсь доказать, что миф о Прометее, это сказания колхов. М. Чиковани целенаправленно игнорирует описание XI книги, где чёрным по белому написано: место действия сказание о Прометее греки перенесли на Кавказ. М. Чиковани также избегает и не комментирует, следующее описание XV книги, где Страбон пишет, что на Кавказ Геракл приходил, чтобы освободить Прометея, отмечая, что греки называли пещерой Прометея.

⁶ Например: *Иоаннидис Атанас*. Фальсификация истории и мифологии в Грузии: Грузинизация сюжетных линий, отражающихся в древнегреческой мифологии. URL: https://grekobook.ru/vse-o-gretsii/article_post/falsifikatsiya-istorii-i-mifologii (дата обращения: 01.02.2024) Aristotle University of Thessaloniki

⁷ Более подробно см.: *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

государств Малой Азии Урарту, Хайаса⁸, которых объявили «колыбелью армянского народа». Армяне объявлялись автохтонным населением правобережья Куры, а С.М. Айвазян⁹ приписал армянам основание городов Киева, Тбилиси¹⁰, заявив, что христианские соборы Киева и Новгорода были возведены армянскими зодчими в X—XI вв. и армяне ввели христианство на Руси. Подобная фривольная эквилибристика историческим материалом не может вызвать ничего, кроме недоумения и в определенной степени сочувствия к автору. Характерно, что в рамках развернувшейся дискуссии антинаучные концепции С.М. Айвазяна были отвергнуты официальной армянской историографией, хотя и поныне находят сторонников как в среде профессиональных историков, так и не специалистов¹¹. Хотелось бы отметить удивительное обстоятельство, что определенное признание автор нашел именно в России, став академиком нескольких академий (что еще раз актуализирует

⁸ *Хайаса, Хайаса-Аззи, Аци* — наиболее значимое государство Армянского нагорья во II тыс. до н. э., расположенное в верховьях Евфрата и Чороха, к северо-западу от озера Ван. Ряд специалистов рассматривают государство как протоармянское, придерживаясь хайасской гипотезы этногенеза армян, и связывают самоназвание армян «*ha*» с названием этой страны. См.: *Petrosyan A.Y. The Problem of Identification of the Proto-Armenians: A Critical Review// Journal of the Society for Armenian Studies* 16: 2007. Pp. 25–66.

⁹ Кандидат геолого-минералогических наук, профессор, академик Российской академии медико-технических наук, действительный член Монреальской академии (Канада), почетный академик Международной академии энергетических инверсий. Лауреат Государственных премий, удостоившийся золотой медали Чижевского и золотой медали Ереванского филиала Московского нового юридического института (2007).

¹⁰ В частности, С.М. Айвазян утверждал, что название «Тбилиси» — калька с русского «теплица», что армянин Смбат Багратуни основал Киев в 585 году н.э., а также что настоящее имя Юрия Долгорукого было Геворг Багратуни. См.: *Айвазян С.М. История России. Армянский след.* Москва: «Крон-Пресс», 2000. Т. I. С. 291–293, 320–321.

¹¹ Так, *Ашот Мелконян*, доктор исторических наук, директор Института истории НАН РА, считает, что работы Айвазяна «компрометируют армянский народ». А по мнению публициста К. Микаэляна, «Ни один здравомыслящий историк, этнолог и культуролог в Армении не принимает всерьез опусы С. Айвазяна. К сожалению, Айвазян и подобные «историки» в патриотическом экстазе не понимают провокационную опасность своих, по их мнению, чрезвычайно полезных исторических трудов».

вопрос изрядной академизации науки в стране¹²) и получая золотые медали университетов.

В целом, характеризуя историографическую мозаику различных этнических групп, рассматривающих место Кавказа в мировой истории, можно констатировать, что мифологемы различных этнических групп: грузин, абхазов, армян, азербайджанцев, осетин, зачастую сталкиваясь друг с другом, конкурируют за описание одних и тех же исторических событий, обслуживая внутренний политический императив и закрепляя претензии патриотов на соответствующие территории. Безусловно подобная историографическая практика приводит к переписыванию истории региона все дальше и дальше в прошлое.

На современном этапе развития исторического знания национальное историописание в России представляется сложным явлением, характеризующимся несколькими определяющими факторами. Прежде всего, само понятие «национального» в применении к воссозданию прошлого в последнее десятилетие оказалось в эпицентре напряженной историко-культурной рефлексии. Предметом размышлений стало конструирование национальной идентичности в полиэтничной и поликонфессиональной России. Во многом это проявилось в неоднозначном, порой противоречивом дискурсе власти, касающемся идентификации русского и российского народов в историко-географическом пространстве начала XXI века. Эта «зыбкость», тем не менее, закономерно породила обращение к богатейшему историческому опыту и ярким образам исторической памяти как к незыблемым аргументам в стремлении легитимизировать позитивный образ настоящего.

Другим важным обстоятельством является терминологический инструментарий кавказоведов, анализ которого свидетельствует о том, что удалось выявить целый ряд моментов преемственности, объединяющих современные стили мышления и речевые формулы с историческими представлениями о стереотипе восприятия коренных народов, складывавшимися уже в XVI–XVIII вв. К числу этих моментов следует отнести формирование представления о коренном населении как об особой целостности, объекте национальной, экономической и конфессиональной политики и деформирующем

¹² Помимо государственных академий наук в России действуют свыше 70 общественных, созданных коллективами ученых на добровольной основе.

влиянии политизации мышления на складывающееся в массовом сознании представление о населении окраин Российской империи.

Определенно можно согласиться с мнением Т.А. Филипповой, что одной из особенностей национального историописания стал параллельный рост тенденции к имперскому стилизаторству в оформлении исторического и актуального образа страны и ее власти (вне зависимости от реальных политико-культурных характеристик той или иной формы государственности)¹³. В этом амплуа история выступает как стратегический ресурс обоснования государственной преемственности по линии «прошлое — настоящее — будущее».

Хотелось бы сказать и о том, что можно отметить значимые различия в профессиональном реагировании корпорации историков на политическую ситуацию в стране и импульсы власти. Так, необходимо выделить ряд особенностей в зависимости от того, имеем ли мы в виду «центр» или «периферию» представителей национальных российских историографий Северного Кавказа. Для первых профессиональное поведение строится в многостороннем диалоге с источником, теоретическими новациями, собственным исследовательским интересом и «проектным мышлением» власти. В северокавказской историографии к этому прибавляется выстраивание отношений с местной национальной элитой в ходе постепенного преодоления периода романтизации в историографии, нередко искусственного «удревнения» этноистории, которая имела место в ранние постсоветские годы. В этом случае история и российская, и региональная выступает одновременно как контекст инкорпорирования историков в научную и общественную жизнь современной России.

По большому счету, проблема не в условности терминологии: «национальная историография», «национальные историки». Как это ни парадоксально выглядит, в российской исторической науке закрепилось достаточно выраженное разделение на «сферы влияния» — уделом «национальных» («периферийных») историков стали проблемы в четко очерченных административно-политических границах отдельных республик, в лучшем случае, регионов.

¹³ Филиппова Т. «Российская нация» и ее история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. 372 с. С. 107.

При этом далеко не всегда учитывалась значимость «местной» истории: более «укорененной» в коллективном сознании, способной «мобильно» корректировать существующие представления об историческом прошлом конкретных народов.

Можно полностью согласиться с тезисом Э.А. Шеуджен, что «к сожалению, продолжает сохраняться изоляция исторического знания «местного уровня»: лишь незначительное число исследований, проводимых в регионе, попадает «под контроль» коллег из «центра», становясь предметом научного и общественного внимания. Вполне естественно, что при таком положении принципиально значимые выводы, как и ошибочные суждения, остаются вне научной критики. Продолжает складываться образ «другой», в известном смысле «чужой» истории, сохранение и изучение которой является задачей не российской науки, а лишь ее «национальных» представителей. При таком подходе история, в частности северокавказских народов, представляется некоторым исследователям «глобальных» проблем менее значимой, пораженной вирусами мифологизации, фальсификации и другими пороками, которых чудесным образом избежали не «национальные» историки¹⁴.

Между первой научной работой по изучаемой проблематике и последней на данный момент промежуток более четверти века. Данное издание не может быть, на мой взгляд, лишь простой компиляцией текстов из прежних работ. Уже сама структура монографии, которой обязательно предшествует определенный, подчас жесткий отбор вещей, с неизбежностью будет свидетельствовать об осмыслении и переосмыслении прошедшего с высоты сегодняшнего научного опыта. Издание такого рода можно строить по-разному. Можно положить в основу проблемный принцип, можно — хронологический, а можно — как сделано в данном случае — проблемно-хронологический. Конечно, необходимость разделов обусловлена четкими проблемными различиями, но всех их объединяет поиск ответа на вопрос о месте Кавказа в мировой истории, его значении, исторической трансформации и перспективах. Тем самым, как представляется, более рельефно прорисовываются общие закономерности научного поиска автора.

¹⁴ Шеуджен Э.А. О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 91.

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ОЧАРОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹⁵

В последние годы предприняты усилия, направленные на констатацию и анализ изменений, произошедших в российской исторической науке за последние десятилетия. В их ряду нельзя не отметить процесс интернационализации исторического знания, преодоления изоляции российской науки от мировой. Под влиянием импульсов извне за несколько десятилетий неузнаваемо изменилось «лицо» исторической науки, но, по-прежнему, непросто понять насколько происходящие процессы отражают органику историографического движения. Более того, какова «плата» за осуществленный прорыв.

В течение относительно короткого времени на русский язык были переведены десятки фундаментальных работ западных исследований по социальным и гуманитарным наукам. Произошла трансляция западных эпистемологических парадигм, активно начали осваиваться междисциплинарные модели и методы познания прошлого (историческая антропология, историческая психология, история ментальности, гендерная история и др.). Несмотря на завораживающее очарование «новизны» («новые новые истории», «новые старые истории», «новейшие истории» и т.п.). Все более крепло ощущение, что единая река истории раздробилась на отдельные ручейки, все дальше разбегавшиеся друг от друга, а «окольные тропинки» далеко не всегда приводят к желаемым результатам.

Окидывая критическим взглядом горизонты современного исторического знания, анализируя «модную» исследовательскую проблематику, бесконечные эпистемологические искания модер-

¹⁵ Sheudzhen E., Tleptsok R.A., Pocheshkhov N. The Foreign Historical Thought and the Historiographical Realities // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, No 5, Supplement 1, September 2015. Pp. 509–516. (на англ. яз.) (перевод на русский язык). Название работы дается в авторском варианте.

низма и постмодернизма Ф. Анкерсмит заявляет, что не тропы, не дискурсы, не нарративы, не категории, не «языковые игры» не способны дать завершеного представления о прошлом. Более того, он делает шокирующее замечание: прошлое, как таковое, всегда должно «внушать нам ужас»¹⁶. Прежде всего невозможностью достигнуть горизонт, преодолеть его призрачную близость.

Неудивительно, что восприятие идей, сформировавшихся в западной исторической науке, оказалось отнюдь не простым делом: недостаточно было желания и воли, нужна была более широкая и свободная система мышления, снятие идеологических запретов и ограничений с источников, развитое умение вести научный диалог, освоение международной системы научных коммуникаций (международные научные конференции, система грантов и т.п.). И, конечно, время, необходимое для появления новой «популяции» историков, способных мыслить независимо, вопреки теоретическим позициям и опыту историописаний своих учителей.

Под «грузом» необычной информации у многих российских историков ощутимо стал проявляться комплекс неполноценности, более того, профессиональной «обделенности». Несколько лет тому назад, прочтя воспоминания А.Дж. Тойнби о годах его обучения в Оксфорде, «наборе» требований, входящих в понятие «классическое» университетское образование и особенно о его путешествии по современному «греко-римскому» миру, позволившему завершить университетское образование, многие почувствовали сожаление, осознав, что даже наиболее способные выпускники российских университетов не имели этих возможностей¹⁷.

Заемствование идей отнюдь не означало, что они будут результативно «работать» в российских условиях: огромное количество «белых пятен», идеологически ориентированная проблематика, препарированная источниковая база, незнание иностранных языков. Преодоление этих обстоятельств требовало времени и постепенности. Учитывая, что в России продолжает существовать выраженное деление науки по принципу «центр — периферия», сравнительно небольшая группа историков взяла на себя функции «посредников» при трансляции новых идей. В качестве примера

¹⁶ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 5.

¹⁷ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 23–25.

достаточно обратиться к деятельности А.Я. Гуревича и основанно-му им альманаху «Одиссей», ставшего первым в стране периодическим изданием, ориентированным на рецепцию зарубежной методологии исторической науки.

Неудивительно, что идея модернизации исторического знания, без серьезного опыта работы в пространстве конкурирующих теоретических идей, привела не столько к освоению новых теорий и исследовательских техник, сколько к уже широко апробированному в историографии советского периода цитированию извлечений из работ отдельных авторов¹⁸. При этом упрочивалось понимание того, что новации, приводят как минимум к обесцениванию предшествующих времен по причине их анахроничности, а как максимум — к отрицанию, равнозначному разрыву. Более того, феномен обесценивания прошлого влечет за собой «усиливающееся чувство отдаления», притупляет чувство долга по отношению к предшественникам. В частности была упущена возможность реформирования исторической науки путем усовершенствования марксистской методологии истории¹⁹.

Вне сферы внимания оказался опыт неомарксистских, обновленческих социально-философских и экономических концепций, направленных на «вписание» марксизма в реалии, в проблемный контекст и исследовательскую практику прошедшего столетия. Несмотря на критику многих положений «старого марксизма», значимость его базовых методологических положений начала осознаваться многими европейскими мыслителями, не принадлежавшими к ортодоксальным марксистам. Так, дань неомарксизму отдали такие известные французские интеллектуалы, как К. Леви-Стросс, М. Фуко, Л. Гольдман, в то время как в России критика марксизма фактически свелась к полному «отказу» и попыткам «забвения».

Более того, развернувшаяся тотальная критика марксизма обогатила «бои за историю» тактикой «выжженной земли», о чем, в свое время, даже мечтать не смели самые «оголтелые» советологи. Однако

¹⁸ При этом, проявлялись почти анекдотические, по своей наивности, попытки поддержать престиж полиглота: в ссылке указывалось издание на языке оригинала, а в тексте цитировались извлечения из перевода.

¹⁹ Почешхов Н.А. История народов Северного Кавказа в советской историографии: позитивный или негативный опыт? // Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону: Изд-во: Фонд науки и образования, 2014. 214 с.). С. 149–153.

проблема критического восприятия идей зарубежных исследователей не потеряла своей значимости и сейчас, когда кавказская тематика вновь стала одной из главных в мировой политике, но уже в рамках совершенно другой политической эпохи, но с теми же, по сути, политическими акторами. Характерно, что З. Бжезинский, позиционирующий геополитику как игру на «шахматной доске», указывает на Кавказ как на одну из важнейших зон, контроль над которой подразумевает множество позиционных преимуществ. Это обстоятельство свидетельствует не только о политической значимости, «вписанности» региона в мировой политический сценарий, но и об недостаточной разрешенности исследовательских проблем Кавказа²⁰.

Сегодня, когда страсти немного поутихли, появилась возможность попытаться дать объективную оценку недавнего историографического прошлого, представить «реальную» картину состояния исторической науки, ее места в системе идеологического противостояния противоборствующих общественных систем, понять энергетику тотальной борьбы «с буржуазными фальсификаторами истории». Важно осознание, что, несмотря на жесткую методологическую ориентацию, присущую историческим публикациям того времени, это значимая часть исторического, точнее, историографического наследия, своеобразный научный феномен XX века.

Историческая наука в современной России предстает как совокупность локальных групп исследователей, независимо выбирающих теоретические подходы и методологию исследований. Более того, стремящихся любыми способами лоббировать свои вклады, доказывая неоспоримую истинность приводимых исследований, дискредитируя усилия других исследователей с бескомпромиссностью конкурентной борьбы. Как правило, такие сообщества ученых складываются вокруг научных школ, семинаров, тематически ориентированных периодических изданий. Все остальные предстают в качестве «союзников» или противников в разворачивающейся борьбе «без правил».

При этом, понять реальные результаты трансферта исторических идей невозможно без осознания каким образом и насколько новые идеи проникли в историографический процесс на уровне российских регионов. Одним из характерных примеров в этом отношении может стать северокавказская историография. Зародив-

²⁰ Tleptsok R.A. The Caucasus in the geopolitical coordinate system // Empires and Nations from the 18th to the 20th Century. Vol. 1. Cambridge, 2014. P. 337.

шись как практика историописания, она прошла непростой путь развития на основе идей романтизма, позитивизма, марксизма, испытала влияние «вызовов» модернизма и, преодолев «время сомнений», остро ощутила необходимость установить новые основания исторической науки²¹. Развитие исторической мысли в регионе подошло к такому рубежу, когда дальнейший прогресс зависит от степени освоения теоретико-методологических проблем, преодоления резкой поляризации различных концептуальных подходов.

Сегодня дефиниция «региональная история» становится общепринятой в научном сообществе, так как имеет большую определенность по сравнению с такими понятиями, как «краеведение» и «местная история», позволяя изучать события разной конфигурации и масштаба²². При этом все более утверждается мнение, что цель познания и репрезентации исторического прошлого может быть достигнута в разном масштабе: местном или региональном, национальном или всеобщем.

Однако, несмотря на признание значимости региональных исследований, в российской историографии наметилась тенденция отнесения их к «провинциальной» науке. По-видимому, было бы более рационально перенести исследовательский интерес с увлеченного изучения «феномена провинциализма» на условность понятий «провинция» и «центр» в контексте современной российской истории. Еще менее обоснованной выглядит подобная дифференциация применительно к историографии. Понятно, что обращение к истории конкретного региона приводит к изменению исследовательского пространства, что априорно не означает меньшую теоретико-методологическую значимость подобных исследований, их «провинциальность».

Когда историки Северного Кавказа обращали внимание на некорректность подобных оценок, их замечания воспринимались как амбициозная рефлексия. Теперь над их смыслом задумались и историки «центра». «Считаю, — пишет Л.П. Репина, — все же

²¹ История и социальные науки: поворотный момент? // *Анналы на рубеже веков. Антология*. М.: XXI век. Согласие, 2002. 284 с. С. 11–12.

²² *Шмидт С.О.* Краеведение и региональная история в современной России // *Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. Материалы международного семинара 19–20 июня 2000 года*. СПб., 2000. С. 11–15.

целесообразным, по возможности, избегать в обозначении научных направлений слов, перегруженных коннотациями — таких, например, как эпитет «провинциальный»²³. По-видимому, некоторым историкам нужно более глубокое понимание сложившейся в историческом знании ситуации для преодоления комплекса «сюзерена» при аналитической оценке состояния северокавказской историографии. Идеи в научном мире распространяются по весьма сложным траекториям: в основе одних лежат интеллектуальные прозрения на уровне региональной истории, в то время как другие возникают благодаря анализу процессов, характерных для более широкого пространства истории.

Следует признать, что интерес к проблемам историко-теоретического плана все более становится реальностью процесса развития исторического знания. Вопросы теории и методологии северокавказской истории занимают все более значимое место: появились специальные работы, авторы которых стремились обобщить опыт развития исторического знания в отдельных национально-административных образованиях в регионе²⁴. Становление историографической традиции во многом обусловлено научно-координационной деятельностью Северо-Кавказского научного центра высшей школы, издаваемыми им журналами, возрождением традиции проведения съездов-кавказоведов.

²³ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 182.

²⁴ *Шеуджен Э.А.* Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 1997. № 4. С. 57–60; *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историография Кавказской войны: в поиске новой парадигмы // *Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I съезда ученых-кавказоведов*. Ростов-на-Дону, 27–28 августа 1999 г. Ростов-на-Дону, 2000. С. 109–113; *Боров А.Х.* К обновленной концепции национальной истории: Историографические итоги и перспективы // *Исторический вестник КБИГИ*. Нальчик: Изд-во Эль-Фа, 2005. Вып. 1. С. 3–29; *Кузьминов П.А.* Кавказоведение на грани веков // *Кавказоведение: опыт исследований: Материалы международной научной конференции*. Владикавказ, 13–14 октября 2005 г. Владикавказ, 2006. С. 5–31; *Карамурзов Б.С., Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г.* Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса: древность — новое время // *Научная мысль Кавказа*. 2006. № 3. С. 68–76; *Дзидзоев В.Д.* Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа (Постановка вопроса) // Интернет. URL: kvkz.ru/.../2469-obektivnost-i-subektivnost-v-sovremennoj-istoriografii-kavkaza-postanovka-voprosa.html и др.

В последние десятилетия теоретические вопросы северокавказской истории привлекают все большее внимание историков, философов и социологов, усиливается интерес к проблемам теории и методологии истории. Тем не менее, так и не удалось установить рациональные диалоговые отношения между теми, кто занимается теорией истории и практикой историописания. Несмотря на то, что созданы сотни исторических сочинений, большинство из них остаются на нарративном уровне и крайне редко «выходят» на философско-теоретические обобщения.

В связи с этим возникает вопрос — достаточна ли база историографических источников по истории народов Северного Кавказа, способных стать основой для философских обобщений? Прагматический смысл приобрело утверждение Ф. Анкерсмита, что философии не стоит претендовать на выдвигание основания знания. Гораздо полезней для философов сосредоточиться «на результатах научного или исторического исследования»²⁵. Характер подобных отношений или их отсутствие заметно проявляется на уровне современной историографии, в том числе и северокавказской.

При всех нюансах, обращение к этнической истории народов Северного Кавказа позволяет накопить эмпирически значимый материал, основываясь на котором возможно ставить и осмысливать проблему вариантного развития народов в едином временно-пространственном измерении. При этом важно видеть целостность процессов не только в территориальных границах региона, но и возможности выхода в другие, более широкие исследовательские пространства (отечественной истории, а в связи с наличием диаспорных групп, быть может, и всеобщей истории).

При этом, исходя из представлений о линейности поступательного развития, именно в традиционном образе жизни немало исследователей, по-прежнему, усматривают проявление стагнации. Сегодня подходы к этой проблеме стали принципиально меняться. В философии истории наряду с системно представленными процессами, характерными для крупномасштабных, сложных обществ (О. Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, А.Дж. Тойнби и др.), дается и анализ опыта взаимодействия народов, имеющих разные культурные традиции. Ф. Фернандес-Арместо в блестящей книге

²⁵ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейниковой. М.: Европа, 2007. С. 204.

«Цивилизации» с полной определенностью утверждает, что, строго говоря, ««примитивные общества» вообще не существуют: все мы — результат одинаковой долгой эволюции»²⁶.

В XX в. возникло научное направление, сторонники которого бросили вызов модернизационной теории, доказывая необходимость скорректировать сложившиеся представления о этнокультурном многообразии, жизнеспособности культурных традиций, их взаимодействии и столкновении. С учетом этих идей заслуживает внимания постановка вопроса о культурном пограничье в контексте исторического опыта культурного взаимовлияния народов Северного Кавказа.

Вполне логично эпицентром внимания становятся этнические сообщества, традиционно связанные культурно-исторической общностью. Именно это особенно раздражает отдельных историков, настойчиво связывающих развитие современной «национальной историографии» Северного Кавказа с созданием политической мифологии. Вызывают как минимум удивление заявления, что «вульгарная, околонучная историография стала на Северном Кавказе и в других регионах заметным социальным явлением, пускает корни в массовом сознании, способствует межнациональному отчуждению...»²⁷. В связи с подобными утверждениями хотелось бы задать ученический вопрос: эти «смертные грехи» современного исторического знания связаны только с национальной, более того, северокавказской историографией, или имеют более широкие ареалы распространения и генетические основания?

Культурные идеалы, моральные ценности, религиозные принципы сыграли важную роль не только в развитии отдельных обществ, но и в консолидации народов. Более того, современный мировой опыт не исключает, что малочисленные народы, являясь участниками истории, способны создавать, изучать и использовать собственный исторический опыт. При этом изучение опыта межкультурного взаимодействия может быть «вписано» не только в тематику региональной, но и всеобщей истории.

²⁶ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. Пер. с англ. М.: АСТ Москва, 2009. 764 с. С. 33.

²⁷ Бульгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов [Электронный ресурс] URL: [history.vuzlib.org>book_0064_page_75.html](http://history.vuzlib.org/book_0064_page_75.html)

Этнизация северокавказской истории вполне закономерный для молодых историографий процесс. Более того, такие понятия, как «родная земля», «коренной народ» отнюдь являются не «химерами» региональной идентичности, а вполне характерным для человека стремлением понять «кто он, куда и откуда идет. Едва ли историкам надо «заботиться», что народы стремятся восстановить историческую память»²⁸. Избежать «войн памяти» позволят не запреты, не страх перед возрастанием национализма, а преодоление массовой амнезии. Начавшийся в глубине веков процесс межэтнического синтеза придал монолитность мозаичному Северному Кавказу, что не исключает противоречий. С этими обстоятельствами необходимо неукоснительно считаться, обращаясь к проблемам региональной истории.

По сравнению с другими территориями России северокавказский регион представляют сложную конфигурацию многочисленных самобытных культур, основанных на исторически сложившихся особенностях традиционных институтов и практике общественной жизни. Особое значение приобретает изучение контактных зон с пограничными социально-культурными характеристиками, сформировавшимися на базе культурного, экономического, повседневного взаимодействия различных групп населения в административных образованиях разной конфигурации (край — область — республика, этнически «спаренные» республики). Конечно, разработка подобных вопросов потребует объединенных усилий социологов, культурологов, лингвистов, психологов.

В наши дни научное сообщество выходит на новый уровень понимания принципов и методов познания региональной истории. В том числе реакция на публикации зарубежных авторов. Примером тому может служить проблема северокавказского фронта. Истоки этого понятия уходят в культовую для американцев работу Фредерика Тёрнера «Фронт в американской истории» (1893). Основные положения его теории сводятся к следующему: фронт — это граница между варварством и цивилизацией; территория динамики, постоянной обновляемости жизни.

²⁸ Сень Д.В. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII — начала XIX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Краснодар, 2006. С. 380–381, 386.

В России во второй половине XIX в., несколько раньше теории Ф. Тернера, стала утверждаться теория колонизации, наиболее последовательно разработанная В.О. Ключевским. Как для Тернера американская история, так и для Ключевского российская, в значительной степени были историей колонизации. Существование свободных пространств, их постепенное освоение, продвижение американских поселений на запад, а российских на северо-восток и юго-восток рассматривалось как важнейший фактор развития. «История России, — подчеркивал Ключевский, — есть история страны, которая колонизируется... Переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»²⁹. Каждая из теорий прошла свой путь развития, но, если идеи Тернера стали ориентиром для американской историографии и в последующие годы активно развивались и критиковались, более того, после Второй мировой войны получили широкое распространение в европейской исторической науке, то понимание Ключевским процесса колонизации как «освоения» новых пространств было полностью вытеснено марксистским толкованием этого явления. В последние десятилетия, на фоне массового увлечения зарубежной историографией, в российской истории делаются энергичные попытки применить подходы, выработанные исследователями американского Запада, к истории отдельных регионов России (Сибири, Дальнего Востока, Башкирии и т.п.) и даже истории отдельных городов. В частности, материалы по проблеме «сибирского фронта» буквально заполняют Интернет.

В ряду территорий, так называемого российского фронта, особое место занимает северокавказский регион. В этом смысле несомненный интерес представляет статья Томаса М. Барретта «Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России», опубликованная в первом томе антологии «Американская русистика»³⁰. Автор статьи делает попытку применить подходы, выработанные исследователями американского Запада, к истории Северного

²⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 2. / Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 49–51.

³⁰ Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Сост. Майкл Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. С. 163–195.

Кавказа. По его мнению, такой прием поможет преодолеть сложившиеся в исторической науке стереотипы в изучении истории региона как истории завоеваний, репрессий и сопротивления местного населения, или как истории сближения и дружбы народов. Однако историографическая ситуация не столь проста. Прежде всего, важно отметить, что в последние годы представление о фронтире претерпело значительные изменения, стало более емким и вариативным. Тем не менее, современные исследователи не редко продолжают трактовать его как границу между заселенными и незаселенными территориями, «место встречи дикости и цивилизации»³¹. Применительно к Северному Кавказу обнаруживаются, как минимум, два важных вопроса: во-первых, что означает понятие «незаселенные» земли и, во-вторых, каким образом следует оценивать «вовлеченность» народов данного региона в цивилизационные процессы?

Географические особенности этого региона, его расположение на «стыке» Европы и Азии издавна были причиной повышенного внимания к Кавказу великих держав, прежде всего Греции, Византии, России, Турции и Ирана. Упрочить свои позиции в регионе фактически пытались все сопредельные государственные образования, ставившие перед собой цель расширения территориальных границ, установления контроля над важнейшими торгово-экономическими магистралями. На всем протяжении истории в этом регионе возникали территории порубежья, имевшие специфические черты и разную степень контактности с другими народами, однако никогда регион не воспринимался окружающим миром как «незаселенная» территория, более того, уровень развития автохтонных народов способствовал установлению продолжительных контактов в различных сферах общественной жизни.

По мере исторического развития представления о «порубежном» мире заметно усложнялись. Так, приведенные достаточно широко известные факты позволяют утверждать, что порубежье между народами Северного Кавказа и Россией существовало на протяжении многих веков, приобретая различную конфигурацию: от условной «контактной зоны» до жестких разделительных военно-стратегических линий. В этом смысле можно согласиться,

³¹ Ходарковский М. В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.). URL: http://www.sakharov-center.ru/chs/chruso2_3.htm

что народы Северного Кавказа в течение веков находились в южной зоне российского (европейского) фронта. Однако никогда территория по другую сторону условной границы не воспринималась как незаселенное, свободное пространство.

Не менее важным представляется рассмотрение вопроса о северокавказском фронтире, как границе между «цивилизацией» и «дикостью». Майкл Ходарковский, американский профессор российской истории, предлагает рассматривать северокавказский регион как место, где «произошла встреча двух различных миров: мозаичного мира существовавших на Кавказе языческих и мусульманских обществ с примитивной политической организацией и экономикой, основывавшейся на низкоразвитом пастушестве и натуральном хозяйстве, и мира людей, пришедших сюда из России, с ее бюрократическим аппаратом и военной машиной, геополитическими интересами и миссионерской амбицией эпохи Просвещения»³².

В последние годы в научный оборот энергично вводится понятие «горская цивилизация». Цивилизационный подход может оказаться весьма перспективным для осмысления специфики общественного строя народов Северного Кавказа, уровня их культурного, политического и экономического развития. Конечно, применение подобного подхода требует осмысления многих теоретических идей, в частности, уточнения объема понятия «цивилизация». Относительно народов Северного Кавказа, по-видимому, может быть использован вариант исторической интерпретации, в основе которого лежит представление о локальных цивилизациях как о сложном симбиозе самобытных обществ с уникальными чертами социально-экономической и политической организации, развивающихся в особых географических и природно-климатических условиях и отличающихся высоким уровнем культурной и духовной межэтнической интеграции.

Сегодня важно чтобы теоретико-методологические искания не привели к образованию новых лабиринтов и, что еще хуже, тупиков. Учитывая остроту и во многом дискуссионность проблем северокавказской истории, назрела необходимость осознать, какое место она занимает в процессе развития исторической науки,

³² Ходарковский М. В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.). URL: http://www.sakharov-center.ru/chs/chruso2_3.htm

как на региональном уровне «работают» базовые концепции, насколько выражена специфика подобных исследований. Развитие региональной историографии не только «не работает» против российской истории, а способствует ее обогащению за счет представлений о вариативности исторического процесса. Причем, речь идет не о доминирующем процессе развития исторического знания, а о возможности и значимости региональных исследований.

Особое значение для понимания сложившейся ситуации имеют прошедшие на Северном Кавказе в последние годы международные конференции, форумы, круглые столы. Благодаря им, стал возможен непосредственный обмен полученными результатами проводимых изысканий, осознание их актуальности и перспективности. Однако организация подобных собраний отразила невысокий уровень интереса к важнейшим теоретико-методологическим проблемам, а зачастую, нежелание, а быть может неумение, вести диалог.

Развитие системы Интернета не снимает проблемы мобильной информированности сообщества историков о характере и направленности проводимых изысканий. Малый тираж издаваемых работ, высокая стоимость подписки на специальные периодические издания, оплата права на публикацию своих работ, далеко не рациональная система комплектования интернет-ресурсов не позволяют установить «работающие» связи между отдельными исследователями, локальными группами и сообществами ученых. Все сложнее становится понять логику работы редколлегий периодических изданий, структуру организации печатного пространства, характер отбора материалов. Более того, поддержанию авторитета истории и профессионального сообщества не способствуют, явственно проявляющаяся идеология «отрицания» значимости трудов предшественников, неумение слышать оппонентов, уважать последователей.

Еще большее недоумение вызывает стилистика, точнее говоря язык, современных дискуссий в Интернете, все больше напоминающих «бои без правил». Стало принято, доказывая правоту своих позиций, прибегать не к аргументам, а к вульгарному маргинализованному жаргону. В результате утрачивается осознание интеллектуальной значимости проводимых в гуманитаристике исследований.

Однако, несмотря на непростую ситуацию для «национальных» историков Северного Кавказа стремление к объективной репрезен-

тации прошлого стало не только профессиональным, но и нравственным долгом. В условиях революционной «ломки» этнические сообщества стали осознавать смысл и значимость собственного исторического опыта, угрозу бездумно прерываемой «связи времен». Об этом мы часто забываем, беря на себя роль безапелляционных судий по отношению к работам ушедших «в лучший мир» авторов и уже не способных защитить свои взгляды и убеждения, более того, противостоять «рейдерским захватам» их наследия.

При этом важно преодолеть «одномерную апологетику», в основе которой лежат только положительные оценки всего, что произошло в стране и регионе в сфере исторического знания. Понятно, что при таком подходе из поля внимания неизбежно «выпадут» такие трагические явления, как субъективизм, профессиональное невежество, игнорирование разрушительных явлений, повлиявших на развитие исторического знания, более того, на ментальность научного сообщества.

И еще об одном. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) Н.М. Карамзин, отмечая важность для России заимствований европейской культуры, ставшими обычными уже в допетровское время, подчеркивал, что изменения делались далеко не всегда, применяясь «к нашему и новое соединяя со старым». В результате, заключает он «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»³³.

В целом, проблем немало. За прошедший век историческая наука пережила глубокую внутреннюю трансформацию: сменялись поколения историков, видоизменялись предмет и способы исторического познания, определялось отношение к документальным свидетельствам. При этом нельзя не учитывать, что история была и в значительной степени остается «чужой страной», где положение исследователя во многом напоминает пребывание на чужбине³⁴. Главное, чтобы историки не затерялись в бескрайних просторах непознанного, а, поддерживая друг друга словом и делом, упорно продолжали движение к постижению истины.

³³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 31, 33.

³⁴ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004.

«КАВКАЗ» — О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА И ДИНАМИКЕ ВОСПРИЯТИЯ ЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ³⁵

Кавказ занимает в мировой истории важное место, с древних времен являющийся своеобразным мостом в системе взаимоотношений «Запад-Восток». Оправданным, в контексте этого, является необходимость изучения понятия «Кавказ», его происхождения и возможного фоно-семантического генезиса. Историографический и источниковедческий анализ показывает, что в топонимике³⁶ нет не только общего понимания термина «Кавказ», но и сконцентрированной информации о различных версиях его происхождения. Существующие в историографии версии происхождения слова «Кавказ» можно условно сгруппировать в три блока. Первый — отражает оценочный критерий, характерный для его внешних особенностей. Например, цветовые или другие ассоциативные связи. Второй — касается специфической черты, которая упоминается в нескольких источниках — «сила, поддерживающая небо». Третий блок представлен этнонимическими интерпретациями термина, объясняющими формирование термина «Кавказ» посредством этнонима или нескольких этнонимов.

³⁵ Материалы выступления на международной конференции «Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century». Roma: Sapienza Universita Di Roma, 2013. (Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century. Roma: Sapienza Universita Di Roma, 2013. (перевод с англ.).

³⁶ *Топонимика* (от греч. (topos) — место и (онома) — имя, название) — наука, изучающая географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке и использует данные трех областей знаний: географии, истории и лингвистики.

Термин «Кавказ» (Καυκάσος) встречается впервые в трагедии Эсхила: «Скованный Прометей»³⁷ (479 г. до н.э.); от греков оно перешло к римлянам и затем ко всем новейшим европейским народам. Древние греки познакомились с Кавказом в VI в. до н.э. благодаря колонии Диоскуриада³⁸, основанной в Колхиде,

³⁷ Эсхил. Скованный Прометей. М.: Акц. Изд. О-во Огонек, 1931.

По древнейшей версии мифа, положенной в основу трагедии, двоюродный брат Зевса титан Прометей (в дословном переводе — «мыслящий прежде», «предвидящий») похитил у богов с Олимпа огонь и передал его людям, за что Зевс приказал приковать его к Кавказскому хребту. Регулярно прилетающий через день орел расклеивал у прикованного печень, которая — для увеличения страданий — вновь отрастала... Эти муки были прерваны Гераклом, убившем орла и освободившем Прометея. Но еще до Эсхила эта легенда была изложена Гесиодом. См.: Поздняя греческая проза / Сост. С. Поляковой. М., Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 634.

³⁸ *Диоскуриада, Диоскурия* (греч. Dioskuriás), античный город на побережье Черного моря (на месте современного г. Сухуми). Город получил свое название в честь Диоскуров — близнецов Кастора и Полидевка (Поллукса), детей Леды, участников похода аргонавтов и Калидонской охоты. Основанная в 6 в. до н.э. греками из Милета, Диоскуриада вела крупную торговлю с племенами Кавказа солью, скотом, воском, хлебом, рабами. В начале 1 в. н.э. оказалась под властью Рима, тогда же возникла крепость, в которой находился постоянный римский гарнизон; город стал называться Себастополисом. Расцвет Диоскуриады падает на 2–3 вв. н.э., с 4 в. начался упадок. Крепость существовала до 6 в. Вследствие опускания прибрежной местности и наступления моря развалины Диоскуриады находятся теперь на дне Сухумской бухты. Самые ранние письменные сведения об этом городе сообщает греческий писатель IV в. до н.э. Псевдо-Скилак. Он пишет следующее: «Колхи, после них есть племя — колхи, город Диоскурис...». Как полагают исследователи, упоминание о Диоскуриаде было заимствовано из сочинения Скилака Кариандского. Псевдо-Скилак также пользовался трудами Гекатея Милетского. Перечисляя города в Колхиде, Псевдо-Скилак указывает, что Фасис и Гюэнос были эллинскими, а относительно Диоскуриады обозначение «эллинский» не употребляет, и это дало повод некоторым исследователям считать, что Диоскуриада не была основана греками, а являлась местным колхидским городом. Из последующих авторов античного времени наиболее полно о Диоскуриаде говорит Страбон, живший на рубеже нашей эры, который пользовался ранними произведениями географической и исторической литературы (Артемидор, Эратосфен). В отличие от своих предшественников, интересующий нас город он называет не Диоскурией, как писали прежние авторы, а Диоскуриадой. Страбон сообщает следующее: «Эта же самая Диоскуриада служит началом перешейки между Каспийским морем и Понтом, а также общим торговым центром для народов, живших выше ее и вблизи, сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках, но все они кавказцы. Сходятся в Диоскуриаде, главным образом, за солью».

на восточном побережье Черного моря. По представлениям ионийских географов, Кавказ находился на восточной оконечности Земли. Исторически контроль над Кавказом носил важное стратегическое значение и уже в V–IV вв. до н.э. первый военный поход на Южный Кавказ предприняли персы. Позднее в IV в. до н.э. южная часть Кавказа входила в империю Александра Македонского, а с I в. до н.э. Южный Кавказ находился под протекторатом Римской империи. Позднее часть Кавказа делят между собой Византийская империя и Персия. В VII в. начинается экспансия на Южный Кавказ Арабского халифата. В настоящее время термин «Кавказ» понимается в физико-географическом и политико-административном смыслах. Это и горная система, и совокупность стран, расположенных на Кавказском перешейке между Каспийским и Черным морями.

В историко-географическом и экономическом отношении, в пределах Кавказа традиционно выделяют Северный Кавказ и Южный Кавказ (Закавказье). Северный Кавказ включает северный склон Большого Кавказа преимущественно по водораздельному гребню (на востоке — до реки Самур), а также юго-западный склон Главного Кавказского хребта на его крайнем северо-западном участке и Черноморское побережье Кавказа (Черноморское побережье России до реки Псоу). С точки зрения современной политической географии (политико-административного деления), территория Кавказа разделена между Россией — Северный Кавказ (Кавказ находится на юге (юго-запад) России), а также Азербайджаном, Арменией и Грузией (в том числе Абхазия, Аджария и Южная Осетия). Турция считает свои восточные регионы также относящимися к кавказскому региону.

В древнерусских источниках «Кавказ» впервые упоминается в «Повести временных лет» XII в. как «Кавкасийские горы»³⁹. В то же время часть исследователей считают, что связи древней Руси с волжско-каспийским культурным миром восходят «к незапамят-

Лит.: Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н. Исследование древнего Севастополиса, «Советская археология», 1960, № 3. Воронов Ю.Н. Диоскуриада — Севастополис — Цхум. М., 1980. Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А.И. Немировский. 3-е изд. Мн: Беларусь, 2001.

³⁹ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996.

ным временам»⁴⁰. В этом регионе славяне выступали не только как купцы, но и как заметная политическая сила. В конце IX — начале X вв. русы совершили несколько походов на побережье Каспия⁴¹. Более того, в походе 944—945 гг. на стороне русов участвовали аланы и лезгины⁴².

Важную роль в развитии торгово-экономических, культурных, военно-политических русско-кавказских контактов сыграло образование Тмутараканского княжества, основанного на Северо-Западном Кавказе, на Таманском полуострове. На территории княжества обитали разные народы: русы, касоги (адыги), греки, хазары, аланы, армяне. Столица княжества Тмутаракань стала крупным, по масштабам средневековья, торговым и культурным центром, связывающим население Северо-Западного Кавказа с Русью, Византией и другими странами. Сведения об этом периоде русско-кавказских отношений вошли в «Повесть временных лет» и в «Слово о полку Игореве». В них сообщается не только о широко известном единоборстве князя Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей, но и об участии касогов в военных походах русов. К сожалению, до нас дошли весьма скудные сведения, дающие лишь фрагментарное представление о начальном этапе отношений русов и северокавказских народов. Пожалуй, одно бесспорно — первый опыт межэтнических контактов закладывался именно в эти удаленные в прошлое века⁴³.

Уникальность термина «Кавказ» заключается в том, что оно позволяет сосуществовать множеству оригинальных автономных версий и гипотез его происхождения. Серьезные сложности в анализе возникают уже при попытке интерпретации и перевода

⁴⁰ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 165.

⁴¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 54–55.

⁴² Дорн Б.А. Каспий. СПб., 1875.

⁴³ В XIII–XIV вв. в результате татаро-монгольского нашествия русско-кавказские отношения фактически прервались. Только с ослаблением Золотой Орды они вновь стали укрепляться. Постоянные торговые связи Руси с Северным Кавказом поддерживались по Волге и Каспию и, так называемому, «Донскому пути». Существовала и сухопутная «Кавказская дорога». В XV в., как о трудностях обычного торгового предприятия, А. Никитин писал о неудачном «хождении» в Дербент русских судов с московскими тверскими купцами, попавшими на Каспии в сильную бурю.

термина «Кавказ», так как оно не находит *однозначного* (курсив — Т.Р.) объяснения ни в греческом, ни в латинском, ни в грузинском, армянском, иранском и кавказских языках⁴⁴. По свидетельству географа Страбона (со ссылкой на Эратосфена (III век до н. э.)), местные жители называли Кавказ Каспием⁴⁵, что является косвенным подтверждением о иноземном происхождении названия Καύκασος. Проблема происхождения понятия «Καύκασος» неясна и в попытках лингвистов дать какую-либо этимологию нет единства⁴⁶. Гай Плиний, римский писатель, ученый и государственный деятель, живший в I в. н.э., приводит скифское название Кавказа — «Крауказ», производимое от санскритского «Каз» — блестящий и «граван» — скала, что означает «сверкающая скала» от снега⁴⁷.

Проблемы, возникшие с интерпретацией исходного греческого термина, неоднократно заставляли ученых обращаться к более поздней латинской форме скифского названия горы латинское

⁴⁴ Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999. 320 с. С. 190. ISBN 5-02-011675-0.

Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 2001. 479 с. С. 313. ISBN 5-288-02121-X

⁴⁵ Страбон. География / пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского под ред. О.О. Крюгера, общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. С. 497.

⁴⁶ Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 2001. 479 с. С. 310–318. Древне-греческое «Καύκασος», согласно предположению Отто Шрадера и Альфонса Неринга связано с готским hauhs — «высокий», лит. kailkas — «шишка, бугор», лит. kaukarà — «холм, вершина». С критикой подобной интерпретации термина выступил В.А. Никонов, доказывающий, что этимология О. Шрадера и А. Неринга лишена доказательств. Однако, еще менее убедительна этимология, предложенная Альбертом Йорисом ван Виндекенсом, возводившего ороним Καύκασος, название горы и города в Бруттии Κόκκυθος, а также пеласгское κόκκυς· λόφος к и.-е. *gug-, от которого литовское gūgà, литовское gaūgagas — «вершина». Аналогичное сопоставление с литовским gaūgagas проводит Альберт Джозеф Карной. Британским лингвистом Эдрианом Румом предложена этимология от пеласгского *kau- — «гора». Вместе с тем Э. Рум не объясняет происхождение второй части оронима.

⁴⁷ Плиний Старший. Фрагменты о Скифии и Кавказе. // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 271–316. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М.: Индрик, 2011. 504 с. (отрывки из Плиния о Восточной Европе и Кавказе на с. 141–382) (Серия «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

«Croucasim» (аккузатив)⁴⁸. Форма без вариантов Croucasis (номинатив) засвидетельствована у Солина⁴⁹, Йозеф Маркварт объясняет из древнеиранского (скифского) *χροhu — «лед» и kāsī — «блестящий», то есть — *χροhu-kāsī — «сверкающий снегом, льдистоблестающий»⁵⁰. Пауль Кречмер, ссылаясь на латышские kruvesis — «гололедица» и др.-в.-нем. (h)roso — «лед»⁵¹, сопоставляет ороним с древнегреческим κρύος — «лед», и с другой стороны с древнеиндийским kā́ ṣatē — «блестит, светит» от древнеиндийского kāṣ — «блестеть, быть видимым»⁵², значение при этом определяется у Кречмера, как «ледяной блеск». Менее удачно сравнение А.И. Соболевского с авестийским kahrkāsa — «ястреб»⁵³.

Попытку объяснения термина «Кавказ» предпринял почетный член Российской академии наук, польский историк, естествоиспытатель, археолог, литератор — граф Ян Потоцкий, совершивший путешествие к подножию Кавказского хребта в 1797–1798 гг.⁵⁴ Я. Потоцкий ссылается на слова древнегреческого философа Клеанфа, который утверждал, что название «Кавказ» идет от имени одного пастуха, убитого Сатурном, замаски-

⁴⁸ Плиний Старший, Естественная история. 6, 50: лат. Scythae ipsi Persas Chorsaros et Caucasum montem Croucasim hoc est nive candidum.

⁴⁹ Солин, Собрание достопамятных сведений. 49, 6: лат. Scythae Persas Chorsacos nominant montemque Caucasum Croucasim, id est nivibus candicantem.

⁵⁰ Kaukasus // Morgenland. Zeitschrift, hgb. von J. Marquart und R. Meckelein. Berlin, 1922. № 1.

⁵¹ Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Kuhns Zeitschrift (KZ)]. Berlin, 1928. Bd. 55. Ss. 75–103. S. 100.

⁵² Kretschmer P. Altindisch amba // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Kuhns Zeitschrift (KZ)]. Berlin, 1930. Bd. 57. Ss. 251–255. S. 255.

Kretschmer P. Inder am Kuban // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Klasse. Anzeiger. 80 Jahrgang, 1943 (1944). Nr. I–XV. 35–42 s. S. 35.

⁵³ Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. XII. Кавказ и Черкасы // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук (ИОРЯС). Петроград: Российская академия наук, 1921. Т. 26, 43.

⁵⁴ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Ян Потоцкий —
составитель чеченского словаря и работы
«Путешествие в Астраханские и Кавказские степи».
Портрет работы А. Варнека

рованным под крокодила⁵⁵. Но сам же возражает, утверждая, что это название должно произноситься как Кох-Каф и персы его произносили именно так. На их языке это означает «Гора Кафа».

⁵⁵ *Клеанф* (греч. Κλεανθης) — стоик, ученик Зенона и преемник его в управлении школой, родом из Трояды в Малой Азии, жил в середине III века до н.э. К. был автором нескольких десятков сочинений по всем разделам стоического учения (из ранних стоиков больше него написал только Хрисипп). Известны 58 названий: 50 по списку Диогена Лаэртия (VII 174 = S VF I 481), прочие — по другим источникам; время и последовательность написания установить невозможно. В относительно цельном виде до нас дошел «Гимн к Зевсу» (фр. 537), который в поэтической форме выражает квинтэссенцию стоического мироощущения и считается заметным

Аналогичной точки зрения придерживался и известный французский романист Александр Дюма. «Происхождение же слова «Кавказ» известно, — отмечал А. Дюма, — Кавказ обязан своим названием убийству, совершенному одним из самых древних богов. Когда Сатурн, изувечивший своего отца и поглотивший собственных детей, был разгромлен в грандиозной битве Юпитером, своим сыном, он скрылся с поля боя; странствуя, встретил пастуха по имени Кавказ, направлявшегося со стадом на гору Пифак, отделяющую Армению от Ассирии (по Страбону, с этой горы берет начало Тигр). Кавказ имел неосторожность преградить путь беглецу, но Сатурн убил его ударом меча. Юпитер, желая увековечить напоминание об этом убийстве, дал имя жертвы всей Кавказской горной цепи...»⁵⁶.

Интересное понимание «Кавказа» встречается у Исидора Севильского в сочинении «Этимология», где автор указывает, что «Кавказские горы, протянувшиеся от Индии до Тавра, именуется на своем протяжении различными именами сообразно с разнообразием народов и языков»⁵⁷. Это обстоятельство объясняет при-

памятником античной гимнографии. Из прочих сочинений наиболее важны были следующие. По логике: «Риторика», «Логика» [«О разуме»] (Περὶ τοῦ λόγου) в 3-х кн., «О чувственном восприятии», «О знании», «О диалектике», «О повелевающем рассуждении» (Περὶ τοῦ Κυριεύοντος), «О предикатах» (Περὶ κατηγορημάτων), «О неразрешимом»; по физике: «О Зеноновом учении о природе» в 2-х кн., «Физические заметки», «О времени», «Разыскания о Гераклите» в 4-х кн., «Об атомах», «Против Демокрита», «О богах», «Против Аристарха», «О влечении» в 2-х кн.; по этике: «О конечной цели», «О добродетелях», «О надлежащем» в 3-х кн., «О поступках», «О наслаждении», «О законах», «Политик», «О свободе»; прочие: «Увещание» (Προτρεπτικός), «Беседы» (Διατριβαί) в 2-х кн., «Любовное искусство», «О воспитании» (Περὶ ἀγωγῆς), «Исследование о древностях» (Ἀρχαιολογία) и др.

⁵⁶ Дюма А. Кавказ. Пер. с французского. Тбилиси, 1988.

⁵⁷ *Исидор Севильский* (Isidorus Hispalensis) (ок. 560 — 4 апреля 636) — учитель Церкви, энциклопедист, выдающийся представитель «визиготского возрождения». Самым большим достижением Исидора стала написанная в 627–630 гг. «Этимология» — свод всех знаний, сохранившихся с античности. Почти на 10 веков книга приобрела фантастическую популярность (от нее сохранилось более тысячи списков), так как для средневековой Европы стала настоящей энциклопедией всех наук, а Исидор считался отцом средневековой энциклопедистики. Конечно, эта книга страдает всеми недостатками своего времени: бессистемность изложения, не критичность к источникам, компи-

чину появления в трудах европейских авторов географического названия «Индийский Кавказ». Так, Гильом де Рубрук, проехав через земли, расположенные севернее моря (Каспийского), в которое впадает река Волга (Этилия), увидел горы Кавказа, по его словам, соприкасающиеся с обеими сторонами моря от запада к востоку⁵⁸. Он был уверен, что упомянутая горная цепь тянется до восточной оконечности евразийского материка⁵⁹. Возможно идентичное название Кавказских гор и возвышенности на юго-востоке Казахстана, видимо, породили у западноевропейских и мусульманских народов ложное представление о единой горной системе, протянувшейся через всю Азию, разделяя ее на южную и северную части, либо о мифическом каменном поясе Земли.

Необходимо отметить еще одно получившее в историографии широкое распространение предположение П. Услара, что термин «Кавказ» является искажением туземного «Кох-аз» и будто бы

лятивный характер, но в этом же и ее достоинство: она в почти не тронутым виде сохранила большие выдержки античных мыслителей и ученых. До 12 века «Этимология» была главным источником знаний по учению Аристотеля, на котором строилась вся средневековая философия — схоластика. Даже в период Ренессанса, когда начала формироваться современная наука, «Этимология» Исидора Севильского была одной из самых издаваемых книг. *Etymologiae*, ed. J. Fontaine. P., 1981, тома *Etimologiae* издаются с 1981 по настоящее время; в рус. пер.: Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970, с. 196–205. Лит.: *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989, с. 196–276; Fontaine J. *Isidore de Seville et la culture classique dans l'Espagne wisigotique*, 2 vols., 1959, rev. éd. 1983.

⁵⁸ *Гильом де Рубрук* (Guillaume de Rubrouck, букв. «Гильом из Рубрука») (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам. Автор книги «Путешествие в восточные страны». *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / Перевод А.И. Малеина; Отдел рукописей, редких и старопечатных книг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

⁵⁹ «Все эти племена живут среди гор Кавказа, но у северных склонов этих гор, вплоть до восточного океана, с южной стороны Скифии, которую населяют пастухи Моалы (монголы — автор); все племена платят им дань, и все преданы идолопоклонству и рассказывают басни про множество богов, про некоторых обоготворенных людей и про родословную богов, как поступают и наши поэты. Между ними, в качестве пришельцев, примешаны вплоть до Катайи несториане и Саррацины». Цит. по: *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / Перевод А.И. Малеина; Отдел рукописей, редких и старопечатных книг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

означает с иранского «Гора аз»⁶⁰. Однако такое толкование не согласуется с законами, например, ирано-осетинского языка, в котором существительное «хох» — гора всегда стоит на втором месте, как в названиях: Адай-хох, Джимарай-хох, Зылги-хох и т.д. По утверждению В.И. Абаева, обратный порядок слов в этом языке просто немислим. Стало быть, по этой закономерности должно было бы быть не «Хох-аз», а «Аз-хох»⁶¹. И этот факт опровергает распространенное мнение П. Услара.

Мизиев И.М., разделяя тюркскую версию, предлагает вариант объяснения термина, исходя из понятия «Кабк», которым называли Кавказ арабские источники, туркмены, каракалпаки и некоторые кавказские народы⁶². Слова «кабак», «кабк», «капу» означают на тюркских языках понятия «ворота», «двери». Прибавление древнейшего тюркского этнонима «Аз», ныне сохранившийся у многих тюркских народов в виде родоплеменных, патронимических названий позволяет, по мнению Мизиева И.М., «выйти» на понимание этимологии «Кавказа». Термин «каз», завершающий название «Кавказ», является древнейшим именем хазар и означает «кочевать»

⁶⁰ *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах, вып. X. Тифлис, 1881. С. 485–490.

⁶¹ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Наука, 1958. Т. 1. *В.И. Абаев* (1900–2001). Диапазон его исследований охватывает практически все стороны языковой структуры, в каждой из которых ему удалось выйти на новый уровень описания и систематизации. Абаевым было предложено разделение осетинских гласных на «сильные» и «слабые». Абаев установил двоякую ирано-кавказскую природу осетинского языка, выдвинул теорию «кавказского субстрата». Главным трудом ученого признается «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (издан в четырех томах, с 1958 по 1989 год). Об этом словаре пишет известный иранист М.И. Исаев: «Венцом всестороннего изучения осетин, основным итогом глубокого исследования вопросов фонетики и морфологии, лексики и лексикографии, диалектологии и контактов, субстрата, изоглосс и истории... явился основной труд всей его жизни — «Историко-этимологический словарь осетинского языка...».

⁶² *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. — Тифлис, 1908. — С. 40, 97; *Караев О.* Земли тогузогузов карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 109.

или «кочевник»⁶³. Таким образом, делается вывод, что «Кавказ» может означать понятие «ворота кочевников», «ворота азав»⁶⁴.

Характеризуя в целом разнообразие подходов к пониманию этимологии термина «Кавказ», необходимо отметить, что антропонимическая система народов региона характеризуется гетерогенностью⁶⁵, которая обусловлена взаимовлиянием культур. Известно, что существуют разные традиции и принципы наименования мест, наречения людей, в том числе именами, восходящими к именам и нарицательным словам, взятым из языка других этносов. «Все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена, — писал средневековый автор Иордан (VI в.), — у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же по преимуществу заимствуют имена гуннские»⁶⁶. Все это заставляет быть осторожным при использовании результатов этимологического анализа имен собственных для языковой идентификации их носителей.

Зачастую авторы находят в термине «Кавказ» свою национальную «изюминку», не ощущая, в то же время, ярко выраженной противоположности в толковании слова, что свидетельствует лишний раз о едином культурном пространстве народов Кавказа, с активными внешними связями. Наличие разных мнений наталкивает на поиски новых ответов на вопрос: каково значение термина «Кавказ»? Проведенный анализ свидетельствует, что в интеллек-

⁶³ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 114; Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М. Наука, 1982. С. 51; Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

⁶⁴ Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе (из истории горного туризма и отечественного альпинизма) // <http://www.balkaria.info/library/m/miziev/sledy/sledy.htm>

⁶⁵ Гетерогенность (от греч. ἕτερος — другой) — составяемость из различных по своей природе или происхождению частей; противоположность — гомогенность (от греч. γένος — род). Если у гомогенной системы ее свойства одинаковы во всех частях или меняются непрерывно, без скачков, то гетерогенная система состоит из различных по свойствам, разграниченных частей. Гетерогенность концептуальной системы проявляется в сочетании в ее рамках разнородных, несовместимых принципов, что ведет к ее противоречивости.

⁶⁶ Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Кн. 2 (История Отечества в романах, повестях, документах). М.: Молодая гвардия, 1986. С. 641.

туальной среде во внимание берутся только две версии: арабское и тюркское названия Кавказа. Каждая из этих традиций настолько устоялась и обросла собственной историографической традицией изучения предмета, что любые дискуссии между представителями разных течений выливаются в обмен отработанными концепциями и подборками фактов и не приводят к какому-либо продвижению на этом участке исторической науки. Скорее можно говорить о «кавказской войне историографий», доходящей порой до личной неприязни. Современные политические проблемы Северного Кавказа, безусловно, не могут не волновать историков-кавказоведов, но они слишком сильно отражаются на той литературе, которую мы по привычке продолжаем считать научной. Плодотворное исследование очерченного круга проблем будет зависеть от того, удастся ли исследователям отказаться от традиционного стремления «осудить» одно и признать «единственно верным» другое?

КАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ⁶⁷

На протяжении всей истории Кавказ был вовлечен в мировую политику, подвергаясь военно-политической экспансии и социокультурному воздействию извне. Доминировать на Кавказе пытались буквально все сопредельные государственные и политические образования, ставившие перед собой цель расширения границ влияния в регионе. Рассматривая Кавказ в геополитическом измерении, значимым является то, что это пространство, где разграничиваются и взаимодействуют Запад и Восток как культурно-цивилизационные образования, где происходил исторический синтез двух цивилизаций — христианской и исламской.

Важность кавказского региона, с политической точки зрения, определяется во многом его вхождением в так называемое «Пятиморье» — территорию, включающую пространство, заключенное в пятиугольник Каспийского, Черного, Средиземного, Красного морей и Персидского залива, что еще больше подчеркивает его функциональную значимость⁶⁸. Исторически серьезной внешнеполитической задачей российского государства становится усиление влияния в «Пятиморье», получение выхода в проливы и моря и расширение присутствия в панрегионе. Выделение геополитических районов, определение их границ, с одной стороны, постоянно воспроизводит некие устойчивые соотношения, с другой, столь же постоянно корректируются дипломатической конъюнктурой, изменением направлений экспансии, международными войнами и конфликтами, всем ходом исторического процесса.

По концепции классика геополитической мысли Х. Маккиндера, всемирная история имеет «географическую ось», которая

⁶⁷ Тлепцок Р.А. Кавказский вектор российской политики // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 5(84). С. 17–21.

⁶⁸ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX в. М., 2003.

проходит через «материковую сердцевину мира «the Heartland», на значительной части которого расположено «осевое государство — Россия», с развитием истории начавшая проецировать силу на Евразийский континент. Определив «the Heartland» планеты, Х. Маккиндер выделил и четыре района, которые окаймляют материковую сердцевину мира по ее географической периферии. Только в отношении одного из районов, окаймляющих Евразийский континент, автор указал, что его многочисленные «заливы и впадающие в океан реки делают открытым для влияния морских держав и позволяют осуществлять отсюда господство»⁶⁹.

Хэлфорд Джон Маккиндер
(15 февраля 1861 — 6 марта 1947) —
английский географ и геополитик,
основатель теории «Хартленда»

⁶⁹ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX в. М., 2003. С. 20.

Главная идея Х. Маккиндера состояла в том, что роль осевого региона мировой политики и истории играет огромное внутреннее пространство Евразии и господство над этим пространством является основой для мирового господства. Сформулировав свою знаменитую геополитическую формулу: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над «the Heartland», кто правит «the Heartland», тот господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, тот господствует над всем миром». Выделяя «the Heartland» из-за его огромных запасов природных ресурсов и выгодного географического положения, он называл его «великой природной крепостью» людей суши. Необходимо отметить, что концепция З. Бжезинского по поводу «континентальной массы», «большой шахматной доски» и т.п. является всего лишь ретроспекцией основных элементов маккиндеровской формулы и взглядов. Х. Маккиндер назвал этот район «Пятиморье», ставший на долгие столетия местом политической борьбы великих держав за влияние на ход исторических процессов в регионе.

В таком контексте кавказское геополитическое пространство в рамках геополитики осмысливается с позиции «Суши» (Россия) и должно быть включено в сферу континентального влияния, а с позиций «Моря» (Великобритания, позднее США, НАТО) использовано в качестве плацдарма для экспансии вглубь Евразии и установления над ней военно-политической и экономической доминации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Кавказ всегда представлял собой место столкновения интересов и ожесточенной борьбы европейских, прежде всего англосаксонских государств (с конца XVIII века — Великобритания, с середины XX века — США) и России, своеобразными заложниками которой на протяжении веков являлись и являются автохтонные народы. Применение подобного подхода позволяет сделать вывод, что парадигма подавляющего большинства крупных конфликтов в современном мире, в частности и на Кавказе, носит геополитический характер, в то время как их конкретное содержание искусно формировалось из вмешательства «третьей силы» для осуществления межэтнических, конфессиональных, политических, социально-экономических и иных противоречий.

Россия для Запада всегда считалась конкурентом. На протяжении столетий ее пытались ограничить в ресурсах и территории. Англосаксы, к примеру, в XIX веке старались не пустить ее

к Средиземному морю и Средней Азии, считая это сферами своего влияния. Постоянная обеспокоенность тем, что Россия может захватить Дарданеллы, прибрать к рукам Османскую империю и выйти к Индии довела и над европейской практической политикой, и над ее теоретическими умами на протяжении веков. В силу исторической необходимости в политические процессы на Кавказе, вначале фрагментарно, а затем на уровне государственной политики, оказалось вовлечено и Российское государство. Геостратегическое положение Кавказа позволяло контролировать прилегающие к региону территории доминирующим в нем государствам. Данное обстоятельство определило специфику политической истории народов Кавказа, в значительной степени как процесс перманентного вовлечения народов региона в вынужденные конфликты, обусловленные борьбой за сохранение территории. Географическое положение кавказского перешейка, лежащего между двумя морями и связывающего юго-восточную Европу и юго-западную Азию, объясняет понимание «того фатума, который неизбежно приводил русский народ к столкновению с Кавказом»⁷⁰.

Значительные трудности для реализации политики России на южном направлении обусловили особенности кавказского региона, определяющиеся этнокультурным, социальным и религиозным разнообразием. Пространственная и этническая экспансия определялась выгодным геополитическим положением Кавказа, представлявшим собой естественный географический транзитный узел, территорию, по которой на протяжении столетий происходила миграция народов с юга на север, с запада на восток и в обратном направлении. Так, проходящий через регион Великий Шелковый путь, являлся «предметом соперничества ряда держав за контроль над этой международной и такой доходной для любого государства магистралью»⁷¹.

Формирование кавказского вектора российской политики имеет серьезную историческую традицию. В значительной степени устойчивый интерес к региону был обусловлен образованием Тмутара-

⁷⁰ Кавказ в сердце России. М., 2000.

⁷¹ Мاستыкова А.В. К изучению роли Кавказа в системе восточноевропейских торговых связей второй половины I тысячелетия н.э. (по материалам салтово-маяцкой культуры) // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1997. Вып. 3. С. 85.

канского княжества. К сожалению, до нас дошли весьма скудные сведения, дающие фрагментарное представление о начальном этапе отношений русов и кавказских народов, но опыт первых, в основном военно-политических, контактов закладывался в эти удаленные в прошлое века⁷². Изначально буферной зоной между южно-русскими княжествами и Кавказом становится половецкая степь, где обитали кочевые тюркоязычные племена половцев, вступавшие в различные отношения с Русью и народами Северного Кавказа. В середине XI века половцы хлынули в степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа, превращая регион в зону постоянной борьбы между народами, что актуализировало значимость защиты границ. Важно отметить, что народы, мигрировавшие в регион, различались как по общественно-политической организации, так и по способам хозяйствования, что периодически превращало Кавказ в арену напряженной борьбы оседлых земледельческих племен и степных кочевников.

Начавшиеся устанавливаться первые контакты между славянскими княжествами и кавказскими народами были прерваны из-за феодальной раздробленности и вассальной зависимости от Золотой Орды Древней Руси и не могли осуществляться посредством активной внешней политики на кавказском направлении. После преодоления монголо-татарского ига, по мере того как расширялась территория России, сдвигалось южное порубежье, Россия начинает реализовывать идею выхода к естественным географическим границам. С процессом продвижения границы на южном направлении начинают меняться и формы контактов (приобретая характер временных военно-политических союзов, развивая торговые отношения).

Изначальный смысл кавказской политики России объективно был определен ее военно-стратегическим положением. Южные и юго-восточные рубежи Русского государства с конца XV века представляли собой обширные степные пространства, по которым постоянно передвигались многочисленные кочевые народы, несшие угрозу и разрушение русским городам и селениям. Именно поэтому Кавказ в планах руководства изначально рассматривался как «буферная зона», стабильность которой во многом определяли безопасность и самой России.

⁷² *Штеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп, 2010.

Таким образом, основная потребность Российского государства, определявшая его интересы на Кавказе на данном этапе, заключалась в обеспечении военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического характера всей внешней политики России. Не менее значимыми были и потребности России в установлении дипломатических и иных контактов с рядом северокавказских и закавказских обществ и государственных образований, в создании торгово-экономического союза с Персией, с целью уравновесить военно-политическую мощь Османской империи в регионе. Военные экспедиции России на Кавказ в рассматриваемый период времени были единичными, не опирались на весь потенциал государства и предпринимались московским правительством в целях зондирования обстановки в регионе. Интересы России на южном, кавказском направлении носили в этот период охранительно-оборонительный характер.

Особенностью данного периода становится различный характер взаимоотношений с закавказскими территориями. Для Грузии императивом стал процесс активного поиска и установления политических контактов с московскими царями представителей правящих династий и духовенства ряда полувассальных грузинских царств и княжеств, что объяснялось необходимостью патронажа единоверному народу. В отношении Армении, находившейся в полной зависимости от Турции и Персии и лишенной даже элементов государственности, контакты осуществлялись на уровне купечества⁷³. Слабо развивались контакты Российского государства с азербайджанскими ханствами, хотя именно здесь были сосредоточены экономические и торговые интересы Московского царства, определявшиеся наличием в Прикаспии традиционных торговых путей России. Таким образом, идея расширения российского присутствия в «Пятиморье», пусть и не осознававшаяся на уровне теории, но на уровне прагматики исторически начинает реализовываться в российской политической истории. Как свидетельствует В. Потто, практически все российские государи, начиная с Ивана Грозного, стремились к утверждению своей власти на Кавказе, а «мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории»⁷⁴.

⁷³ *Соловьев С.М.* Петр Великий на Каспийском море // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из Вестника Европы (1802–1918 гг.). М., 2010.

⁷⁴ *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 14.

В XVIII–XIX веках границы империи на юге носили черты «подвижной зоны» освоения и представляли собой аморфную «геополитическую чересполосицу», большую «барьерную» территорию между империями, на которой продолжали существовать фрагментарные местные властные структуры. Лишь с началом формирования Российского централизованного государства, с конца XV — начала XVI веков проявляются интересы России к Кавказу и начинают выстраиваться отношения с народами региона, практически с самого начала приняв военно-политический характер. «Кавказская граница», как особый тип границы, представляла собой аморфную «геополитическую чересполосицу», большую барьерную территорию между империями, на которой продолжали существовать осколочные местные властные структуры. Но всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, — отмечает Ф. Бродель — история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»⁷⁵.

С начала XVIII века Кавказ стал играть более значимую роль в российской внешней политике как направление, где предстояло ликвидировать искусственно созданную военно-экономическую блокаду России, для которой Кавказ, таким образом, являлся «окном» в Азию. Имперская политика начинает концентрироваться на стратегически важных сопредельных территориях, попадавших в сферу имперских интересов в «Пятиморье». Осознавая значимость региона, особое внимание уделялось «достижению моря и завоеванию их берегов». Одной из главных задач становится выход в Черное и Каспийское моря (Азовский (1695–1696) и Каспийский походы (1722–1723) Петра I). Выход к Балтийскому и Черному морям обеспечил бы России не только возможность торговых отношений и морского сообщения со странами Европы и Азии⁷⁶, но и политическое, экономическое и культурное взаимодействие в системе координат «Восток — Запад». Четко осознавалось, что «государство

⁷⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Кн. 1: Пространство и история. С. 274.

⁷⁶ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003.

не могло играть мировой роли, если не имело морских границ»⁷⁷ и цивилизационных контактов.

Названные обстоятельства определяли основные направления политики России в регионе на протяжении нескольких веков. В течение длительного периода, вплоть до конца XIX века, кавказская политика России рассматривалась как составная часть в рамках единого общеевропейского «восточного вопроса». Несмотря на то что официально Кавказ всегда оставался в тени российской внешней политики, именно здесь находилась точка соприкосновения с традиционным противником России в регионе — Турцией. Посредством поддержки Турции интересам России в регионе противостояли Франция, Великобритания (опасавшаяся за свои колониальные владения в Индии), а с конца XIX века — Германская империя. С другой стороны, Россия на Кавказе, особенно в Закавказье, в политической практике нередко сама противодействовала интересам европейских держав как в самой Турции, так и в Персии (Иране), на всем Ближнем Востоке, в Индии (Остиндской кампании, подрывая ее монополию в торговле шелком) и т.д.

Учитывая географические особенности России, проблема реализации кавказского вектора российской политики на протяжении истории переплеталась с задачей выхода к естественным географическим границам⁷⁸. Если на востоке продвижение России за естественные границы было вызвано «неизбежным сцеплением отношений и интересов», то на южном направлении, процесс стабилизации границы был неразрывно связан с изменением внешнеполитических задач. Естественными границами на юге считались Кавказский хребет, Кубань и Терек, носившие характер не только географической, но и политической границы, призванной «обеспечить свой тыл завоеванием горских племен»⁷⁹. Очевидно, что данное обстоятельство являлось основной доминантой эволюции кавказской политики России. Другим важнейшим аспектом,

⁷⁷ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 42.

⁷⁸ Тлепцок Р.А. Проблема «естественно-географических границ» Российской империи: концептуальные подходы // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2.

⁷⁹ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003. С. 165.

определившим характер и динамику развития русско-кавказских отношений, можно считать исключительное геостратегическое значение региона.

Важное геополитическое и военно-стратегическое положение Кавказа определяло его значимость для обеспечения потребностей политического и экономического развития Российского государства. Исключительно важное геополитическое и военно-стратегическое положение Северного Кавказа определяло его значимость для обеспечения потребностей политического и экономического развития Российского государства. Успешные для России войны в XVIII веке подтвердили ее статус мировой державы и создали предпосылки для реализации жизненно важных интересов России в других регионах: в зоне черноморских проливов — обеспечение свободного прохода российских кораблей; на маршрутах традиционных торговых путей — контроль за транзитом восточных товаров и т.д. Россия получила возможность контролировать состояние и развитие международной обстановки в наиболее значимых для России регионах мира.

Политика России на Кавказе, изначально имевшая оборонительно-охранительную направленность, с утверждением ее в качестве мировой державы трансформировалась в экспансионистскую, чтобы в последующем сделать регион важнейшим военно-политическим плацдармом в Азии и бассейне Черного и Средиземного морей, в рамках реализации концепции вхождения в «Пятиморье». Этим определяются и интересы России, связанные с необходимостью прорыва искусственно созданной для Российского государства военно-политической и экономической блокады. Значение северокавказского региона в реализации интересов России определялось его ролью в системе как региональных интересов России, так и во взаимоотношениях России с ведущими государствами мира, определяя место и роль Российского государства в мировой политике.

Значение кавказского региона в реализации интересов России определялось его ролью в системе как региональных интересов России, так и во взаимоотношениях России с ведущими государствами мира, обуславливая место и роль Российского государства в мировой политике. В начале XIX века после успешных для России войн с Персией (1804–1813) и Турцией (1806–1812), Северный Кавказ все еще оставался барьером между равнинами

Предкавказья и Закавказьем. Именно этот регион должна была инкорпорировать Российская империя для дальнейшего успешного политико-экономического освоения Кавказа. Важнейшим шагом на пути усиления взаимодействия в регионе явилось вхождение в состав Российского государства. В ретроспекции итог внешней политики России в регионе: с обретением Кавказа Российское государство надолго исключило для себя военные угрозы и опасность на данном направлении со стороны других держав. Длительное время регион являл собой одно из наиболее уязвимых звеньев системы безопасности и национальных интересов Российского государства, о чем свидетельствуют экспансионистские замыслы в отношении региона Великобритании и других европейских государств, практически не прекращавшиеся на протяжении всего XIX века русско-турецкие (а до первой трети столетия — и русско-персидские) войны, а также комплекс сепаратистских и антироссийских вооруженных выступлений непосредственно в регионе.

Обеспечение Российским государством национальных интересов на кавказском направлении на длительное время снимало такую острую проблему, как межнациональные и религиозные войны и конфликты. С другой стороны, ослабление роли и позиций России в регионе неизбежно вело к росту напряженности на Кавказе, что осложняло положение самой России. Национальные интересы России в рассматриваемом регионе, выражая ее жизненно важные потребности во всех сферах жизни общества и государства, объективно соответствовали интересам народов Кавказа. Непосредственным результатом внешнеполитической деятельности России в регионе явилось сохранение этноструктуры региона, религии, культуры и самобытности народов. Подводя некоторый итог, хотелось бы отметить, что обращение к проблеме кавказского вектора российской политики свидетельствует, что далеко не на все вопросы имеются научно обоснованные ответы: многие из них требуют новых источников и еще в большей степени аналитического осмысления.

ПРОБЛЕМА «ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ⁸⁰

Проблема естественных границ, исследуемая в контексте изучения геополитической теории, позволяет понять суть территориальной политики государства, дополнив его новыми, качественными характеристиками⁸¹. Учитывая географические особенности России, проблема расширения жизненного пространства на протяжении истории переплеталась с потребностью выхода к естественным географическим границам. В контексте этого не вызывает удивления появление в отечественном историческом знании концепций, объясняющих формирование Российской империи как процесса постепенного расширения Российского государства в его естественно-географических границах.

Безусловно, обращение к исследуемой проблеме невозможно без учета анализа взглядов известного российского историка В.О. Ключевского, считавшего, что в течение XVIII в. Россия почти завершила свое стремление «встать в естественные этнографические

⁸⁰ Тлепцок Р.А. Проблема «естественно-географических границ» Российской империи: концептуальные подходы // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 19–22.

⁸¹ Выражение «естественные границы» с политической тенденцией впервые употребил в 1793 г. французский политический деятель Эммануэль-Жозеф Сийес (1748–1836), который под естественной границей, разделяющей Францию и Германию, подразумевал реку Рейн. Мысль эта задолго до него была высказана в 1444 г. в манифесте Людовика XI. В годы наполеоновских войн Франция вновь прибегла к лозунгу «естественные границы», чтобы оправдать свои притязания на левобережные прирейнские территории. Франко-германские территориальные споры прочно ввели выражение «естественные границы» в международный обиход.

и географические границы»⁸². Однако естественные границы России характеризуются неодинаковостью географических условий и исторической среды. Русские границы на востоке не отличались определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали политические общества, которые бы своей плотностью сдерживали дальнейшее распространение русской территории. Поэтому в восточном направлении «Россия... должна была перешагнуть за естественные границы и углубиться в степи Азии», причем «этот шаг сделан был ею, частью против ее собственной воли»⁸³. Здесь российская экспансия была вызвана защитой южных границ Западной Сибири, что привело к столкновению вначале с кочевниками, а затем с различными ханствами Туркестана — Кокандом, Бухарой и Хивой. Таким образом, удалось раздвинуть границы империи до «могущественных естественных преград» — хребтов Гиндукуша и Тянь-Шаня⁸⁴.

Если на востоке продвижение России за естественные границы было вызвано «неизбежным сцеплением отношений и интересов», то на южном направлении процесс стабилизации границы был неразрывно связан с изменением внешнеполитических задач. Естественными границами на юге считались Кавказский хребет, Кубань и Терек, носившие характер не только географической, но и политической границы, призванной «обеспечить свой тыл завоеванием горских племен»⁸⁵. Южное направление рассматривалось как одно из основополагающих в процессе образования Российской империи и связывалось с присоединением Грузии и Крыма. После завершения Кавказской войны проблема выхода к «естественным географическим границам» получила экономическую направленность.

⁸² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. 558 с. С. 368.

⁸³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 368–370.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с. С. 165.

**Карта Кавказа с показанием политического его состояния до 1801 г. Россия, Тифлис, 1900-е гг.
Гравер: Г. Дистердик. Хромолитография К. Томсона⁸⁶**

⁸⁶ URL: <https://mus-col.com/collection/printed-products/map/7646/> (дата обращения: 11.07.2024). На листе горизонтального формата представлена военно-топографическая карта Кавказского наместничества до 1801 года, с обозначением государственных, административно-территориальных и этно-территориальных границ, с прилегающими территориями соседних государств Турции и Персии. На карте указаны: укрепленные линии (кавказская 1797 г. и моздокская 1794 г.), путь Каспийского (Персидского) похода императора Петра I в 1722–1723 гг., уездные города, населенные пункты и народности, населяющие местность. Справа вверху, в картуше: «Карта Кавказа Съ показаніемъ политическаго его состоянія до 1801 года. Къ запискамъ Кавказской Археологической Коммисіи».

Осознание значимости естественных географических рубежей России предопределило особое внимание «достижению моря и завоеванию его берегов». В частности, А. Геттнер важнейшими этапами этого процесса считал выход к трем морям: Белому, Балтийскому и Черному, что обеспечило бы России возможность торговых отношений и морского сообщения со странами Европы и Азии⁸⁷. Важно отметить, что при всей значимости природно-географической границы, она не столько была барьером, сколько зоной межкультурного взаимодействия. Выход к морским берегам обеспечил России политическое, экономическое и культурное взаимодействие в системе координат «Восток — Запад». Четко осознавалось, что «государство не могло играть мировой роли, если не имело морских границ»⁸⁸. Характерно, что в процессе достижения естественных географических границ территориальная политика является не завершённой до тех пор, пока государство не достигнет законченных границ.

К проблеме «естественных границ» государства обратился и известный философ и социолог П.Л. Лавров. Воспринимая скептически право государства на выход к естественным географическим границам, он считал, что в основе политики государств и «хищнических поползновений на захваты того или другого кусочка земли» лежит не географический фактор, а пределы силы государства⁸⁹. Оправдание процесса расширения границ он видел не столько в выходе к естественным границам, сколько в важности их стратегического и национального значения. Особую значимость проблема «естественных границ» приобрела благодаря евразийской геополитической концепции П.Н. Савицкого, в основе которой лежало понимание Российской империи как особого «срединного» географического мира. В этой связи территориально Россия рассматривалась как переходная полоса между Европой и Азией, с признаками восточного и западного географических миров, призванная самой природой их объединить. В центре исследования стояла

⁸⁷ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд... С. 170.

⁸⁸ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 526 с. С. 42–57.

⁸⁹ Лавров П.Л. Исторические письма. Письмо четырнадцатое. Естественные границы государства // URL: [http://www.revkom.com/biblioteka/ utopiya/lavrov/pismo14.htm](http://www.revkom.com/biblioteka/utopiya/lavrov/pismo14.htm)

проблема выявления самобытности государственного имперского «телосложения» России, часть которой составляла проблема определения ее границ. Страна без устойчивых границ не может быть стабильной в геополитическом, экономическом и политическом смысле. Развивая идею географической границы, П.Н. Савицкий отмечал, что стабильной она является, если решает задачу экономической и военно-стратегической безопасности⁹⁰.

В отечественной геополитической мысли такие границы назывались естественными. Обычно в качестве таковых в духе европейской традиции рассматривались труднопреодолимые природные препятствия, которые могут быть использованы тем или иным государством в качестве надежного обеспечения своих интересов и безопасности. Такой естественной демаркационной линией могли быть высокие горные цепи, океаны, пустыни. Реки отечественная геополитика начала XX в. сюда не относила. В результате обособывалась панславистская концепция российского пространства, согласно которой граница «Среднего мира» с Европой проходила по черноморско-балтийской перемычке, в том числе по Адриатическому и Ионическому морям («окраинно-приморские европейские территории»), вбирая все западнославянские территории.

Подобный подход был созвучен концепции «Хартленда», разработанной англо-саксонским геополитиком Х.Дж. Маккиндером еще в 1904 г.⁹¹ Согласно ей, территория России включала пространство между образуемой Чудским озером — Неманом и Днестром западной границей, азиатскими складчатыми горами и Северным

⁹⁰ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Мир Россия – Евразия: Антология / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. 399 с. С. 59–61; Он же. Географический обзор России – Евразии // Там же. С. 221–222.

⁹¹ *Хартленд* (англ. Heartland — «сердцевина», срединная земля; от heart — сердце + land — земля) — массивная северо-восточная часть Евразии, окаймляемая с юга и востока горными системами, однако ее границы различными исследователями определяются по-разному. Хартленд представляет собой основное понятие геополитической концепции, озвученной 25 января 1904 года британским географом и профессором Оксфордского университета Хэлфордом Дж. Маккиндером в докладе Королевскому географическому обществу и позже опубликованной в знаменитой статье «Географическая ось истории». Данная концепция стала отправной точкой для развития классической западной геополитики и геостратегии. Однако сам термин «Хартленд» стал использоваться в концепции, начиная с книги «Демократические идеалы и реальность» (1919), заменив «ось истории».

Ледовитым океаном с четырьмя большими длинными полосами — тундра, лес, степь и пустыня. Но к «пространственному телу» Российской империи Х.Дж. Маккиндер относил еще и территорию восточной части Германии и Австрию, так как полагал, что это территории славянские, завоеванные тевтонцами⁹².

Попытка по-новому «взглянуть» на проблему «естественных границ» была сделана в XX в., изменившем сложившееся представление о назначении и характере границы. Так, Ж. Ансель, акцентируя внимание на теоретических подходах к проблеме границы, считал, что идея «естественных границ» осталась лишь теоретической, абстрактной схемой, не соответствующей реальности. Рассмотренные им исторические примеры подтверждают мысль о том, что практически нет каких-либо физико-географических условий, будь то реки, горы, моря, пустыни, которые являлись бы естественными барьерами для человеческой активности и стали бы естественной границей того или иного сообщества⁹³. Единственный естественный барьер, по убеждению Ж. Анселя, — это отсутствие людей, рубеж ойкумены, как, например, северная граница России⁹⁴. «Граница в действительности — это результат равновесия между жизненными силами двух народов. Она не имеет абсолютной ценности. Граница имеет лишь относительную ценность в соответствии с функцией, которую она должна выполнять, по мнению групп, которых она объемлет и которые стремятся ее поддерживать»⁹⁵.

Иной подход к проблеме «естественных границ» обозначил немецкий геополитик К. Хаусхофер. Опираясь на идею о том, что государства — это живые организмы, которые растут, стареют и пожирают друг друга, он заявил, что каждый должен «кожей ощущать границы своего государства» и переживать нанесенный ему ущерб как собственную рану. К. Хаусхофер поставил перед собой задачу создать целостное учение о живых органах этого организма — границах государства, доказывая, что по мере роста своей мощи государства приобретают «право» на новые, по его мнению, «естественные

⁹² Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики. XX век. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 731 с. С. 10–28.

⁹³ Ancel J. Geopolitique. P.: Librairie Delagrave, 1936. 167 p. Pp. 28, 55, 82.

⁹⁴ Ancel J. Geopolitique. P.: Librairie Delagrave, 1936. 167 p. Pp. 55–56.

⁹⁵ Ibid.

границы». Им было введено заслуживающее внимания понятие «политическое чувство границы», закрепляемое в массовом сознании только путем длительного и целенаправленного воспитания⁹⁶.

В современной историографической ситуации проблема «естественных географических границ» получила новый импульс, во многом вследствие потрясений 90-х годов XX в. и необходимостью «осознания» исторической парадигмы России. Современные исследователи в процессе изучения проблемы «естественных границ» расширили ее понимание, перенесли исследовательские акценты на явления, определяющие устойчивость имперской системы. Выражая сходное с представителями геополитической концепции мнение, Б.М. Пугачев утверждает, что «Россия как империя складывалась столетиями в результате многочисленных войн, договорных союзов, добровольного вхождения в нее целых народов»⁹⁷. Российское государство развивалось по геополитическим законам своего времени. Были, конечно, и насилие, и «покорение», но было и встречное стремление многих народов (Украины, Грузии, Армении и многих других) обеспечить в рамках Российской империи условия для своего собственного выживания. «При этом нельзя упускать из виду, — подчеркивает он, — что русскому народу, наиболее страдавшему от произвола имперской бюрократии, пришлось многократно жертвовать собой при освобождении и защите интересов других народов»⁹⁸.

В рамках империи происходила взаимоинфильтрация многих этносов, культур, религиозных культов, а особое положение русских связывалось не столько с их численным большинством в этническом составе населения и «кровной» близостью к имперской бюрократии, сколько с интегральной ролью в синтезе великой евроазиатской культуры и хозяйственной хваткой в пионерском освоении огромных незаселенных территорий. «Великое переселение русских на огромные евроазиатские просторы было не только следствием «имперского» покорения, но и в большей мере результатом хозяйственного освоения многих незаселенных ранее

⁹⁶ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с. С. 116.

⁹⁷ Пугачев Б.М. Что после империи? // Кентавр. 1992. Март-апрель. С. 3–5.

⁹⁸ Там же. С. 3.

территорий»⁹⁹. Попыткой аналитического обобщения можно считать предпринятое К.И. Арсеньевым в «Статистических очерках России» исследование, в котором автор приходит к мысли, что «...самое естественное положение Российской Империи дает ей такую значительность между державами, которую она сохранять будет, пока останется в настоящих своих пределах»¹⁰⁰.

Безусловный интерес представляет концепция известного западного историка А. Каппелера. Ее суть заключается в анализе Российской империи как попытки организации и управления полиэтническим пространством. По признанию ученого, появление его концепции было реакцией на смену парадигм, которая произошла в конце XX в. и определила переход от политологии и социологии к этнологии как ведущей дисциплине¹⁰¹. Этим определяется его подход к истории России как многонациональной державе, предполагающий исследование формирующихся в течение веков структур многонациональной империи, форм взаимоотношений между центром и периферией, а также межэтнических контактов.

В истории формирования Российской империи А. Каппелер выделяет несколько этапов, анализируя которые приходит к выводу, что в процессе расширения империи, политическому и военному усилению российского центра противостояли резкие перепады экономического и социально-культурного развития на всем протяжении империи, а политика экспансии и постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и имперского господства истощала людские и материальные ресурсы страны, ограничивала возможности социально-экономического и политического развития внутри России, обеспечивала экстенсивный рост державы ценой задержанной интенсивности, что вызвало вначале кризис, а затем и крушение Российской империи.

В результате проведенного обзора складывается представление об особой значимости разработки концептуальных подходов к пониманию феномена «естественно-географических границ» Россий-

⁹⁹ Пугачев Б.М. Указ. соч. С. 4.

¹⁰⁰ Арсеньев К.И. Статистические очерки России // Империя пространства: Хрестоматия... С. 595–596.

¹⁰¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с. С. 12.

ской империи, связанных с необходимостью обеспечения устойчивости «жизненного пространства» государства и функциональности культурно-исторических контактных зон. Основные положения концепции не потеряли актуальности и в наши дни, учитывая наличие в современной России «внутренних границ», являющихся формой «равновесия» между субъектами федерации. Несмотря на продолжительный опыт изучения проблемы «естественно-географических границ» Российской империи в отечественном и зарубежном историческом знании, оригинальность и значимость намеченных подходов, остаются вопросы, нуждающиеся в дальнейшем теоретическом осмыслении.

ПРОБЛЕМА «ИМПЕРСКОГО РАСШИРЕНИЯ» РОССИИ В ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ¹⁰²

В российской научной мысли существует множество подходов к осмыслению проблемы колонизации, ее видовой принадлежности, динамики, используемого терминологического аппарата. Исторический императив российской колонизации выдвинул на первый план проблему взаимодействия «центр-окраина», породившую круг специфических вопросов и ряд терминологических проблем. В рамках данной статьи предполагается выявить объем и динамику понятий, отражавших полиэтничную структуру Российской империи.

Многообразие подходов нашло выражение в терминологии, используемой для описания положения основных категорий населения. Культурная иерархия этносов Российской империи определяла степень «инаковости», основанную на различиях жизненных укладов, религии, языка. В исторических реалиях XVIII–XIX вв. ее можно представить в виде системы контактных зон, расходящихся от «своего» центрального круга русских вовне ко все более чуждому. Подданные государя вначале были юридически разделены на две группы: природных («натуральных») и инородцев (иноплеменников, аллогенов). Вначале речь шла о конфессионально-религиозном факторе, всегда бывшем официальным критерием разграничений, но подчинявшемся сословному принципу. Некоторое время нехристиане выделялись как «иноверцы».

Просвещенный абсолютизм Екатерины II снизил значение религии и выдвинул на первый план эволюционистски понятый

¹⁰² Тлепцок Р.А. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 75–82.

критерий жизненного уклада, в первую очередь, разграничение прогрессивного оседлого образа жизни и отсталого кочевого уклада, обусловившего возникновение термина «инородец»¹⁰³. Подобный подход в отечественном историческом знании начал складываться с конца XVIII в., после путешествия Екатерины II в татарский Крым, тогда же в России стали появляться стереотипы «инаковости» и образ «другого» как онтологически отличного от норм доминирующей европейской культуры¹⁰⁴. Фактами, подтверждающими подобные оценки, являются этнографические инструкции, которые Герард Фридрих Миллер получил от Санкт-Петербургской академии наук в 1773 г., отправляясь в экспедицию с целью описания населения, быта и нравов народов Сибири.

Инструкции, содержали одиннадцать пунктов для «особого внимания» и базировались на принципе Даламбера¹⁰⁵ великой инвентаризации XVIII в. — «искусстве сведения, насколько это возможно, большего числа явлений к одному, которое можно считать их принципом». Некоторые составляющие анализа казались значимее других и служили организующими принципами-ориентированиями для сравнения. Чтобы описать определенную нацию, исследователь должен был знать, где кончается одна нация и начинается другая: иначе говоря: он должен был найти этнический эквивалент линеевских пестиков и тычинок, создав сложную, но полную иерархию социальных характеристик. Социальные представления о населении отдаленных окраин органично связывались с освоением вновь приобретенных территорий. В отличие от многих колониальных держав Запада российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих».

¹⁰³ *Kanneler A.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс, 1996.

¹⁰⁴ *Dickinson S.* Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. Pp. 3–25.

¹⁰⁵ Принцип Даламбера гласит: если в любой момент времени к каждой из точек системы кроме действующих на нее внешних и внутренних сил, и реакций связей присоединить соответствующие силы инерции, то полученная система сил будет уравновешенной и к ней можно применять обычные уравнения статики. Другими словами, система всегда уравновешена силами инерции.

Наиболее романтизированным выглядело содержание термина «туземцы», отразившее распространение концепции «благородного дикаря» (Ж.-Ж. Руссо) и философско-антропологических идей Просвещения и эволюционистских доктрин (Ф. Лафито, А. Тюрго)¹⁰⁶. Предложенная схема эволюции человечества размещала одновременно существующие народы и культуры на исторической шкале. «Свои», отечественные, туземцы благодаря этим идеям стали восприниматься как осколки населения далеких эпох, «живая старина»¹⁰⁷. В результате возникла ситуация, в которой «размытость» терминологических понятий «туземцы», «инородцы», «иноверцы» привела к их выраженной идентификации в российской исторической науке¹⁰⁸. В различные исторические эпохи термины «туземцы», «инородцы», «иноверцы», ассоциируемые с народами, интегрируемыми в структуру империи, обусловили появление симбиозного понятия «коренные народы». Все эти представления не могли не отразиться на используемой историками терминологии и в современной исторической науке.

Проведенный анализ позволяет выявить основные направления и интенсивность развития терминологии. Термин «туземцы» параллельно с термином «инородцы» использовался уже на раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера. Семантика этого термина достаточно очевидна: туземцы — это население «тех земель». В словаре В. И. Даля этот термин определяется как «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны»¹⁰⁹. Одно из предложенных им значений слова «земля» имеет отношение к семантике корня в термине «туземец» — «участок поверхности земли нашей, по природным отношениям своим, или по праву владения, составляющий особняк».

¹⁰⁶ *Lafitau J.-F.* Les moeurs des sauvages americains comparees aux moeurs des premiers temps. Paris, 1724. Vol. 2; *Тюрго А.П.* Избранные экономические произведения. М., 1961.

¹⁰⁷ Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (основные направления). М., 1994. С. 35.

¹⁰⁸ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. 1, лекция XVII. С. 302–304.

¹⁰⁹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1. С. 678–679.

В международной терминологии, построенной на греческих и латинских основах (аборигенное, автохтонное население) и широко используемой сегодня российскими учеными, политиками и законодателями, наиболее близким по значению является термин «автохтоны», образованный от древнегреческих основ (сам) и (земля). «Само-земцы», однако, несмотря на наличие общего с «ту-земцами» корня, оказываются ближе по значению к терминам, имеющим в своей семантике компоненты, группирующиеся вокруг значения «уроженцы определенной местности». Подобное толкование термина «туземцы» «роднит» его с понятиями «иноземцы» и «чужеземцы». Противопоставленное им понятие «единоземцы» объединено отношением землячества, в то время как иноземцы и чужеземцы совсем не обязательно состоят в отношении землячества друг к другу, но могут быть уроженцами различных государств и составляют категорию пришлых. В отличие от иноземцев туземцы не рассматриваются ни как пришлый элемент, ни как безусловные граждане государства, а рассматриваются как граждане, имеющие неопределенный статус. Туземцы в качестве населения «тех земель» оказываются включенными в государство точно в той же мере, в которой «те земли» оказываются включенными, присоединенными и освоенными этим государством.

Термин «туземцы» не только является частью семантического поля, охватывающего едино-, со-, одно- и ино-земцев, но и частью одной из классификаций категорий населения. Наличие в нем в качестве основы корня «-зем-» позволяет усмотреть в его значении отражение существовавшей иерархии земель. Границы между «этими» (нашими, освоенными) и «теми» (периферийными и еще только осваиваемыми) землями пролегли не столько в физико-географическом пространстве, сколько в области, так называемой, символической, или сакральной, географии.

В этой связи необходимо отметить, что на протяжении XVI–XVIII вв. в официальных документах российского правительства и местной администрации термин «туземцы» употреблялся преимущественно по отношению к сибирским инородцам, народам Поволжья и Приуралья (татарове, черемисы, башкирцы, вотяки), либо по сословиям и вере (тептяри, магометане, иноверные). Не употреблялся термин «туземцы», по крайней мере в языке официальных актов, и по отношению к населению Малороссии, Прибалтики

и Кавказа, где его заменяли наименования сословных групп (малороссыяне, лифляндцы, грузинцы и т.д.)¹¹⁰.

При подобном подходе «туземное население» противопоставлялось «полноценным» подданным, «цивилизованным» представителям метрополии и рассматривалось в качестве «становящихся» подданных или граждан, а их земли относились к разряду осваиваемых. Поскольку статус туземцев как подданных оставался до некоторой степени неопределенным и как бы «незавершенным», то государство занимало по отношению к ним особую позицию, отличную от «полноценных» одноземцев, что выражалось в формировании особой политики (замирение, косвенное управление, а сегодня — национально-территориальных автономий).

Не менее сложна историческая традиция применения термина «инородцы». Он зафиксирован уже в документах XVI–XIX вв. (законодательных актах, распоряжениях, межведомственной переписке). Законодательное оформление термин приобрел в Уставе «Об управлении инородцев» (22 июля 1822 г.)¹¹¹. Инородцами считались не-славянские племена: 1) сибирские туземные племена; 2) самоеды; 3) калмыки Астраханской и Ставропольской губерний (но не Донской области); 4) киргизы; 5) горцы Кавказа; 6) туземцы Туркестана; 7) ордынцы Закаспийской области; 8) евреи. В соответствии с § 1 Устава инородные племена «по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» разделялись на три главных разряда — оседлых, кочевых и бродячих, с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями.

Анализ использования термина «инородцы» позволяет отметить две особенности. Первая из них связана с членением фискально-административного пространства в связи с учреждением инородческих волостей. Инородцам запрещалось самовольно перемещаться из волости в волость, что, по мнению ряда исследователей¹¹², объяснялось не стремлением законсервировать патри-

¹¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1825. Т. 1. Д. № 10, 16, 823, 4464, 4743, 7026, 7278, 8978.

¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394–411.

¹¹² Конец А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.). М., 1995. С. 96–97.

архально-родовые отношения, а невозможностью иным образом обозначить условные границы. В результате термин стал ассоциироваться с податными категориями тяглых, или «ясачных инородцев», что подтверждается наличием специфичной терминологии в документах того времени.

Второе наблюдение касается практически полного исчезновения термина после революции. На первых порах его успешно заменял термин «туземцы»: вместо инородных управ возникли тузсоветы и тузРИКи, а документы новой власти, касавшиеся коренного населения, были полны выражений типа «туземные племена». В научных трудах этого периода «туземцы» терминологически заменили «инородцев». Причиной стало несоответствие термина официальной доктрине интернационализма, сделавшее термин «политически некорректным». Основное значение термина «инородец» — «уроженец другого, чужого племени или народа»¹¹³ (как и его синоним — иноплеменник) — подразделяло населения страны на соплеменников и иноплеменников, что не могло не сказаться на судьбе этого термина в советский период.

Интересный комментарий к употреблению термина в начале XX в. оставил нам известный этнограф Л.Я. Штернберг¹¹⁴, считавший, что термин «инородец» понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле — политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является язык¹¹⁵. Подобная классификация народов России по языковому признаку нисколько не характеризует ни уровня культуры, ни степени национального самосознания его носителя. Исторические реалии нашего времени стимулировали появление термина на страницах печати, но уже в качестве словарного инструментария, имеющего экзотико-негативную смысловую нагрузку.

¹¹³ Даль В.И. Указ. соч. С. 46.

¹¹⁴ Штернберг Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 529–574.

¹¹⁵ Там же. С. 531–532.

**Житель Гунибского округа
Гидатлинского наибства аула Орада (Урада)
Гаджи-Нур Магама в Дагестане.
Фото Петрова, 1867 г.**

Нельзя обойти вниманием и лежащий в исследуемой плоскости термин «иноверцы». У Даля слово «иноверие» («иноверство») определяется как «ученье и обряды другого, не господствующего где-либо исповеданья, веры», а «иноверец» как тот, «кто исповедует иную, различную с кем-либо, или не господствующую в государстве веру»¹¹⁶. Отмеченный критерий господства важен, так как позволяет заметить, что коренное население находилось у «подножия» власти и являлось своего рода нулевой точкой отсчета не только в классификациях народов и земель, но и в классификации конфессий. Переход в православие и крещение «работали» в качестве «социального лифта», открывающего новокрещеным «иноверцам» перспективы для экономического и социального роста.

Можно утверждать, что крещение в Российской империи XVII–XVIII вв. было значимым средством для социального продвижения. Согласно российскому законодательству, мусульманин мог принять лютеранскую, римско-католическую, армяно-григорианскую и другую христианскую веру, получив на это санкцию верховной власти. Переход христиан в ислам или иудаизм был юридически невозможен и преследовался в уголовном порядке. Во многих случаях вслед за актом присоединения к официальной церкви следовала этническая ассимиляция крестившихся, то есть их потомки могли носить другую фамилию и «писаться» соответственно как русские¹¹⁷.

Государство законодательно стимулировало переход иноверцев в православие. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г., в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда «иноверец» мог рассчитывать на смягчение наказания не только в «мере», но и в «степени» и «роде» (т.е. надеяться не только на минимальное наказание, полагающееся законом за конкретное преступление, но и отнесение своего деяния к разряду менее тяжких преступлений). Решением Государственного совета (6 апреля 1849 г.) Сенату и другим судебным местам вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, пожелавшим креститься. Данная практика просуществовала в законодательстве до судебной реформы 1864 г. и была отменена в ходе ее реализации указом 24 марта 1866 г.

¹¹⁶ Даль В.И. Указ. соч. С. 45.

¹¹⁷ Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997. С. 128. ПСЗ РИ. Т. 30. С. 212.

Необходимо обратить внимание на важный генеалогический момент: в 1865 г. крестившимся иноверцам, находящимся на военной службе, разрешили заменять в формулярных и послужных списках отметку о прежнем вероисповедании обозначениемсловия, к которому они принадлежали до поступления на службу, и дали право принимать новые фамилии, заимствованные от имен их крестных отцов.

Однако следует заметить, что, несмотря на обилие указов, конфессиональная интеграция иноверцев зачастую была поверхностна, и новокрещенные часто сохраняли приверженность прежним культам («крещеные иноверцы»). Появление такого рода выражений объясняет существование метонимических словосочетаний типа «иноверческие деревни» и «иноверческие языки», что приводило к подмене наименований инокультурного населения конфессионами, слово «иноверец» начинало функционировать как этноним.

Рассматриваемое семантическое поле содержало также и множество иных терминов, связанных с понятием «иноверец» отношениями противопоставления и сходства — «крестьянин» (христианин), «магометанин» (мохамеданин, мусульманин, бусурманин; в современной политической риторике — «исламист»), православный, правоверный, язычник. К числу часто используемых синонимов термина «иноверец» следует отнести «идолопоклонник» (идольщик, идолослужитель, идолочтитель, кумирщик), а также термины «поганый» и «нечистый»¹¹⁸.

Объем понятия «иноверцы» охватывал все неправославное население империи. Однако, как и во всех социально значимых категориях, при ближайшем рассмотрении такого рода «уравнения» включали множество исключений и пограничных случаев. Нелогично выглядит с этой точки зрения пара «православные — правоверные». По правилам, «правоверным» должны были противостоять «иноверные», но эту нишу занимает термин «православные», или «христиане». Термин «правоверные» оказывается закрепленным за мусульманами. «Правоверные мусульмане» одновременно выступали и как «неверные», и сами называли христиан «неверными» (кафирами, гяурами). Рассмотрение системы терминов, описывающих коренные народы в конфессиональном отношении,

¹¹⁸ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. С. 47.

позволяет утверждать, что в массовом сознании религии неправославных народов воспринимались как темные, «поганые», языческие. С XVIII в. начался нормативный натиск на туземцев — насильственная христианизация: уничтожались идолы, крушились святилища, преследовались шаманы. В языке эти явления отразили изменения в основных терминах — «туземцев» сменяли «иностранцы», «иностранцев» — «иноверцы». Объемы понятий, их география и использование различными слоями населения постоянно менялись. Политические доктрины и управленческие реформы все более влияли на содержательную сторону терминологии.

Особое внимание стоит уделить понятию «коренной народ». Политика огосударствления всех аспектов жизни коренных народов была продолжена после Октября 1917 г., однако новой власти было жизненно необходимо обозначить разрыв в преемственности с прежней, на первых порах хотя бы с помощью чисто символических средств. Необходимость эта была обусловлена политической позицией большевиков по отношению ко всему прежнему, включая, разумеется, все социально значимые классификации (сословно-классовые, лингвокультурные, этнонациональные). Лозунг разрушения старого мира «до основания», примененный и к средствам выражения, и к мыслительным стереотипам, был одновременно утопическим, парадоксальным и практически опасным. Изобретая новояз, власть рисковала утратить связь со своей «аудиторией». Придумать язык, одновременно понятный народу и новый, рвущий нити привычных ассоциаций и связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно.

Эта двуединая задача была решена с помощью сочетания партийного жаргона с тщательно отобранными по принципу идеологического соответствия старыми терминами. Из сложившейся терминосистемы было выброшено слово «иностранец», и практически перестали употребляться (в особенности, если вести речь о языке официальных документов) термины «иноверец» и «ясачный». Из старых слов были оставлены лишь «туземец» и «племя»; они и были использованы полностью, вплоть до исчерпания их потенциала означивания; из них был построен длинный ряд производных терминосочетаний.

Период с 1924 по 1932 гг. стал пиком термино- и законотворчества, когда свет увидели более 50 нормативных документов, содержащих около 20 терминов для обозначения коренных народов.

Само слово «коренной», впрочем, было использовано лишь однажды — в постановлении ВЦИК (21 декабря 1931 г.), в котором, наряду с выражениями «коренные народности Севера» и «коренное население Дальнего Севера, Сахалина и Камчатки», употреблялись также словосочетания «туземные народности Севера» и «нацменьшинства». Несмотря на обилие новых терминов, характеристики этого мышления не особенно изменились по сравнению с досоветским периодом. Новая власть, начав с осторожных, абстрактных и малопонятных широким слоям населения «национальности», «национальных меньшинств» и «этнографических групп», перешла впоследствии на привычные стереотипы мышления о далеких туземцах. Первые акты советской власти вообще не содержали открытых упоминаний о народах Сибири и Севера. Шла борьба за привлечение на ее сторону политически активных национальных элит Украины, Поволжья и Кавказа, и Наркомнац пользовался общими терминами — «народ» и «национальность».

В перечисленных терминах периода 20–30-х гг. XX в. подчеркивается немногочисленность этнических групп (не народы, а племена и народности, причем «малые», «мелкие»). Необходимо заметить, что учет численности (величины) народа являлся неременной особенностью мышления лишь при рассмотрении групп коренного населения Севера и Сибири. Некоторые столь же немногочисленные народы «внутренней периферии» европейской России (водь, ижора, вепсы и др.) стали мыслиться как «малые» или «малочисленные» только в перестроечный период. Что же касается народов Кавказа, то в отношении их термин «малочисленный» не употреблялся в законодательной практике вплоть до самого недавнего времени.

Второй, устойчиво воспроизводящейся темой при упоминании коренных народов является их удаленность от центра. Организованный в 1925 г. при президиуме ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин развернул бурную законодательную деятельность. Ее терминотворческая сторона отразилась в создании к 1926 г. формулы «туземные народности и племена северных окраин», кочевавшей из документа в документ в течение трех лет, после чего ее заменило выражение «малые народности Севера». Что касается экзотизации и романтизации восприятия этих народов, то ее следы невозможно обнаружить в документах правительства, но ими полны научные отчеты и полевые дневники современ-

ников. Можно заметить, что несмотря на значительное обновление терминологии, представление об этих народах в 20–30-е гг. XX в. не слишком отличалась от предшествующих периодов.

Период 80–90-х гг. XX в. характеризовался довольно резкой сменой терминологии. Очевидно, перед «архитекторами перестройки» стояла та же задача символического размежевания с терминологией предшествующего периода, что и перед большевиками в 1917 г. Слово «народности» ушло из официального употребления, как и слово «малые». Их место было занято терминами «народ» и «малочисленный». Понятие «коренные народы» в официальных документах появляется лишь дважды и оба раза — в указах президента. Шестидесятилетнее табу на употребление формулы «коренные народы» и замена ее понятием «малые, или малочисленные» народы (народности) неслучайно. Оно объяснялось официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в сочетании с которой использование термина «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет. Этот постулат вступает в противоречие с семантикой термина «коренной», указывающего на «изначальность» определяемого им населения, так как не учитывает присутствие предков данной группы населения в период ее освоения русскими.

Прагматика слова «коренной» указывает еще на одно значение: «коренной» относится к народу (уже поименованному, сложившемуся и получившему впоследствии более или менее признанную генеалогию, что особенно важно при смене наименований), который населял колонизируемый регион на момент колонизации. Но и это верно при двух условиях: 1) существует непрерывная преемственность власти (государства-метрополии, осуществляющей колонизацию); 2) существует реальная или воображаемая преемственность между обретенными в период колонизации «новыми подданными» и современными этническими сообществами. При любом нарушении одного из этих двух условий термин «коренной» перестает употребляться по отношению к конкретной группе.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что схема (компонент значения) колонизации в современном дискурсе всячески подавляется по очевидным политическим мотивам. В риторике,

где этничность территориализована и политизирована, всякое сомнение относительно легитимности наличных институтов моментально переводится на язык территориального передела и дележа ресурсов и воспринимается доминирующим обществом как угроза. Разные общества используют различные стратегии, чтобы ослабить или устранить эту угрозу. Западные демократии чаще идут по пути распрямления и деполитизации этнического, демонтажа институтов, связывающих этничность с властными структурами, что достигается, не в последнюю очередь, за счет подчеркивания процессуального характера этничности, множественности социальных идентичностей и аналогичных идей типа «гражданской нации». Россия, с ее глубокой институализацией натуралистических представлений об этничности — этнофедерализмом, «национальной политикой» с ее иерархией статусов и системой привилегий, «приписываемых» в зависимости от этнической принадлежности людей, особыми традициями госстатистики в большинстве случаев избирает иные стратегии, носящие, как правило, идеологический (мифологический) характер — вытеснение (маргинализация, забвение) этически «неловких» аспектов колонизации, их переозначивание (вместо «колонизации» — «присоединение» и «освоение», вместо «ассимиляции» — «природнение» и т.п.), изобретение и заимствование «оправдательных» версий колониальной экспансии.

При всем многообразии групп, относимых сегодня к коренному населению, объединяющим являлось стремление власти примирить их с результатами колонизации, сделать неотделимой (и неотличимой от других частей) частью «нас». С одной стороны, коренные народы изображались как технически отсталые и полуграмотные, погрязшие в предрассудках и не способные на решение собственных проблем, а с другой стороны — массовая колонизация традиционных территорий их проживания обусловила навязывание чуждых идеологий, подавление их собственных исторических и культурных традиций, что иногда принимало форму открытых конфессиональных преследований и уничтожения национальной элиты.

Естественно, изучение процесса формирования представлений о коренных народах не удастся охватить в рамках данной статьи. К сожалению, в современной исторической науке вопросов больше, чем ответов. Тем не менее, осмысливая проблему, удалось выявить целый ряд моментов преемственности, объединяющих

современные стили мышления и речевые формулы с историческими представлениями о стереотипе восприятия коренных народов, складывавшимися уже в XVI–XVIII вв. К числу этих моментов следует отнести формирование представления о коренном населении как об особой целостности, объекте национальной, экономической и конфессиональной политики; деформирующее влияние политизации мышления на складывающееся в массовом сознании представление о населении окраин Российской империи.

КАВКАЗ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ¹¹⁹

В современной политической ситуации Кавказ занимает одно из центральных мест и вызывает устойчивый интерес в научно-исследовательской среде. Характерно, что З. Бжезинский, представлявший геополитику игрой на «шахматной доске»¹²⁰, указывал на Кавказ как на одну из важнейших зон, контроль над которой подразумевает множество позиционных преимуществ. Исторически одним из ведущих «игроков» кавказской геополитики выступает Россия. В связи с этим представляется значимым определить роль, которую играл Кавказ в российской политике, учитывая, что зачастую во многом благодаря поливариантности подходов, основные составляющие проблемы «размываются», утрачивают четкость в продолжающихся спорах по поводу «геополитического подхода». Традиция исследования этих проблем своими истоками уходит в сложившуюся в результате завершения наполеоновских войн Венскую геополитическую эпоху, основу которой составил имперский принцип контроля над географическим пространством, и именно начало этого периода характеризуется резкой активизацией «геополитической игры» на Кавказе.

¹¹⁹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта Министерства образования и науки РФ «Историческая память народов Северного Кавказа» (фундаментальное исследование 1.5.08. от 01.01.2008). Опубликовано: Тлепцок Р.А. Кавказ в геополитической системе координат // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2011. Вып. 8. С. 26–33.

¹²⁰ *Бжезинский Збигнев Казимир (Казимеж)* — американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Советник по национальной безопасности 39-го президента США Джими Картера (1977–1981). Сотрудник Центра стратегических и международных исследований при Университете Джона Хопкинса и профессор в Школе передовых международных исследований при том же университете. Автор многих работ, в том числе книги «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы». Долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.

Рассматривая Кавказ в геополитическом измерении, имеет смысл отметить, что его характеристики определяются двумя существенно значимыми обстоятельствами — это пространство, где «стыкуются» две цивилизации — христианская и исламская, и где разграничиваются и взаимодействуют Запад и Восток как культурно-цивилизационно-географические образования. С давних времен Кавказ рассматривался как важный геостратегический регион, арена противостояния Византии, Османской империи, Ирана и России, по меткому определению Х. Маккиндера, являясь неотъемлемой частью так называемого «Пятиморья», — региона, включающего в себя территорию, заключенную в пятиугольник Каспийского, Черного, Средиземного, Красного морей и Персидского залива¹²¹.

С геополитической традиции изучения Кавказ рассматривался сквозь призму геополитической дихотомии. На протяжении веков регион представлялся как место столкновения интересов и ожесточенной борьбы, своего рода арена противостояния «Суши» (Россия), стремящейся включить его в сферу континентального влияния, и «Моря» (Великобритания, в XX в. — США, НАТО), пытающихся использовать Кавказ в качестве плацдарма для экспансии вглубь Евразии и установления над регионом военно-политической и экономической доминанции. С точки зрения геополитической теории Кавказ содержит в себе противоречие. С одной стороны, это периферия, нечто вроде геополитической провинции (окраины), что по определению не относится к сфере «большой политики», с другой — пространство пристального интереса многих крупных держав, что «выводит» регион за рамки провинциально-периферийного статуса.

В геополитическом ландшафте Кавказ играет роль одного из важнейших плацдармов, за который вели борьбу различные государства и политические силы. Можно согласиться с мнением Н.А. Нарочницкой, что Кавказ принадлежит к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил. Действительно, Европа и Турция не волновались освоением русскими Ленской

¹²¹ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX в. М., 2003. С. 20. В работах геополитиков XIX–XX вв. «Пятиморье» Х.Дж. Маккиндера в тех или иных комбинациях получило название «Новый Ближний Восток» (New Middle East, С. Перес, А. Наирн), «Евразийские Балканы» (З. Бжезинский, 1997), «Большой Ближний Восток» (Greater Middle East, Дж. Кэмп, Р. Гаркави, 1997).

губы, но выход России к Черному морю превратил «кавказские проблемы» в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг всей цивилизованной Европы¹²². Исследователи, рассматривающие физическое пространство Кавказа в геополитическом измерении, подчеркивают, как исторически менялась его административная конфигурация, как постепенно заполнялись управленческие лакуны, как исчезали первоначальный государственный вакуум и территориальная разреженность государственной власти.

Кавказ в современной геополитике вызывает и все возрастающий социальный интерес. После распада Советского Союза регион превратился в арену многочисленных внутрирегиональных и международных конфликтов, в объект проявления активной внешней политики различных государств. При этом многие грани и аспекты проблемы «размываются», утрачивают четкость в многочисленных спорах по поводу «геополитического подхода». Казалось бы, ясно, что основные характерные черты Кавказа как геополитического и культурно-цивилизационного пространства обусловлены природно-географическими и территориальными особенностями, которые всегда влияли на исторические судьбы народов и этносов. Но современные геополитические штудии практически не учитывают — а если и учитывают, то крайне неохотно — наработки классической геополитики, а сводят суть проблемы исключительно к сфере международных отношений и внешней политики. При подобном подходе геополитика выступает в качестве особой техники образного моделирования мировых и региональных тенденций и процессов. Между тем, культурно-географический образ Кавказа может быть «дополнен» посредством ситуационного моделирования.

Геополитический ренессанс в Европе во многом связан с деятельностью И. Лакоста¹²³, основавшего в 1976 году журнал «Геродот»

¹²² Нарочницкая Н. Кавказские войны средство геополитики // URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/5114.htm>

¹²³ Лакост Ив (р. 1926), советник французского президента Ф. Миттерана и издатель журнала «Геродот», социал-демократ по политическим взглядам. Научные работы ученого посвящены как государствам третьего мира («География развивающихся стран», 1965), так и геополитической проблематике всех регионов мира («Американское Средиземноморье», «Проблема границ в Африке», «Балканы и балканизация», «Пограничные районы России», «Сербский вопрос») и др. И. Лакост считал геополитику инструментом анализа конкретной ситуации и аналитическим методом в науке и предложил новое определение геополитики:

и полагавшего, что задача геополитики — объяснение ситуации. Геополитическая концепция И. Лакоста отличается преуменьшением роли географического пространства и естественных климатических условий в жизни государства. По его мнению, «пространства и границы — пассивные нейтральные элементы», тогда как «определяющая роль принадлежит политике, преобразующей пространства и границы»¹²⁴.

Ив Лакост, 2020 г.¹²⁵

это не континентальное мышление, основанное на фундаментальном цивилизационном дуализме, а методологическая модель, узкий аналитический метод в науке. Такая геополитика получила название внутренней, так как она занимается локальными проблемами. И. Лакост считал, что наибольшим значением среди информационных систем, влияющих на геополитические процессы современности, обладают средства массовой информации, особенно телевидение. В современном обществе доминирует не концептуально-рациональный подход, а «образ». Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части общества исключительно на основании телекоммуникаций. В методе И. Лакоста объединены сразу несколько подходов: этнический, культурный, идеологический, политический.

¹²⁴ Lacoste Y. *Geographicite et geopolitique*: Elisee Reclus // Herodote. 1981. № 22. Pp. 14–55.

¹²⁵ URL: <https://lavrapalavra.com/2020/08/28/investigacao-sobre-os-bombardeios-no-rio-vermelho-vietna-verao-de-1972-metodo-de-analise-e-reflexoes-gerais/> (дата обращения: 11.07.2024)

Исследователь выделяет три критерия, которые помогают выявить геополитическую парадигму в развитии народов. Первый — карты, первичная форма осмысления пространства, или, точнее, совокупность карт, иллюстрирующих различные характеристики (от рельефа до распределения населения) должна при правильном прочтении дать достаточно полную информацию, позволяющую самостоятельно сделать правильный вывод.

Второй, — границы (политические и юридические) представляют собой важнейшие ориентиры. Линии, разделяющие государственные суверенитеты, были «прочерчены» на картах в результате вооруженной борьбы, они установлены ценой крови народов и несут на себе печать амбиций властей. И. Лакост указывает, что всякая граница является «искусственной», т.е. отражает соотношение конкретных сил в конкретный момент. Не бывает вечных границ, каждая граница устанавливается, переносится, уточняется по прихоти «истории». Третий критерий — «история» или, вернее, исторические события, поскольку любое пространство формируется и преобразуется людьми, которые через него проходят, захватывают его, живут там, уходят оттуда. Чтобы понять ценность данного пространства для людей, важно учитывать происходившее ранее в этом пространстве с людьми: национальное строительство, распространение религии, влияние империй, набеги. При таком подходе именно «история» является источником геополитических представлений, которые — в процессе кристаллизации — связывают территорию с ее прошлым¹²⁶.

Эти идеи были развиты другим представителем школы «Геродота» М. Фуше¹²⁷, по мнению которого комплексное геополитическое исследование предполагает конкретный анализ переменных в многообразных комбинациях, зависящих от места и времени.

¹²⁶ Более подробно см.: Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // *Власть*. 2010. № 7; Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М., 1996.

¹²⁷ Фуше Мишель — географ и дипломат, профессор Парижской Эколь Нормаль с 2007 г., член Совета по иностранным делам; директор Центра анализа и прогнозирования МИД Франции; посол Франции в Латвии (2002–2006). Являлся советником Юбера Ведрина, министра иностранных дел Франции (1997–2000). Автор многих публикаций, в том числе: «Европа и будущее мира», 2009; «Европа: география и геополитика», 2009; «Наваждение границ», 2007; «Фронт и границы, геополитический мировой обзор» 2004 и др.

Предметом геополитического анализа становятся границы, которые воспринимаются главным элементом геополитики. Важно отметить, что границы существуют не только между государствами, но и внутри, пролегая между обществом и властью, различными социальными и культурными группами. *Наряду с официальными государственными границами существуют более размытые, но зато более стабильные границы: границы между религиями, цивилизациями, традициями, зонами торговли* (курсив мой — Т.Р.)¹²⁸.

Мишель Фуше — французский политолог и дипломат, директор Европейской обсерватории геополитики в Лионе ¹²⁹

Ключ к решению проблемы был найден в разделении понятия «граница» на два составных элемента: «front» и «frontier». По мнению М. Фуше, границы представляют собой пространственные структуры, имеющие линейную форму, а их функция сводится к обозначению нарушений геополитической непрерывности в трех

¹²⁸ Foucher M. Fronts et Frontieres, un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1988; reed. 1991. Pp. 14–62.

¹²⁹ Диссонирующий мир. Интервью с Мишелем Фуше. URL: <https://gefeter.ru/archive/9120> (дата обращения: 11.07.2024)

плоскостях: реальной, символической и воображаемой. «Реальное» разделение пространства можно определить понятием «front». Оно обозначает более или менее четко проведенную линию между двумя и более территориями, отделяющую «наше» от «чужого». Что касается символического или воображаемого разделения пространства, то им используется понятие «frontier». В отличие от «front», оно предполагает наличие приграничной зоны без четкой разделительной линии. В итоге территориальные границы между государствами, отмеченные водоразделами рек или горными хребтами, можно назвать «front». Что касается разграничения религиозного или культурного пространств, то тут четкой границы быть не может: культурные взаимопроникновения могут быть настолько сложными, что между ними в лучшем случае можно определить некую рассеянную пограничную линию, которая хорошо укладывается в понятие «frontier»¹³⁰.

Для России осознание значимости естественных географических рубежей растянулось на длительный промежуток времени и было связано с «достижением моря и завоеванием его берегов». В частности, А. Геттнер важнейшими этапами этого процесса считал выход к трем морям: Белому, Балтийскому и Черному, что обеспечило бы России возможность торговых отношений со странами Европы и Азии¹³¹. Важно отметить, что при всей значимости природно-географической границы, она не столько воспринималась барьером, сколько была зоной межкультурного взаимодействия. Выход к морским берегам обеспечил России политическое, экономическое и культурное взаимодействие в системе координат «Восток-Запад». Четко осознавалось, что «государство не могло играть мировой роли, если не имело морских границ»¹³².

Классической моделью истории России с геополитической точки зрения становится концепция В.О. Ключевского, согласно которой российская экспансия выглядела как результат необходимости вы-

¹³⁰ Foucher M. Fronts et Frontieres, un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1988; reed. 1991. Pp. 14–62.

¹³¹ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003. С. 170.

¹³² Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 42–57.

йти к естественным географическим границам и обеспечения безопасности этих границ. В.О. Ключевский указывал на расширение русской колонизации «вместе с государственной территорией»¹³³. Свое развитие получают теории о естественных границах, о морском или континентальном характере Российской империи, колониальной политике, стремлении нести европейскую цивилизацию «азиатам». В российской модели строительство империи считалось тождественным процессу поглощения Россией восточных окраин. Россия как бы росла за счет новых земель. Как заметил Д. Ливен: «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»¹³⁴. Не только географическая предопределенность отличия континентальной империи от заокеанских колоний европейских держав была важна в России, но и сознательная установка, которая исторически переросла из «собираания русских земель» в строительство империи.

Историческим воплощением факта присоединения региона к Российской империи стала Кавказская война. Процесс осмысления инкорпорации Кавказа в систему Российской империи начался уже в современной процессу научной среде XIX в. Части историков свойственно было видеть провиденциальные мотивы России на Кавказе. Так, Р.А. Фадеев указывал, что продвижение России на Кавказ есть ничто иное, как продолжение конфликта христианства с исламом. «Кавказ как крепость, в которой сохранился дух мусульманства, давно покинувший азиатский мир. Назначение России было сломить этот последний оплот ислама»¹³⁵. В отличие от Р.А. Фадеева, Д.И. Романовский считал, что конечная цель России, решавшей «трудную задачу умиротворения Кавказа» принести народам Кавказа все блага цивилизации, коими обладает Россия»¹³⁶.

¹³³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 50–51, 298.

¹³⁴ Для англичанина ответ на этот вопрос был очевиден. Британская империя начиналась, как только он садился на корабль и отплывал от берегов Туманного Альбиона. Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

¹³⁵ Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 992 с. С. 40–41.

¹³⁶ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции. М., 2004. С. 29.

В историографии этого периода Кавказская война и связанная с ее окончанием необходимость экономического освоения «завоеванных» территорий рассматривались как цивилизаторская миссия Российской империи по отношению к народам Кавказа. Сторонники данной геополитической концепции развития истории России никогда не употребляли такие термины, как «империализм», «завоевательная политика», в лучшем случае — «территориальная экспансия», «расширение границ», «собираение русской земли». Причем делали это с обязательной ссылкой на объективные законы геополитики.

Иначе интерпретирует территориальный рост России М. Ходарковский, характеризуя его как колониальную экспансию. В отличие от других империй, стремившихся к влиянию в регионе — Османской и Персидской — по мнению автора, Россия проводила на кавказском направлении планомерную и последовательную колонизацию, используя самые разные, как военные, так и не военные средства. Именно в этой последовательности и упорстве заключалась сила российского колониализма, который стремился не просто поставить местные общества в вассальную зависимость, но и полностью преобразовать их, заставить их принять чужую систему понятий, организацию, религию. Сравнивая российскую колонизацию с западной, он видит существенное отличие русского опыта в доминирующей роли государства при осуществлении экспансии и преобладании геополитических интересов над экономическими. Кроме того, колонии России находились не за морями, а у ее границ, что придавало им специфический статус¹³⁷.

Анализируя закономерности расширения российского государства на кавказском направлении, М. Ходарковский исходит из концепции первоначального формирования «frontier» (под «фронтиром» он понимает регионы, не включенные полностью и окончательно в юрисдикцию российского правительства, население которых в лице правящей элиты состояло с русскими властями в различного рода союзнических, вассальных, протекторатных и прочих внешнеполитических отношениях) и его постепенного превращения в «borderlands» (пограничье, окраинные земли, уже прочно ставшие частью государства). Важнейшими способами

¹³⁷ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire. 1500–1800. Bloomington-Indianapolis, 2002. Pp. 223, 226–228.

и средствами колонизации были, по его мнению, шерти (договоры с взаимным определением обязательств), аманаты (заложники), ясак (подать) и поминки или жалованье (денежные и натуральные выплаты российских властей «иностранческой» элите)¹³⁸. На основании этих фактов автор приходит к выводу, что Россия являлась колониальной империей по политическим целям и стратегии в приграничном кавказском регионе.

Таким образом, геополитический подход, если его не ограничивать только рамками международных отношений, способен расширить «картину мира», позволяет интерпретировать геополитику как особую технику образного моделирования мировых и региональных процессов, что обогащает набор классических приемов и процедур познания. Подобный подход способен прояснить оформление геополитических идей и установок, понять геополитические образы через взаимосвязь и взаимодействие географических, пространственных, культурно-цивилизационных характеристик, при подобном подходе разрешения конфликтных ситуаций политические соображения неизбежно превалируют над экономическими. Будущее геополитики как раз состоит в том, что она все более будет выходить из области «абстрактной науки», пытаясь объяснить причины и следствия происходящих в мире политических процессов. По мере того как исследователи будут находить все больше решений в этой плоскости, геополитика сможет реалистично прогнозировать политическое развитие обществ, государств и цивилизаций.

¹³⁸ *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire. 1500–1800... Pp. 59–63.

КАВКАЗ КАК КОНТАКТНАЯ ЗОНА¹³⁹

Современная историография по большому счету не ориентирована на рассмотрение истории Кавказа, основываясь на подходах, которые раскрывали бы характер и степень взаимодействия между элементами как исторически сложившейся северокавказской общности, так и вписанности его в более масштабные структуры. Тем не менее традиционно Кавказ воспринимался как неотъемлемый объект процессов мировой истории, в первую очередь по причине своей тысячелетней функции своеобразного моста в системе взаимоотношений («Север — Юг», «Восток — Запад»).

Первые упоминания о Кавказе зафиксированы еще во времена Гомера (VIII в. до н.э.), но понятие «Кавказ» (Καυκάσος) встречается впервые в трагедии Эсхила «Скованный Прометей» (479 г. до н.э.)¹⁴⁰; от греков оно перешло к римлянам и затем ко всем европейским народам. Древние греки познакомились с Кавказом в VI в. до н.э. благодаря колонии Диоскуриада, основанной в Колхиде, на восточном побережье Черного моря. Так, древнегреческий географ Страбон (64/63 гг. до н.э. — 23/24 гг. н.э.) сообщает о том, что в Причерноморье, в Диоскурию (современный Сухуми), съезжались торговцы со всех горных регионов Кавказа, бывшие представителями около семидесяти проживавших здесь народов¹⁴¹.

По представлениям ионийских географов, Кавказ находился на восточной оконечности Земли и являлся краем Ойкумены для греческой цивилизации. Контроль над Кавказом приобрел важное

¹³⁹ *Тлепцок Р.А.* Кавказ как интерактивная зона // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов XIX–XXI вв.* Ростов на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 66–73.

¹⁴⁰ *Эсхил* Скованный Прометей. М изд. и типо-лит. акц. изд. о-ва Огонек., 1931.

¹⁴¹ *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории.* М., 1947. № 4. С. 209–210.

стратегическое значение. Уже в V–IV вв. до н.э. военный поход на Южный Кавказ предприняли персы, а в IV в. до н.э. южная часть Кавказа входила в империю Александра Македонского. С I в. до н.э. Южный Кавказ находился под протекторатом Римской империи. Позднее часть Кавказа оказалась в сфере влияния Византийской империи и Персии, а в VII в. начинается экспансия на Южный Кавказ Арабского халифата. Уже эти факты свидетельствуют о том, что исторически Кавказ существовал как регион с подвижными этническими, конфессиональными, государственными границами, но при этом «выпадение» региона из мирового исторического процесса не происходило практически никогда, несмотря на имевшие место метаморфозы.

Все большее историографическое значение приобретает уровень взаимодействия по линии Россия — Северный Кавказ. В древнерусских источниках Кавказ впервые упоминается в «Повести временных лет» XII в. как «Кавкасийские горы»¹⁴². В то же время часть исследователей считают, что связи древней Руси с волжско-каспийским культурным миром восходят «к незапамятным временам». Хотя в исторической практике не было закреплено понятие «Северный Кавказ», но уже с IX в. начинает формироваться южное порубежье, обозначающее условную границу между Русью и степью и непосредственно взаимодействующее с ней.

В конце IX — начале X вв. русы совершили несколько походов на побережье Каспия¹⁴³, более того, в походе 944–945 гг. на стороне русов участвовали аланы и лезгины¹⁴⁴. В значительной степени интерес к этому региону был обусловлен образованием Тмутараканского княжества. Благодаря рукописной традиции закреплялось представление о касогах (так называли адыгов Прикубанья). К сожалению, до нас дошли весьма скудные сведения, дающие фрагментарное представление о начальном этапе отношений русов и северокавказских народов, но опыт первых, в основном военно-политических, контактов закладывался в эти удаленные в прошлое века¹⁴⁵.

¹⁴² См.: Повесть временных лет. СПб., 1996.

¹⁴³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 54–55.

¹⁴⁴ Дорн Б.А. Каспий. СПб., 1875.

¹⁴⁵ Шейджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп, 2010. С. 61.

Буферной зоной между южнорусскими княжествами и Кавказом стала половецкая степь, где обитали кочевые тюркоязычные племена половцев, вступавшие в различные отношения с Русью и народами Северного Кавказа. Неслучайно перед Русью так остро стояла задача укрепления южных границ. Знаменитый призыв автора «Слова о полку Игореве» — «Загородите полю ворота», обращенный к русским князьям, был актуальным на протяжении всей истории русско-половецких отношений. В середине XI в. половцы хлынули в степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Они заняли огромную территорию, которая получила название Дешт-и-Кипчак, — территории причерноморских и приазовских степей между средним и нижним течением Днестра на западе, нижним течением Дона и Северским Донцом на востоке, от левого притока Днепра — Самары до Черного и Азовского морей и Крыма на юге. В историографии существуют концепции, включающие в состав этой зоны также степи вплоть до верхней Оки¹⁴⁶. Народы, мигрировавшие в этот регион, различались как по общественно-политической организации, так и по способам хозяйствования. Периодически регион становился ареной напряженной борьбы оседлых земледельческих племен и степных кочевников. Более того, после опустошительных набегов монголо-татар за данной территорией на длительное время закрепилось название «Дикое поле».

По мере того как расширялась территория России, сдвигалось южное порубежье, Россия реализовывала выход к естественным географическим границам. С процессом продвижения границы на южном направлении менялись и контактные формы взаимодействия (приобретая характер временных военно-политических союзов, развивая торговые отношения). В XVIII–XIX вв. границы империи на юге носили черты «подвижной зоны» освоения и представляли собой аморфную «геополитическую чересполосицу», большую «барьерную» территорию между империями, на которой продолжали существовать фрагментарные местные властные структуры.

«Таким образом, — отмечал Ф. Бродель, — история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природ-

¹⁴⁶ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1997. С. 189.

ные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»¹⁴⁷. При этом динамика продвижения на южном направлении не успевала за процессом закрепления территории в сознании, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где собственно заканчивается Россия и начинается империя?»¹⁴⁸.

Карта Кавказской области, 1790 г.

В исторических реалиях начала XIX в. Северный Кавказ все еще оставался terra incognita для российской политической элиты, стремившейся реализовать государственную идею на южном направлении. Серьезное влияние на историографическую среду оказала концепция В.О. Ключевского, считавшего, что к XIX в. Россия почти завершила свое стремление «встать в естественные этнографические и географические границы»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М., 1994. С. 274.

¹⁴⁸ Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

¹⁴⁹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. М., 1993. С. 368.

При этом естественные границы России характеризовались различием географических условий и исторической среды. Границы государства на юге не отличались определенностью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали политические общества, которые бы своей «плотностью» сдерживали дальнейшее распространение территории страны. В результате, если на востоке продвижение России за естественные границы было вызвано «неизбежным сцеплением отношений и интересов», то на южном направлении процесс стабилизации границы был неразрывно связан с изменением внешнеполитических задач. Естественными границами на юге считались Кавказский хребет, Кубань и Терек, носившие характер не только географической, но и политической границы, призванной «обеспечить свой тыл завоеванием горских племен»¹⁵⁰.

Осознавая значимость выхода к южным границам России, особое внимание уделялось «достижению моря и завоеванию его берегов». Важнейшим этапом этого процесса считался выход к Черному морю, что обеспечило бы России возможность торговых отношений и морского сообщения со странами Европы и Азии¹⁵¹. Важно отметить, что при всей значимости природно-географической границы она не столько являлась барьером, сколько была зоной контактного взаимодействия. Выход к морским берегам обеспечил России политическое, экономическое и культурное взаимодействие в системе координат «Восток — Запад». Четко осознавалось, что «государство не могло играть мировой роли, если не имело морских границ»¹⁵².

Исключительно важное геополитическое и военно-стратегическое положение Северного Кавказа определяло его значимость для обеспечения потребностей политического и экономического развития Российского государства. Успешные для России войны в XVIII в. подтвердили ее статус мировой державы и создали предпосылки для реализации жизненно важных интересов России в других регионах: в зоне черноморских проливов — обеспечение свободного прохода российских кораблей; на маршрутах традиционных торго-

¹⁵⁰ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003. С. 165.

¹⁵¹ Геттнер А. Указ. соч. С. 170.

¹⁵² Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 42–57.

Князь Григорий Гагарин. Живописный Кавказ. Рисунки с натуры 1847. Берег Черного моря. Встреча черкесских князей

вых путей — контроль за транзитом восточных товаров и т.д. С другой стороны, Россия получила возможность контролировать состояние и развитие международной обстановки в наиболее значимых для России регионах мира.

Политика России на Северном Кавказе, изначально имевшая оборонительно-охранительную направленность, с утверждением ее в качестве мировой державы трансформировалась в экспансионистскую с тем, чтобы в последующем сделать регион важнейшим военно-политическим плацдармом в Азии и бассейне Черного и Средиземного морей. Этим определяются и интересы России, связанные с необходимостью прорыва искусственно созданной для Российского государства военно-политической и экономической блокады.

Значение Северо-Кавказского региона в реализации интересов России определялось его ролью в системе как региональных интересов России, так и в целом во взаимоотношениях России с ведущими государствами мира, определяя место и роль Российского государства в мировой политике. В начале XIX в. после успешных для России войн с Персией (1804–1813) и Турцией (1806–1812) Северный Кавказ все еще оставался барьером между равнинами

Предкавказья и Закавказьем. Именно этот регион должна была инкорпорировать Российская империя для дальнейшего успешного политико-экономического освоения Кавказа.

Историческим воплощением разрешения геополитических вызовов на южном направлении стала Кавказская война. Осознание значимости присоединенного региона сформировало различные представления о смысле и назначении кавказской политики государства. После завершения Кавказской войны проблема выхода к «естественным географическим границам» получила экономическую направленность. Северный Кавказ лишь номинально считался присоединенным к Российской империи, однако существовала перманентная задача сделать присоединение реальностью. Россия стремительно продвинулась в экономическом и политическом освоении региона: была создана кавказская военная линия, активно внедрялись управленческие учреждения, набирали темпы колонизация и хозяйственное освоение края¹⁵³.

Важнейшим шагом на пути усиления взаимодействия в регионе явилось вхождение Северного Кавказа в состав Российского государства. Тем не менее еще длительное время регион являл собой один из наиболее уязвимых звеньев системы безопасности и национальных интересов Российского государства, о чем свидетельствуют экспансионистские замыслы в отношении региона Великобритании и ряда других европейских государств, практически не прекращавшиеся на протяжении всего XIX в., русско-турецкие (а до первой трети столетия и русско-персидские) войны, а также комплекс сепаратистских антироссийских вооруженных выступлений непосредственно в самом регионе.

Выраженные сферы контактности существовали и между отдельными народами Кавказа. Их анализ делает очевидным, что помимо религиозного компонента, выступающего фундаментом для «широкого круга культурной идентификации» этносов региона, существует целый ряд других не менее важных форм взаимоотношений. Нерелигиозные компоненты на Кавказе оказывали и оказывают существенное влияние на формирование «ценностей, норм, институтов и способов мышления» различных социально-культурных общностей региона. Среди основных идентифи-

¹⁵³ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война (1817–1864). М., 1994. С. 149.

кационных составляющих в регионе можно назвать следующие: этнический принцип, объединяющий и разъединяющий группы населения; надэтнический уровень, основанный на комплиментарности; хозяйственно-культурный (горцы и жители равнин); социальный (принадлежность к той или иной социальной страте).

Ни один из этих компонентов невозможно ранжировать по степени историчности и устойчивости в зоне интерактивного взаимодействия. Кавказ является одним из самых полиэтничных регионов мира, но, несмотря на, казалось бы, солидную историографическую базу по этнической истории региона, проблема не перестает быть актуальной и требует серьезного аналитического осмысления. Надо заметить, что в последнее время участились случаи искажения истории и этнологии Кавказа. В этом плане особенно активизировались представители тех этносов, которые сравнительно поздно стали кавказцами.

На территории современного Кавказа проживают до пятидесяти народов, каждый из которых имеет свою оригинальную культуру и язык. Этническая пестрота, характерная для нынешнего Кавказа, претерпела на протяжении веков значительные изменения. Миграция и катаклизмы, имевшие место на евразийском пространстве, оказывали значительное влияние на процессы, протекавшие на Кавказе. Смещение народов вело к возникновению новых этносов, а многие древние этносы канули в Лету, став лишь достоянием истории. Поэтому неудивительно, что имеют место факты присвоения пришлыми этносами чужого культурного наследия, истории и достижений живших на Кавказе коренных этносов. В этом смысле открываются новые возможности для исследования культур «соседствующих» народов, позитивных и негативных заимствований.

Большое влияние на устойчивость контактных зон оказал распад Советского Союза. Разгоревшиеся этнические конфликты повлекли за собой жертвы и миграционные процессы. Достаточно вспомнить последствия войны в Чечне, Нагорном Карабахе, Абхазии. Значительным было число переселившихся из зон конфликта чеченцев, армян (из Азербайджана), азербайджанцев (из Армении). Эти события не могли не сказаться на отношениях как на государственном, так и межэтническом уровнях. Обращение к проблеме Северного Кавказа как контактной зоне свидетельствует, что далеко не на все вопросы имеются научно обоснованные ответы: многие из них требуют новых источников и еще в большей степени аналитического осмысления.

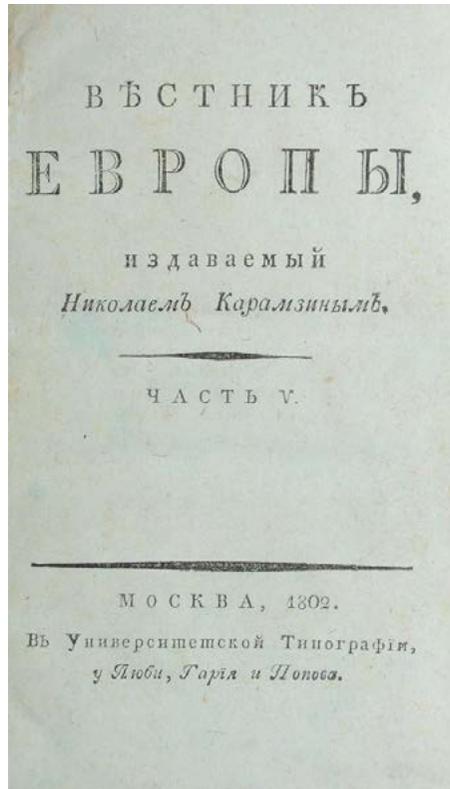
ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ КАВКАЗА В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1802–1918 гг.)¹⁵⁴

Ярким явлением среди российских журналов XIX в., безусловно, стоит признать «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н.М. Карамзиным¹⁵⁵. Он стал первым русским «толстым» журналом европейской литературы, политики, философии и культуры, своеобразным «мостом» между русской читающей публикой и просвещенной Европой и сыграл значительную роль в развитии русского исторического сознания. Усиление культурной роли периодических изданий в начале XIX в. связано прежде всего со значительным ослаблением государственного контроля над публичной сферой. Количество политико-публицистических журналов увеличилось, образовав новое публичное пространство, стимулировав обмен мнениями в обществе по широкому кругу проблем. Для многих авторов той эпохи характерно просвещенческое убеждение в действенной силе печатного слова, восприятие журнала как средства нравственного и политического воспитания общества.

Целью информационной политики ведущих периодических изданий (в первую очередь «Вестника Европы») стало воспитание компетентного читателя, который в силу своей осведомленности

¹⁵⁴ Тлепцок Р.А. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю на страницах журнала «Вестник Европы» (1802–1918 гг.) // Клио. 2011. № 1. С. 41–43. (0,9 п.л.).

¹⁵⁵ По другой версии идея создания журнала принадлежит арендатору типографии Московского университета книгопродавцу И.В. Попову. Он предложил Карамзину стать редактором за определенную плату (3000 руб. в год). «Вестник Европы» был первым общественно-политическим и литературно-художественным периодическим изданием в нашей стране.

мог активно воздействовать на происходящие в обществе процессы. Журнал в этой перспективе оказывался наиболее удобной для подобного влияния формой: он обладал мобильностью, был рассчитан на критическое восприятие публикаций. С другой стороны, журналы, наряду с традиционными для русского общества общественными и литературными институциями — великосветскими салонами, литературными кружками и театрами, стали участвовать в формировании публичного пространства, соединяющего светское общество, научную и политическую элиту.

Значительное место на страницах «Вестника Европы» традиционно отводилось исторической проблематике. Прежде всего, необходимо отметить, что идея написания «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина созрела в недрах «Вестника Европы».

Об этом свидетельствует все возрастающее на страницах журнала количество материалов по русской истории. Замысел «Истории» должен был показать, как Россия, пройдя через века раздробленности и бедствий, единством и силой вознеслась к славе и могуществу. В течение XIX в. на страницах журнала появлялись статьи и документы, прямо или косвенно связанные с народами Кавказа. В первый период существования журнала (1802–1830 гг.) кавказская проблематика появлялась на страницах журнала sporadически. Для российской читающей публики исторических реалий начала XIX в. Кавказ, уже не был каким-то далеким и сказочным Востоком, но все еще оставался в значительной степени terra incognita. Формирование представлений о нравах и быте Кавказе происходило на основе знакомства с путевыми заметками путешественников, эпистолярными источниками и данными, публикуемыми в иностранных журналах.

Уже в 1803 г. на страницах журнала начинают публиковаться письма с Кавказа, иностранцев, а в дальнейшем и отечественных путешественников. В 1804 г. на страницах «Вестника Европы» публикуется материал о черкешенках, представляющий собой извлечение, сделанное редакцией из европейского журнала. Небольшая статья изобилует стереотипностью представлений о Кавказе, переносом западных представлений о Востоке, месте и роли женщины в обществе. Авторы в духе сказок «Тысячи и одной ночи» указывают на наличие гаремов у черкесов, праздность черкешенок, что противоречит многочисленным европейским же историческим свидетельствам о Кавказе¹⁵⁶. Более того, извлечение из французского журнала на деле оказывается резко сокращенным вариантом публикации известного английского альманаха¹⁵⁷.

Не удивительно, что Кавказ, являясь одним из важнейших геополитических регионов для России, подвергся первым попыт-

¹⁵⁶ См., например: *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. Сборник материалов. Нальчик, 2006. С. 48; *Тавернье Ж.Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию // Там же. С. 81–82; *Главани К.* Описание Черкесии // Там же. С. 148 и др.

¹⁵⁷ Статья в «Вестнике Европы» является сокращенной версией публикации A character of the Georgian and Circassian Woman (From the travels of G.A. Oliver in Turkey, Egypt and Persia) // The Asiatic annual register. 1802. Vol. 3. Pp. 7–12.

кам изучения, понимания «чужого», но столь необходимого края. Значительное место на страницах журнала нашла грузинская проблематика, вобравшая в себя как эпистолярный жанр¹⁵⁸, так и серьезные аналитические работы¹⁵⁹. Свидетельством устойчивого исследовательского интереса к Кавказу явилась и серия публикаций, в которых авторы пытались донести до российского читателя культурную, лингвистическую, ментальную специфику региона¹⁶⁰.

Публикация в журнале «подробностей из первых рук» от участника плавания эскадры Черноморского флота под начальством контр-адмирала С.А. Пустошкина к городу Анапе в 1807 г. и обстоятельств ее взятия вызвали немалый, судя по откликам, интерес у читателей «Вестника Европы». Показателем устойчивого геополитического интереса Российской империи к Кавказу стала и публикация в 1826 г., в преддверии очередной Русско-турецкой войны, материалов о состоянии дел на Кавказе¹⁶¹. Проанализировав особенности социально-политического быта кавказских народов, автор приходит к выводу, что завоевание Кавказа «...будет еще вернее, когда племена... займут место, подобное тому, какое занимают Козаки и Поляки». Осмысливая возможное участие кавказских народов в русско-турецкой военной кампании, автор, в частности, указывает, что черкесы «быв некогда Христианами, почти без богослужения, равно и теперь не слишком тверды в Исламизме и худо следуют учению Могаммеда», что, естественно, ослабляло, по мысли автора, влияние Османской империи на них.

Возобновление издания «Вестника Европы» в 60-е гг. XIX в. совпало с окончанием Кавказской войны и необходимостью инкорпорации региона в политическую и социально-экономиче-

¹⁵⁸ Письмо из Грузии в Астрахань. Февр. 7 1804 г. Телава // Вестник Европы. 1805. (13–16). С. 60–65; Другое письмо из Грузии в Тотьму. Марта 19-го дня, 1805 года, Анаур // Вестник Европы. 1805. Ч. 22. Июль № 15. С. 66–70 и др.

¹⁵⁹ Грузия под Скипетром Александра I // Вестник Европы. 1805. Ч. 23. № 19. С. 220–227; Пельт Н. Взгляд на Грузию в ее историческом и статистическом отношениях // Вестник Европы. 1826. Ч. 150. № 17.

¹⁶⁰ Воспитание у Черкесов // Вестник Европы. 1823. Ч. 130. № 10; О нынешнем состоянии земель Кавказских // Вестник Европы. 1826. Ч. 150. № 18; Адриан Бальби. О языках страны Кавказской // Вестник Европы. 1828. Ч. 159. № 7; Добродеев И. Байрам Черкесский // Вестник Европы. 1828. Ч. 161. № 15 и др.

¹⁶¹ О нынешнем состоянии земель Кавказских // Вестник Европы. 1826. Ч. 150. № 18.

скую структуру Российской империи. Отражением этой тенденции стало появление ряда публикаций в журнале, наиболее фундаментальными из которых стали исследования Е.П. Ковалевского и П. Пржецлавского¹⁶². Работа Е.П. Ковалевского задумывалась как часть обширного труда «О народах живших и ныне живущих в пределах России» и опиралась на значительную историографическую и источниковую базу. Необходимо отметить, что исследование носило во многом сугубо описательный, а не аналитический характер, при анализе тех или иных проблем мнение автора зачастую оставалось как бы «в стороне», он аргументировал то или иное положение мнениями, для Е.П. Ковалевского авторитетными. Обращаясь к фрагментам истории черкесов, автор ставит под сомнение многие положения, содержащиеся в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, аргументируя в числе прочего и тем, что «...трудно допустить, чтобы в устных преданиях народа могло сохраниться происшествие с такой подробностью и ясностью, в течение такого долгого времени (с IV до XIX столетия)»¹⁶³.

Подводя итог, автор, в соответствии с устоявшейся официальной историографической традицией, приходит к выводу о том, что черкесы и абхазы «...представляют в истории народов необыкновенное явление. Тогда как в других местах Европы и Азии и северной Африки народы перемешивались между собою, перекрещивались и как бы переваривались в горнилах, когда из этих горнил вытекали народы с обновленными силами физическими и духовными, когда они создавали государства, достигшие в Европе высшей степени социального и политического развития, которым суждено ныне располагать судьбами народов не только в Старом, но и в Новом Свете, — в это время черкесы и абхазы, за самыми малыми исключениями, оставались в одном и том же первобытном положении и не выходили из своей среды».

Причину этого явления автор видел в ставшем «модным» с «эпохи Просвещения» географическом детерминизме, который

¹⁶² Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. Статья I // Вестник Европы. 1867. Т. 3. 9/21 сент. С. 75–140; Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. № 3, т. III, отд. 1. С. 141–192; Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (ч. 2) // Вестник Европы. 1867. Т. 4. 9/21 дек. С. 1–29.

¹⁶³ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (ч. 2) // Вестник Европы. 1867. Т. 4. 9/21 дек. С. 21.

заклучался «в особом топографическом положении страны, занимаемой этими народами с древнейших времен... и в особенных типических их свойствах. Их ограждали, с одной стороны, непроходимые ущелья, покрытые девственным лесом северо-западного Кавказского хребта, а с другой — море»¹⁶⁴.

С «Вестником Европы» связано и обращение к кавказской проблематике С.М. Соловьева, который опубликовал в 1868 г. работу «Петр Великий на Каспийском море»¹⁶⁵. Самой важной акцией в восточной политике Петра Великого был Каспийский поход 1722—1723 гг. Его осуществление коснулось судеб народов Кавказа и Закавказья и оставило заметный след как в их истории, так и в истории России. Устремив взоры на Восток царь отправил в Иран посольство А.П. Волынского. Официальная цель посольства — подтверждение «давнишней дружбы» с шахом. На посольство, кроме того, возлагались разведывательные цели: собрать сведения о пристанях, городах и путях сообщения, вооруженных силах, жизни двора и т.д. Собственноручные дополнения, внесенные царем в инструкцию, с достаточной определенностью свидетельствуют о конкретных результатах, ожидаемых Петром от посольства. Характерно, что А.П. Волынский, описывая царю черкесов, заметил, что «...они все такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо, где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот, и никто против них не стоит, и все от них трепещут»¹⁶⁶.

Следует отметить, что обращение С.М. Соловьева к проблеме Каспийского похода было не единичным явлением историографии 60-х гг., годом ранее были опубликованы работы В.В. Комарова¹⁶⁷. Необходимо отметить, что в течение последней трети XIX в. стали интенсивно публиковаться путевые заметки, дневниковые записи путешественников, побывавших на Кавказе¹⁶⁸. Стоит выделить

¹⁶⁴ Ковалевский Е.П. Указ. соч. С. 28–29.

¹⁶⁵ Соловьев С. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. Кн. 3. Март 1/13. С. 163–202.

¹⁶⁶ Там же. С. 174.

¹⁶⁷ Комаров В.В. Персидская война 1722–1723 гг. Русские вести. 1867. № 4; Он же. Персидская война 1722–25. Материалы для истории царствования Петра Великого. М., 1867.

¹⁶⁸ Кретович И. Дон, Кавказ и Крым (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кн. 4. 1/13 апр. С. 698–717; У подошвы Эльбруса. Из путешествия

путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского в Приэльбрусье и Сванетию, результатом которых явился сбор значительного полевого материала, обогатившего отечественное кавказоведение и расширившего представление российского читателя «Вестника Европы» не только об этнографии и географии региона, но и других моментах жизнедеятельности жителей Кавказа.

Работы отличает наличие материалом о культурных традициях народов, топографии региона, его природных особенностях. Авторы, описывая условия социально-экономического быта горцев, особое внимание уделили системе норм обычного, уголовного и семейного права, в исследовании которых значительная роль отводилась М.М. Ковалевскому. Центром научных интересов М.М. Ковалевского являлась наука об обществе и государстве, основанная на глубоком изучении их в историческом и социологическом аспектах. Именно история, дающая, по мнению М.М. Ковалевского, «наилучшую подготовку к социологии», в сочетании с государственным правом стала основой для его многочисленных работ, имевших не только выраженную историко-юридическую направленность, но и ставших научной базой российской социологии.

В своих исследованиях М.М. Ковалевский стремился к социологическому объяснению того общественного строя, в направлении которого с большей или меньшей интенсивностью двигалось все человечество, включая современное М.М. Ковалевскому российское общество. Поэтому М.М. Ковалевский, при своей постоянно возраставшей широте научных интересов, не замыкался в пределах изучения области государственного права и истории западноевропейских государств, а все более последовательно обращался к теме истории отечественных государственных и политических учреждений, в частности Кавказа. Была предпринята попытка не только выявления принципов функционирования правовых механизмов у различных этнических групп региона, но и сделан достаточно

И. Иванюкова и М. Ковалевского. Очерк И. Иванюкова и М. Ковалевского // Вестник Европы. № 1. 1886; Иванюков И., Ковалевский М. В Сванетии. Из путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского // Вестник Европы. 1886. № 8; Брандт Б. Из поездки в Баку // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 281–300; Белоконский И.П. На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения // Вестник Европы. 1903. № 6 и др.

успешный сопоставительный анализ. Результатом этой работы стало появление на свет фундаментального исследования «Закон и обычай на Кавказе» (1887)¹⁶⁹, и по сей день востребованного в отечественном кавказоведении.

Несомненный исследовательский интерес вызывают и путевые записки И. Кретовича «Дон, Кавказ и Крым», опубликованные в 1868 г. При написании заметок автор привлек различные статистические данные, дающие наиболее объективную информацию о реальном состоянии дел в той или иной сфере, нормативные акты и их разъяснения официальной прессой, свидетельства участников событий, а также использовал свои профессиональные навыки и личный опыт, что, безусловно, повышало ценность и значимость публикаций.

Анализируя быт местного населения, И. Кретович подчас фиксирует свое исследовательское внимание на определенных его особенностях, ментальных императивах населения и, являясь их очевидцем, позволяет взглянуть на тот или иной исторический кадр как бы «изнутри». Рассматривая проблему колонизации края в связи с необходимостью его хозяйственного освоения, автор приходит к выводу, что единственное средство для эффективного вовлечения новых территорий в экономическое пространство, в силу их специфичности, это — «...призыв другого опытного в горном хозяйстве населения». Для этих целей необходимо интенсивнее, по мнению автора, привлекать «сродные нам славянские племена чехов, моравов, иллирийцев, черногорцев и многих других... которые искони живут среди гор и давно знакомы с лучшими приемами горного хозяйства». Неужели эти племена не стали бы селиться на нашем Кавказе?» — задается вопросом И. Кретович и приходит к выводу, что «...это гораздо сподручнее и ближе, как в экономическом, так и в моральном отношении»¹⁷⁰.

На рубеже веков в журнале появляются путевые записки¹⁷¹ о поездке через Кавказские горы в Баку Б. Брандта. Отдавая должное красоте и величии Кавказских гор, он задается актуальным

¹⁶⁹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1887.

¹⁷⁰ Кретович И.И. Дон, Кавказ и Крым (часть 2) // Вестник Европы. 1868. Кн. б. 1/13 июня. С. 759–760, 766–767.

¹⁷¹ Брандт Б. Из поездки в Баку // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 281–300.

и поныне вопросом: «что сделали бы швейцарцы и австрийцы, если бы они были хозяевами этих чудных гор?» — и сам же отвечает: «...сколько бы гостиниц было здесь настроено на этом громадном пути, сколько было бы проведено разных дорог во всевозможные стороны от главной линии, какая масса экипажей и omnibusов двигалась бы здесь по всевозможным направлениям, какая жизнь кипела бы кругом и какая масса народа снискивала бы себе средства к жизни от всего этого движения!»¹⁷². В заключение хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в рамках краткого обзора невозможно осветить все многообразие круга проблем, разнонаправленность опубликованных на страницах «Вестника Европы» материалов. Предпринятый обзор лишь наметил основные направления, способные стать маркерами при изучении коллекции материалов, ставших весомым вкладом в процесс становления отечественного кавказоведения.

¹⁷² Брандт Б. Из поездки в Баку // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 283.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ¹⁷³

Включение в состав России территории Северного Кавказа поставило перед властью проблему его интеграции в единую правовую и административную систему Российской империи. Учитывая разнообразие региона по этноконфессиональному составу, уровню исторического развития, наличию элементов государственности, характеру присоединения и отношению местного населения, актуализировалась проблема установления адекватных организационно-правовых форм функционирования в составе империи. Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной до-революционной России, эдаким медвежьим углом, невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Это стереотип, сформировавшийся в русском историописании XIX в. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России.

Реформы и контрреформы 1860–1880-х гг. поразительно быстро достигли кавказских границ. При том, что общие цели в центре и на периферии совпадали, регион имел немалое своеобразие. С одной стороны, сказывались последствия недавней Кавказской войны и мухаджирства. С другой стороны, Кавказ был тесно связан с важнейшими восточными и западными окраинами империи, такими как Средняя Азия, Сибирь, Польша, Украина. Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Его присоединение стало еще одним шагом на пути российского продвижения на Восток. Во главе Кавказского края нередко стояли люди, карьера которых начиналась на других окраинах, в то же время, методы, испробованные при «умиротворении» Кавказа, затем использовались в практике преобразований других окраин империи. Так, впервые примененная здесь систе-

¹⁷³ Тлепцок Р.А. Северный Кавказ в системе управления Российской империей // Клио. 2011. № 3. С. 55–59. (0,7 п.л.).

ма военно-народного управления впоследствии была перенесена в Западное Закавказье и Среднюю Азию, присоединенные позднее.

Процесс поиска эффективных форм управления южными окраинами империи уходит своими корнями в начало XIX в., когда в 1802 г. создается особая система управления в Грузии. «Учреждением» 1802 г. руководство ею поручалось главнокомандующему, который одновременно являлся командиром Отдельного грузинского корпуса. Последующая реформа определила главнокомандующего в качестве председателя Верховного грузинского правительства, экспедиции которого заменяли губернское правление и палаты. В Грузии вводилась уездная система, причем при комплектации административных должностей привлекались представители местной элиты, в некоторых местах сохранялась традиционная должность моурави¹⁷⁴.

Осмысливая характер имперской политики на Кавказе, министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде в 1816 г. отмечал: «Отношения России к государствам и народам Азии, находящимся в этой части света у наших границ, до такой степени своеобразны, что подвергаешься величайшим неудобствам, применяя к ним начала, на которых основываются политические отношения в Европе. Тут все основывается на взаимности и добросовестности; у народов азиатских, напротив, только страхом можно себя обеспечить, и святости трактатов у них не существует»¹⁷⁵. Проблема взаимоотношений с пограничными народами должна была вследствие этого носить другой, отличный от европейского характер, основывающийся не только на специфике геополитических интересов государства, но и на особенностях народов, присоединяемых к империи, в том числе культурных, ментальных. Исходя из такой установки, управление в Кавказском регионе принимало многообразный характер, однако с явным доминированием военного начала.

В ноябре 1844 г. на Кавказе было учреждено наместничество. К этому времени в регионе сложился запутанный узел военных,

¹⁷⁴ Моурави (груз. — опекун, управляющий), административная должность в Грузии. Назначались из представителей дворянской знати. Моурави следили за исполнением царских указов, за судебными разбирательствами и т.д., получали 1/10 часть сборов. Должность была упразднена в XIX в., после присоединения Грузии к России.

¹⁷⁵ Цит. по: Геллер М.Я. История Российской империи: В 2 т. М.: МИК, 2001. Т. 2. С. 278.

экономических и политических проблем. Усилия правительства приблизить конец войны не достигали успеха. Гражданское управление, введенное в Кавказском крае сенатором П.В. Ганом в 1840 г., оказалось неэффективным. В отдельных районах Восточного Кавказа оно вызвало волнения. Кавказ слишком дорого стоил: поглощая огромные людские и финансовые ресурсы, взамен он создавал империи лишь проблемы¹⁷⁶.

При наместнике создавались органы управления: совет наместника (состоял из назначаемых царем чиновников, губернаторов и выполнял функции надзора над всем административным аппаратом и судом) и канцелярия наместника (в 1859 г. преобразованная в Главное управление, состоявшее из пяти департаментов, выступающих в роли своеобразных министерств). В наместничество входили все кавказские губернии (в том числе созданные на основе прежних автономных княжеств) во главе с военными губернаторами, которые не только управляли военными учреждениями, но и заведовали гражданской частью. Общий ход реформ на Северном Кавказе последней трети XIX в. определял в немалой степени своеобразие системы управления, сложившейся в регионе еще во время Кавказской войны, в середине 1840-х — 1850-е гг.

В роли проводников преобразований времен «Великих реформ» тут выступали военные власти Кавказского наместничества. Через наместника и Кавказский комитет регион входил в единую имперскую властную иерархию. История формирования наместничества и Кавказского комитета показывает место Кавказа в империи и его связи с другими регионами пред- и пореформенной России. Наместник управлял Кавказским краем, в состав которого вошли российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию, и Кавказскую линию. В административном плане Кавказ был отделен от Поволжья. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он мог

¹⁷⁶ После визита на Кавказ в 1837 г. Николай I решил, что выход из сложившегося положения лежит в еще большей концентрации власти как в местном, так и в высшем управлении краем. Такую задачу можно было решить, передав всю полноту местной власти одному особо доверенному императору лицу. С этой целью следовало создать специальный высший комитет, при помощи которого можно было бы контролировать Кавказ и управлять краем из столицы. Так появился в 1844 г. наместник Кавказский в Тифлисе, а в 1845 г. — Кавказский комитет в Петербурге.

изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией: руководил войсками и укреплениями Кавказской линии, имел право решать на месте все вопросы, т.е. фактически был уравнен в правах с министрами. Он не был подотчетен ни одному из центральных министерств и ведомств. Однако по вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, ему предписывалось обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера — лично к императору.

Первым наместником стал генерал-губернатор Новороссийский граф М.С. Воронцов (1844–1854), имевший влияние среди высшей бюрократии и пользовавшийся доверием императора, что позволяло ему проводить независимую линию в управлении регионом. После М.С. Воронцова, оставившего свой пост по болезни, несмотря на частую смену наместников, характер и специфика имперского управления регионом принципиально не менялись¹⁷⁷. В 1862 г. наместником становится великий князь Михаил Николаевич (1862–1881), не отличавшийся особыми талантами, но опиравшийся в своей деятельности на способных администраторов — М.Т. Лорис-Меликова, Д.С. Старосельского и др. При нем была завершена Кавказская война на Северо-Западном Кавказе (1864).

Для оперативного управления и решения проблем региона служил Кавказский комитет. В системе центральных органов власти России комитет представлял собой экстраординарное учреждение, а чиновники Кавказского комитета назначались императором¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Обязанности наместника исполняли генералы Н.А. Ред (1853–1854 гг.), Н.Н. Муравьев (1854–1856 гг.), затем на эту должность был назначен князь А.И. Барятинский (1856–1862 гг.).

¹⁷⁸ Первый состав комитета включал в себя известных представителей высшей бюрократической элиты. Чиновники Кавказского комитета, назначенные императором: военный министр А.И. Чернышев (председатель), вел. кн. Александр Николаевич, шеф жандармов граф А.Ф. Орлов, министр государственных имуществ П.Д. Киселев, председатель департамента законов Государственного Совета граф Д.Н. Блудов, министр финансов Ф.П. Вронченко, министр внутренних дел граф Л.А. Перовский и министр юстиции граф В.Н. Панин. Управляющим делами комитета был назначен В.П. Бутков. Состав комитета мало менялся. В 1856 г. место умершего Чернышева занял граф Орлов, после которого в 1861 г. обязанности председателя в течение нескольких лет выполнял кто-либо из старших членов комитета.

Аналогичную роль в империи играли так называемые территориальные или национальные комитеты, через которые осуществлялось управление окраинами империи: два Сибирских, по делам Западных губерний, Западный, Комитет по делам Царства Польского. В компетенцию Кавказского комитета входил разбор изъятых из ведения Комитета министров гражданских дел Северного Кавказа и Закавказья, выходявших за рамки полномочий министров, кроме военных и дипломатических вопросов. В комитет направлялись ежегодные отчеты наместника, сметы бюджета Кавказской области и Закавказского края, им курировались вопросы торговли, промышленности и сельского хозяйства, землевладения, переселений, народного образования и здравоохранения на Кавказе¹⁷⁹.

Пик деятельности Кавказского комитета пришелся на время наместничества М.С. Воронцова и первые годы правления А.И. Барятинского. Комитет нередко лоббировал интересы наместника в правительстве при реализации преобразований в регионе. В период «Великих реформ» были резко расширены права наместника, а в 1858 г. при нем было создано Главное управление с департаментами внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ. Вся власть продолжала сосредотачиваться в руках наместника. Совет Главного управления, позднее преобразованный в Совет наместника, обладал лишь совещательными полномочиями. Нетрудно заметить, что по существу аппарат управления в наместничестве копировал центральный.

С прекращением Кавказской войны и осуществлением в регионе военно-окружной реформы Кавказская армия была упразднена и наместник стал командующим войсками в Кавказском военном округе. Помимо военных полномочий наместника, «Положением об управлении кавказским наместничеством» 1867 г. сокращались и его административные полномочия за счет расширения прав Главного управления, в ведении которого находились администрация, суд и финансовое управление. Постепенное ослабление власти наместника привело к упразднению наместничества в 1883 г. Главой всей кавказской администрации стал главноначальству-

¹⁷⁹ Лисицына Г.Г. К истории высшего гражданского управления Кавказского края // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 299–302.

ющий гражданской частью на Кавказе¹⁸⁰. Обострение ситуации на Кавказе в годы революции 1905—1906 гг. вынудило правительство восстановить в 1905 г. наместничество, наделенное широкими гражданскими и военными полномочиями, с подчинением непосредственно императору¹⁸¹.

*Делегация народов Кавказа
на коронации императора Александра III.
Москва, май 1883 г.*¹⁸²

Система управления Кавказом характеризовалась созданием особой модели, для которой было свойственно признание многовариантности административных методов, применявшихся в зависимости от лояльности местного населения. Поэтому унификация административно-территориального устройства сочеталась

¹⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885–1916. 33 т. Т. 3 (1883). СПб., 1886. Ст. 1522.

¹⁸¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. С. 246–247, 288.

¹⁸² Фотография. URL: <https://carposting.ru/istoriya-razvitiya-kavkaza>

с применением достаточно широкой автономии на основе принципа исторического легитимизма. Кроме того, следует отметить, что на местном уровне во многом продолжали сохраняться прежние традиции и формы управления, основанные на привлечении к управлению местной элиты. Оценивая характер и специфику кавказской и общеимперской политики, С.Ю. Витте подчеркивал, что наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи и что к христианскому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским. При этом подчеркивалось, что недопустим принцип узкого национализма, «при котором все нерусские должны почитаться ненастоящими сынами России и верноподданными государя». Более того, С.Ю. Витте был убежден в ложности этого принципа, не способного принести России «ничего, кроме вреда»¹⁸³.

Анализ организации системы управления Российской империей на Северном Кавказе свидетельствует о стремлении учитывать специфику региона. Механизм управления отдельными имперскими территориями предполагал применение разных моделей административного устройства, учитывая специфику исторического развития региона. Применение мер одностороннего воздействия имперского центра на периферию (принятие правовых актов, определение административно-территориального устройства) создавало централизованную имперскую систему, причем характер отношений центра и Северного Кавказа определялся стремлением центра к усилению своей власти и расширению административно-политического влияния на периферию в процессе инкорпорации региона в политическую и социально-экономическую систему Российской империи.

¹⁸³ Витте С.Ю. Воспоминания // Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 290.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: «СВОЙ — ЧУЖОЙ» (метаморфозы и трансформация сознания)¹⁸⁴

В наши дни проблема «свой — чужой» приобретает особую актуальность в связи с глобальными процессами, происходящими в мире. По-прежнему в матрице «свой — чужой» доминируют различия между людьми, относящимися к разным этническим общностями. Несмотря на то, что сегодня большинство государств мира представляют полиэтнические образования, в связи с массовыми миграциями усиливаются конфронтационные процессы: между «коренными» жителями и пришлыми, мигрантами и «местным» населением, что приводит к образованию огромных анклавов по принципу противопоставления — «свой» и «чужой». В такой ситуации очень сложно найти устойчивый медиатор, нечто среднее, примеряющее людей. Более того, противостояние все глубже проникает в самые разные сферы жизни народов, приобретая остроту, углубляя отторжение, вызывая все новые вопросы.

В этом плане интерес может представлять исторический опыт развития многочисленных народов Северного Кавказа. С древнейших времен этот регион известен как сложная этническая дестинация. Более пятидесяти автохтонных народов, прошли стадии этногенеза именно на этой территории¹⁸⁵. В процессе исторического развития сложилась целая система опознавательных знаков и традиционных морально-нравственных ценностей: язык, нормы поведения, религиозные ритуалы, своеобразие одежды отличающей «своих» от «чужих».

¹⁸⁴ Тлепцок Р.А., Шедужен Э.А. Северный Кавказ: «свой — чужой» (метаморфозы и трансформация сознания) // КЛИО. 2019. № 12. С. 21–29.

¹⁸⁵ Арутюнов С.А. Мой Кавказ. 2008. С. 45.

Конечно, в рамках сообщения практически невозможно представить все стороны этой сложнейшей проблемы. Более того, возникает вопрос: позволяют ли дошедшие до нас свидетельства в виде субъективных наблюдений, переполненных противоречиями, несоответствиями, тенденциозными комментариями репрезентировать такую сложную проблему? Создается впечатление, что даже при самом тщательном анализе дошедшие до нас источники, учитывая, что большинство народов региона до начала XX века не имели письменности, способны дать лишь общее представление о социальном поведении горцев, причем опосредованно, преломленными через сознание — «чужих». Попав в неизвестную страну не просто *понять* «другого», но и пришельцы оставались полнейшей загадкой для местных жителей. Имеется в виду не столько романтическое подражание (культ оружия, куначество и т.п.), а, прежде всего, способность принять особость «другого». С полным основанием можно утверждать, что истоки деления на «своих» и «чужих» зародились на основе мифологического сознания. Мифологические пласты сознания присущи всем народам. Однако далеко не все этносы обладают таким значительным памятником духовной культуры, как героический нартский эпос, бытующий у адыгов, абхазцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и отчасти у ингушей, чеченцев, дагестанцев.

По признанию многих авторитетных специалистов, «Нарты» относятся к самым древним героическим эпосам мира, типологически близким рунам «Калевалы» и даже древнешумерскому эпосу о Гильгамеше¹⁸⁶. Именно в недрах устного творчества с глубокой древности закреплялись образные представления об окружающем мире, «своём» и «чужом», переходя от поколения к поколению, из эпохи в эпоху, получая разные интерпретации и художественные формы. При всей условности фиксации исторических событий эпос не фантастическое описание исторического прошлого, а «эпическая модель истории», некий способ хранения информации. Мифологические сказания как бы «останавливали» прошлое, зашифровывали его, закладывали мудрость древних «словно в капсуле, предназначенной для потомства»¹⁸⁷. В его образах

¹⁸⁶ Мелетинский Е.М. Эпос и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 665–666.

¹⁸⁷ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 129.

и картинах сквозь фантастическую оболочку явственно видны отзвуки реального исторического прошлого «своего» народа.

Во многом именно благодаря эпосу в сознании народов Северного Кавказа закрепились представления о территории расселения, как о «своей» земле. При чем границы между «своими» и «чужими» землями пролегали не столько в географическом пространстве, сколько в области так называемой символической, сакральной географии. Более того, границы человечества и племени совпадали: «своё» племя локализовано на «своей» земле. В то же время, четко осознавалось наличие соседних, живущих рядом народов, контакты с которыми приводили не только к острым противоречиям, но и к взаимодействию.

На основе сохранившихся устных свидетельств можно воспроизвести идеальный образ «своего» героя: неукоснительное следование этике, храбрость, щедрость, верность, крепкое тело, не знавшее усталости. Социальная модель, являлась еще и моделью культурной: для героя были характерны такие моральные нормативы, как «честь и слава». В то время как «чужие» злобны, жестоки, коварны, их заверениям не следует доверять.

При этом мир нартов знает героев, противостоящих «братству». В этом смысле, особенно важен образ Сосрука «неистового наездника *одинокого*», «всадников — спутников с собой не берущего и *одиноко* разъезжающего»¹⁸⁸. Он как бы «выпадает» из понятия «Мы», устанавливает свои правила поведения, следует своим ценностным установкам. При таком конструкте усиливается элемент «Я», обозначающий индивидуальность, исключительность, уникальность данного героя.

Благодаря развитой устной традиции в сознании горцев прочно закрепились представления о древности их земли. И хотя, по прошествии веков «забвение покрывало» сохранившиеся памятники, курганы и дольмены своим величием, они воспринимались местными жителями, не имеющими понятия о действительном назначении этих сооружений, «*историей*, а построившие их великаны — «коренными жителями Кавказа», «своими» предками»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Из адыгского нартского эпоса. Материалы архива Н.А. Цагова. Нальчик, 1987. С. 27, 55.

¹⁸⁹ Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 71–72.

В частности, адыги (черкесы) бережно сохраняли связь с событиями исторического прошлого, воспринимая себя *наследниками древней истории других народов*: любые параллели с античной историей воспринимались с явным удовольствием, впрочем, как и сравнение с другими «цивилизованными» народами.

Большинство исследователей отмечали, что у адыгов сохранялись воспоминания о древних греках, нашедшие отражение в преданиях, именах, топонимических названиях¹⁹⁰. Один из первых адыгских историков Султан Хан-Гирей, размышляя о трудностях реконструкции древней истории, поставил вопрос о возможности принятия как научной гипотезы мнения о связи древних преданий адыгов с «баснословными событиями классической земли», героическими временами Греции¹⁹¹.

Как свидетельствуют записи авторов, посетивших Северо-Западный Кавказ в XIX веке, для доказательства древности происхождения и прав на занимаемую территорию адыги, обращаясь к сохранившимся памятникам исторического прошлого, считали их «своими», проявляя к ним «самое большое почтение». В то время как, иностранцы, раскапывающие погребения, вызывали у них подозрение, как посягательство на память «своих» предков, владевших этой страной. В отличие от европейцев, не стесняющихся собственноручно при помощи кирки вскрывать древние захоронения в поисках предметов, могущих принести «доход», черкесы воспринимали памятники как следы, «оставленные каким-то великим народом, жившим в этой стране до них». «Усердие» некоторых из них в приобретении древностей «породило, — как пишет Тэбу де Мариньи, — в душе этого народа оригинальную идею, что это занятие не соответствует личному достоинству француза»¹⁹².

Кардинальные метаморфозы массового сознания произошли в годы Кавказской войны. Несмотря на традиционную, вызывающую удивление толерантность по отношению к представителям разных народов, горцы все четче делили мир на «своих» и «чужих». По мере обострения противостояния «другие» превращались

в «чужих», враждебных, представляющих угрозу традиционному образу жизни, национальным традициям. Динамика развития определялась принципиально значимыми противоречиями: напряженным было военно-политическое положение, резко менялась среда обитания, разрушались привычные представления и нормы жизни, но неизменным оставалось осознание «родной земли», своей принадлежности к этнической общности. «Спросите черкеса, откуда он родом, — он ответит — шапсут или бесленеевец, но ответит с такой серьезностью, как бы был вельможей огромного государства»¹⁹³.

Особую «неподкупную» любовь горцев к Родине отмечают многие побывавшие в годы войны на Кавказе. Она проявлялась не только в привязанности к «своим людям», к месту рождения, но и к обычаям которые они считали «лучшими в мире». «Для черкеса, живущего в маленькой независимой общине, родина казалась ему большой; он видел, что она независима, воюет и заключает мир с такими же соседями, как она сама, и это придавало ему гордость и сознание собственного достоинства»¹⁹⁴. Оказавшись в пространстве другой культуры, горцы сохраняли в сознании идеализированный образ своей страны. «Я был в Константинополе, видел и европейцев, — говорил в беседе с С. Хан-Гиреем бжедугский князь Аходягоко, — но только мы, *черкесы — люди*: там и у тех вельможи и богачи — это полубоги, а простолюдины и бедные — *скоты*, которых они презирают, между тем как у нас крестьянин, раб или слуга, даже и нищий — все тот же *человек*»¹⁹⁵.

XIX век в истории горцев Кавказа был особым: он переполнен удивительными цветовыми оттенками, завораживающими запахами жизни и смерти. Война неизбежно обостряла восприятие таких вечных проблем, бинарных оппозиций, как «жизнь и смерть», «добро и зло», «прошлое и будущее», «свой и чужой». В основе непримиримых противоречий оказались не столько социальные отношения, сколько морально-нравственные позиции, доступные самым широким массам. Поэтому столь болезненной была

¹⁹⁰ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 162.

¹⁹¹ Хан-Гирей С. Черкесские предания. С. 54–55.

¹⁹² Мариньи Т. Путешествие по Черкесии. Нальчик, 2002. С. 90–91, 130.

¹⁹³ Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 137.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко// Избранные труды и документы. С. 544.

реакция на стремление «чужих» принизить достоинство национальных традиций, силой сломить, ниспровергнуть веками совершенствовавшиеся «жизненные образцы» как неперемное условие консолидации перед лицом общей опасности. Отдаляясь от культуры своего детства, горцы все более активно утверждали ее достоинство и защищали ее уникальность. Более того, чем больше они узнавали о людях Запада и Востока, тем больше задумывались над вопросом, что значит быть горцем?

Продолжительная Кавказская война не могла не повлиять на самосознание горцев, став наивысшим испытанием их сил и возможностей. Определяющее значение приобретало наличие объединяющей, условно говоря, национальной идеи, ориентированной на борьбу за свободу и независимость. Именно она, в той или иной степени, консолидировала все социальные группы горского общества, позволила в сжатых временных пределах подняться на более высокую ступень самосознания, сплоченности и активности.

Как известно, во время войны на человека воздействует целый ряд специфических факторов («боевых стрессоров»), порождающих сильные и противоречивые чувства: любовь и ненависть, радость и страдание; напряжение ума и воли; подъем и упадок сил. «Война, писал знаменитый немецкий военный теоретик Карл Клаузевиц, — является «крайней степенью применения насилия», выражаемой в постоянных убийствах себе подобных, грабежах, надругательствах над беззащитными и многими другими чудовищными явлениями»¹⁹⁶.

Войны неизбежно присутствуют в истории всех народов, представляя сложный, постоянно изменяющийся феномен человеческой цивилизации. Путем жестоких, продолжительных войн решаются проблемы территорий, ресурсов, политической престижности, экономической и духовной экспансии. Фактически все эти обстоятельства определяли причины и характер Кавказской войны, обусловив ее продолжительность и жесточенность. Начатая без официального объявления, не имеющая «линий фронтов», регулярных формирований неизменно враждебно настроенного населения она все более приобретала тотальный характер.

Проведенный источниковедческий анализ вариантов текста «Декларации черкесской независимости» (1836), несмотря на на-

¹⁹⁶ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. М., 1936. С. 51.

личие дискуссионных вопросов относительно истории их создания, приводит к значимому выводу, что в «Декларации» не содержатся «положения, которые не озвучивались бы неоднократно черкесским сообществом и их лидерами»¹⁹⁷. Исходя из этого утверждения, можно сделать важное заключение, что такие повторяющиеся словоформы, как «*непрерывная война*», «*независимость*», «*протест*», «*борьба*», «*ненависть*», «*враг*» — лучше любых пространственных описаний отражают эмоциональное и духовное состояние горского общества.

История Кавказской войны, вне всякого сомнения, относится к наиболее сложным проблемам северокавказской историографии: с одной стороны, это малозначимая, эпизодическая часть российской военной истории, а с другой — болевое «место памяти» для народов целого региона¹⁹⁸. Во многом именно поэтому она остается в ряду наиболее идеологизированных проблем. В связи со 150-летием ее окончания прошли представительные международные конференции и форумы, свидетельствующие об устойчивом интересе ученых к военной истории народов северокавказского региона¹⁹⁹.

По мере развития «событий на Кавказе», наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились знания о народах региона, превратившихся в непримиримых врагов. Начав войну на Кавказе, России пришлось столкнуться с «другими», с неизвестным миром, с народами, имеющими другие традиции и обычаи. Все более явственно осознавалось, что особенности быта и «народного характера», «пылкая любовь к независимости и военная доблесть» оказывают непосредственное влияние на «образ войны». Даже в специальные разведывательные отчеты

¹⁹⁷ Дзамихов К.Ф. Из документальной истории Кавказской войны: «Декларация черкесской независимости». Нальчик, 2014. С. 17–18.

¹⁹⁸ Шеуджен Э. Кавказская война: трудные пути памяти // Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп, 2010. С. 91–127.

¹⁹⁹ Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции: 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2013; Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2013; Материалы международной научной конференции «Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве», посвященной 150-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 19–21 мая 2014 г. Майкоп, 2014 и др.

и описания военно-стратегического назначения стали входить данные по этнографии и истории горцев, преимущественно имевшие прагматический смысл. По мнению Н.Ф. Дубровина войскам было необходимо знать, «храбр ли его противник или трус, а администрации — каковы силы и в чем заключается источник значения или могущества неприятеля»²⁰⁰.

Приходило осознание, что массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру их коллективного сознания. Прежде всего, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, представлениями о мужском долге, презрением к смерти и фанатической уверенностью, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг останется в памяти потомков. Для горцев эти традиционные модели сознания были нравственным императивом, нерушимым законом предков. «Без их безусловного соблюдения, — писал генерал А.А. Вельяминов, — не найдет он между сородичами своими ни дружбы, ни доверенности, ни уважения, он делается предметом насмешек и презрения...»²⁰¹.

Война усилила процесс осознания важности этнической идентичности, взаимных обязательств, проявляющихся в приверженности семье, роду, «своему народу», в целом, в стремлении «защитить друг друга против набегов и насилий людей посторонних»²⁰². В официальных документах русского командования ставилась непростая задача — военной силой преодолеть «дикую привязанность к независимости кавказских племен»²⁰³. В серьезную проблему, осложнявшую проведение карательных операций, превращались закрепившиеся в сознания традиционные маркеры. Так, благодаря обычаю гостеприимства возникали «островки безопасности» и никакие угрозы не могли заставить горцев выдать укрываемых. Причем этот освященный веками обычай свято соблюдался и лояльно

²⁰⁰ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 15.

²⁰¹ Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1883. С. 78–80.

²⁰² Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. № 8. С. 526.

²⁰³ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 902–904.

настроенными «мирными» горцами, несмотря на то, что при малейшем подозрении в «укрывательстве» преследуемых безжалостно уничтожались целые селения.

Играл свою трагическую роль и обычай кровной мести. Родственники погибших воспринимали офицеров и солдат русской армии непосредственно своими кровниками. Выполняя один из главных общественных нормативов, горцы стремились любыми средствами, нередко рискуя жизнью, отомстить за гибель близких. Неукоснительное следование этому обычаю придавало все большую массовость и ожесточенность сопротивлению²⁰⁴. В семьях, в которых погибли все взрослые мужчины, за оружие брались юноши четырнадцати-пятнадцати лет. Особым уважением соотечественников пользовались те семейства, в которых были убитые или раненые в сражениях с врагами, «вошедшими в пределы Родины»²⁰⁵.

Российское командование даже «не помышляло» о том, чтобы привести выдвигаемые требования в соответствие с «понятиями, нравами, обычаями и образом жизни» местных народов²⁰⁶, усиливая отторжение. В журналах боевых действий содержатся приказы и распоряжения, направленные на «истребление неприятельских запасов», «отбитие скота», «разорение аулов», «вытаптывание полей». Фактически три поколения горцев рождались, жили и погибали в условиях тотальной военной угрозы. Сохранились удивительные свидетельства: нередко плечом к плечу сражались отец, сын и внук...

Особенно болезненно горцы воспринимали контроль над жизненным пространством, считая его посягательством на личную свободу. Если в первое время войска ограничивались сооружением «оборонительных линий» и периодически предпринимались «экспедициями» для «наказания» горцев, то очень скоро на смену системе репрессалий, то есть мер воздействия применяемых без объявления войны, пришла планомерная колонизация территории: с прокладыванием дорог, прорубкой просек, возведением укреплений, городков, крепостей, образованием «прослоек» между «враждебными» племенами, немедленным заселением «очищен-

²⁰⁴ Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 9. С. 46.

²⁰⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 135.

²⁰⁶ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 2003. С. 65.

ных» территорий, подконтрольных русским войскам, «преданными» местными народами и пришлым населением.

Фактически происходила маркировка обширного пространства при помощи системы кордонов и крепостей. Используя военный «нажим» и «продавливающую» силу кордонных линий, решалась задача расширения колонизируемой территории. Трагический смысл происходившего горцами начал осознаваться по мере усиления изоляции «своей» территории: строительство кордонных линий с крепостями и редутами, «перекрывавших» выход «в мир», нарушавших торговые и даже дружеские контакты, нередко сравнивали с Великой Китайской стеной²⁰⁷.

Для горского имагинарного²⁰⁸ образ крепости становился символом навсегда потерянной свободы. Так, в течение нескольких лет адыги мужественно сопротивлялись возведению Майкопской крепости, считая ее сооружение посягательством на свои права²⁰⁹. Особое значение придавалось их штурму и разрушению: гарнизоны построенных крепостей постоянно находились на осадном положе-

²⁰⁷ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин и др. СПб., 2005. С. 153–154.

²⁰⁸ Понятие «имагинарный» ввел французский историк Жак Ле Гофф. Сфера имагинарного — это новое направление исторической науки, которое возникло несколько десятилетий назад, когда историки начали извлекать из общеизвестных образов и представителей той или иной эпохи новые смыслы. Тогда начали изучать и историю эпох с точки зрения повседневности, повседневной жизни и историю с точки зрения представления людей, населявших эту эпоху, то есть представление обычных мужчин и женщин обо всем что их окружает, о мире. Сейчас данное историческое направление восходит к своему апогею и продолжает активно развиваться. Но что же значит это таинственное слово «имагинарное»? Слово «имагинарное» происходит от английского «imagination» — воображение, которое, по сути, и даже в меньшей степени определяет значение имагинарной сферы истории. Имагинарная история — это история, прежде всего рассказанная через совокупность образов, идей и представлений, которые, в свою очередь, активно сказываются на истории общества в целом, выражаясь с помощью мыслей и действий, а также воплощениях этих образов через конкретные персоналии, такие как бретонский король Артур, упоминающийся в Средневековых летописях, или Робин Гуд, подтверждение реальности существования которого тоже весьма сомнительно, или же образы выражаются через яркие совокупности, например, трубадур как собирательный образ представления о целой сфере куртуазного в средневековой Европе, не представленный никаким конкретным человеком.

²⁰⁹ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С. 475.

нии. Адыги, писал Р.А. Фадеев, «брали голыми руками крепости, где сидел целый кавказский батальон; они шли на картечь и штыки неустрашимых людей, решившихся умереть до одного, взрывававшихся в последнюю минуту пороховые магазины, и все-таки — шли; заваливали ров и покрывали бруствер своими телами, взлетали на воздух вместе с защитниками, но овладевали крепостью»²¹⁰. Если в первые годы многие российские офицеры «мечтали» о командировке на Кавказ как о способе избавиться от надоевшей бесцветной жизни, «подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме петербургских, местности и, в особенности, ознакомиться с настоящей военной службой»²¹¹, то очень скоро пришло осознание, что реалии войны далеки от романтических представлений: Кавказ «другой мир, область ужасов»²¹², «край забвений»²¹³.

В начале войны горцы явно недооценивали военную силу России, сравнивая русские отряды с тучей, которая «пройдет полосой, наделает шума и разорений и умчится, не оставив прочных следов»²¹⁴. При подходе русских войск часть адыгов поджигала свои дома и уходила с семьями и скотом в горы, другие же по первому выстрелу, сигнализирующему об опасности, собирались в «летучие» отряды и, пользуясь особенностями местности, нападали с флангов. Дело дошло до того, что в ходе переговоров А.А. Вельяминов требовал: «Встретьтесь с нами открыто, и мы будем бить вас в любом количестве, но ныне, после того, как вы извели нас, как оводы, когда мы ищем вас, чтобы встретиться, вас уже невозможно отыскать...»²¹⁵. Интересно, но именно подобная тактика наиболее раздражала Наполеона, как не «европейский» способ ведения войны, во время похода в Россию в 1812 году²¹⁶.

²¹⁰ Фадеев Р.А. Кавказская война М., 2005. С. 45.

²¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 191.

²¹² Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Сост. Р.А. Тлепцок, ред. Э.А. Шеуджен. М., 2010. С. 33.

²¹³ Эжитут С. Алексей Ермолов // Родина, 1994. № 3–4. С. 33.

²¹⁴ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 107.

²¹⁵ Лонгворт Дж. Указ. соч. С. 91.

²¹⁶ О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М., 2004.

В годы Кавказской войны проявилось типичное для горских народов явление: непоколебимая уверенность в спасительной силе родных гор, способных стать надежной преградой на пути любого «чужого». Во многом это настроение характерно и для других народов горных регионов, нашедшее выражение в теории рефугиума (refugium), убежища. Желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, российское командование предпринимало, как неоднократно признавалось, опасные, но, по сути, безрезультатные походы в горы, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в коллективной памяти адыгов убеждение в их неприступности, но эти «посредственные усилия» мало пугали людей, считавших себя непобедимыми «в своих горах»²¹⁷.

В зоне противостояния оказалось огромное пространство искусственно разделенных земель: буквально на глазах одного поколения территория, которую горцы веками считали своей, «сжималась» как Шагренева кожа. Неудивительно, что по мере ужесточения противостояния, горцами все более осознавалось несоответствие традиционных представлений о достойном, «рыцарском» поведении (неприкосновенность пленных, мирных жителей и их имущества) и сложившихся реалий, ставивших под сомнение само существование привычного образа жизни.

Интересно отметить, что многие русские генералы были хорошо известны горцам: более того, они с рыцарским благородством признавали их воинские заслуги. В той же манере, в какой они называли своих собственных героев: одного они называли «хромой», другого — «горбун» и т.п. Так, генерала А.А. Вельяминова черкесы фамильярно называли «рыжим» из-за цвета волос, но при этом считали, что он наделен дьявольской хитростью. Во время встречи с ним категорически воздерживались от предлагаемого вина не столько из религиозных запретов, сколько из твердого убеждения, что вино в руках рыжего генерала становится «ключом к их самым секретным замыслам»²¹⁸.

Российскому правительству пришлось столкнуться на Северном Кавказе с типичными для колонизаторов проблемами: как «ус-

²¹⁷ Мариньи Т. Путешествие по Черкесии. Нальчик, 2002. С. 22.

²¹⁸ Лонгворт Дж. Указ. соч. С. 130.

мирить» народ, который, в соответствии с местными традициями ведения войны, совершал набеги, захватывал пленных, держал их в качестве заложников; как сделать «чужих» «своими»; какими методами вести войну с неуловимыми в малодоступных горах маневренными отрядами; каким образом подчинить местные обычаи и нравы российскому законодательству.

Занятие «вражеской» территории и даже признание подданства еще не свидетельствовали о завершении сопротивления. Сложность данного явления нашла отражение в своеобразной терминологии, вошедшей в официальные документы русского командования. По степени лояльности горцы подразделялись на условные группы: «мирные», «иногда мирные», «вполне покорные», «полупокорные», «непокорные», «враждебные». Разница между ними состояла «только в неприступности заселенных ими мест... мирная деревня, только что пройденная русской колонной, через час иногда обращалась в неприятельскую позицию»²¹⁹. Массовое сопротивление горцев заставляло по-иному смотреть на мирное население, которое фактически оставалось противником. «Офицеры на Кавказе, — отмечал А.Е. Розен, — терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...»²²⁰.

Наряду с пластами информации о массовом героическом сопротивлении, даже через десятки лет в памяти сохранялись фамилии людей, наживших свое богатство «на несчастьи, слезах и крови завоеванного населения»²²¹. Даже у массового героизма есть, так сказать, латентная, скрытая сторона: одни отцы посылали на явную смерть сыновей, в то время как другие получали от русского командования деньги, награды, именное оружие, тщательно утаивая это от соплеменников. Этническая принадлежность к «своим» еще более усиливала отторжение этой группы населения.

Особого внимания заслуживают горцы, оказавшиеся в непростой ситуации: «свой среди чужих, чужой среди своих». Речь идет об уроженцах Кавказа, входивших в офицерский состав

²¹⁹ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007. С. 36.

²²⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 391.

²²¹ Сухов С. Избранное. С. 121.

Кавказского корпуса, так называемых «азиатцах»²²². Большинство из них составляли грузины и армяне, но были и представители северокавказских горцев. Российское правительство было заинтересовано в привлечении на свою сторону местной знати: при условии принятия подданства, родовитые горцы сразу же производились в юнкера, а затем в офицеры. В кадетских корпусах существовали определенные квоты для детей «почетных мусульман Кавказского края»²²³. Князьям, учитывая их социальный статус, сразу же давался офицерский чин²²⁴. Получившие специальную военную подготовку горцы направлялись преимущественно в кавалерийские подразделения как регулярного, так и иррегулярного характера (горская милиция и даже казачьи части). Они отличались отчаянной храбростью, наибольшей приспособленностью к ведению боевых действий в специфических условиях кавказского региона. Высшие командиры видели в них «консультантов» по тактике партизанской войны, посредников, благодаря которым стала бы возможна интеграция местного населения в общероссийское культурно-правовое пространство.

Российское законодательство было весьма толерантно к данной категории офицеров. Учитывались такие ментальные особенности, как следование национальным обычаям, традиционным ценностям, свободолюбие, инициативность, выражаемая в личном удалстве, что порождало одновременно уважение командования, но и недоверие к ним²²⁵. Они имели право беспрепятственно совершать свои религиозные обряды²²⁶. Более того, с целью предотвращения оскорбления религиозных чувств передельвались даже государственные награды. Так, на георгиевском кресте заменяли Святого

²²² Комментарий // Ольшевский М.Я. Указ. соч. С. 578.

²²³ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 111.

²²⁴ Ван-Гален Х. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 434; Мальцев В.Н. Источники о воинских формированиях западных адыгов на Русской службе в годы Кавказской войны // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Вып. 4. Майкоп, 2003. С. 137.

²²⁵ Казанов Х.М. Национальный характер. Нальчик, 1994. С. 39; Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа. Пятигорск, 1997. С. 64–66.

²²⁶ Ислам в Российской империи. С. 155.

Георгия Победоносца на двуглавого орла. Однако большинство горцев хотели, чтобы на наградах изображался Святой Георгий, которого они гордо называли «джигитом», а орла «воробьем»²²⁷. Несмотря на казалось бы лояльное отношение эти офицеры испытывали сложные противоречивые чувства. Оказавшись «на разломе» культурных традиций они остро ощущали «особость» своего положения.

В целом война на Кавказе наполнила особым смыслом такие понятия, как «покорение», «усмирение» «чужого», отражающие не столько военно-стратегический итог, сколько сложное многоаспектное явление «слома» массового сознания, трансформации многовековых обычаев в «другую» культурно-историческую среду, с позитивными и негативными последствиями, проявляющимися сегодня на Северном Кавказе в периодически возникающей этнополитической напряженности.

Социологические исследования последних десятилетий в ряде районов Северного Кавказа выявили выраженную идентичность у народов, по разным причинам оказавшихся в зонах нестабильности и конфликтных ситуаций. Как следствие, «этничность», «этническая солидарность» стали представляться ценностями неизменными, обеспечивающими психологическую опору в резко меняющемся мире. О возрастании чувства этнической солидарности свидетельствует стремление создавать различные организации и общества по национальному принципу. Так, только в Адыгее действуют: «Адыгэ Хасэ», «Союз славян», греческое общество «Арго», татарское «Дуслык», немецкое «Дружба». Подобные процессы характерны для всех республик Северного Кавказа. Несмотря на усиливающийся прессинг массовой культуры, все более возрастает интерес к «своим» языкам, истории, обычаям и традициям. Принадлежность к определенной этнической группе может проявляться в отнесении себя к конкретному племени, тейпу, роду, фамилии (широко проводимые в наши дни собрания представителей родов, специальные «фамильные» газеты, увлечение генеалогией и т.п.). При этом этническая идентичность нередко выступает как местная, локальная особенность: человек считает себя скорее лезгином, чем дагестанцем или скорее шапсугом, чем адыгом.

²²⁷ Кузнецов А.А. Воинские награды времен Кавказской войны // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М., 2000. С. 218–224.

В научный оборот все чаще вводятся собирательные понятия, типа «адыги», объединяющие в единую этническую общность «своих» — кабардинцев, черкесов и адыгейцев, что заметно повышает самооценку, чувство достоинства народов, позволяет ощущать себя частью более крупной (многочисленной, в отличие от малочисленной) этнической общности. Думаем, что рано утверждать, что этничность является рудиментом («но рудиментом живым и довольно широко распространенным») ²²⁸. Жизненная сила этого явления еще далеко не исчерпала потенциальных возможностей. Обращение к проблемам Северного Кавказа свидетельствует о том, что далеко не на все вопросы имеются научно обоснованные ответы: многие из них требуют новых источников и еще в большей степени аналитического осмысления.

²²⁸ Дробижева Л. Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместимости / Региональные процессы... С. 19.

Е.П. КОВАЛЕВСКИЙ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ ²²⁹

Одной из позитивных особенностей современного этапа развития историографии стало усиление «исследовательского интереса» к проблемам «региональной истории». Характерно, что подобное явление отражает стремление «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения новых источников и современной интерпретации уже известных. Не ограничиваясь историческими данными, полученными в наследство от своих предшественников, историки упорно пытаются выйти за пределы достигнутого, выявить и заставить «заговорить» новые источники.

Отличительной чертой современной историографии стала ее способность сделать широко доступными подлинники документов, хранящихся в архивах и библиотеках. При этом в мировой науке продолжают дискутироваться вопросы — какие знания, являющиеся исторически значимыми, должны быть сохранены и переданы последующим поколениям, каковы оптимальные способы и технологии трансляции исторического опыта? В этом смысле историки, выполняя своеобразную социальную миссию, являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании ²³⁰.

В исторических реалиях XIX века основным каналом информации российской общественности о событиях на Северном Кавказе

²²⁹ Тлепцок Р.А. Е.П. Ковалевский: опыт интерпретации северокавказской истории // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / отв. ред. Р.А. Тлепцок. Майкоп: Изд-во АГУ. 2012. № 7. С.11–17.

²³⁰ Цит. по Шеуджен Э.А. Введение // Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.)). М.: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2010. С. 8–9.

являлась периодическая печать. Начав Кавказскую войну, России пришлось столкнуться с неизвестным миром, с народами, имеющими другие традиции и обычаи. По мере развития событий, наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились знания о народах региона. Даже в специальные разведывательные отчеты и описания военностратегического назначения стали входить сведения по этнографии и истории горцев.

Предпринимались настойчивые попытки расширить представления российского общества о народах региона. Прекрасно знавший Кавказ генерал Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях с глубоким сожалением отмечал, что в Петербурге «незнание Кавказа доходило до смешного»²³¹. Это обстоятельство, быть может, и представлявшееся некоторым «усмирителям» «смешным», тем не менее, играло трагическую роль: обе стороны так и не смогли понять друг друга. Все более осознавалось, что «всякая весть о Кавказе, какая бы она ни была, недостаточна и обрывочна, возбуждает живейшее любопытство»²³². Реакцией на своеобразие «горского мира» стало стремление русских ученых более глубоко осмыслить историю народов региона. «Главная» деятельность по собиранию этнографического материала сосредоточивалась по преимуществу в двух учреждениях: в Академии наук, посылавшей экспедиции, издававшей крупные этнографические труды, и в Географическом обществе и его Кавказском отделении, собравшем обширные этнографические материалы. Однако сутобо научные знания были рассчитаны на узкий круг интеллектуалов, в то время как общественное мнение формировалось в основном на материалах опубликованных в журналах и газетах.

Возобновление издания «Вестника Европы» в 60-е гг. XIX в. совпало с окончанием Кавказской войны и необходимостью инкорпорации региона в политическую и социально-экономическую структуру Российской империи. По мере включения Кавказа в сферу политического, правового и экономического влияния Российской империи вызревала необходимость в информации о коренном населении края, о природно-географическом положении

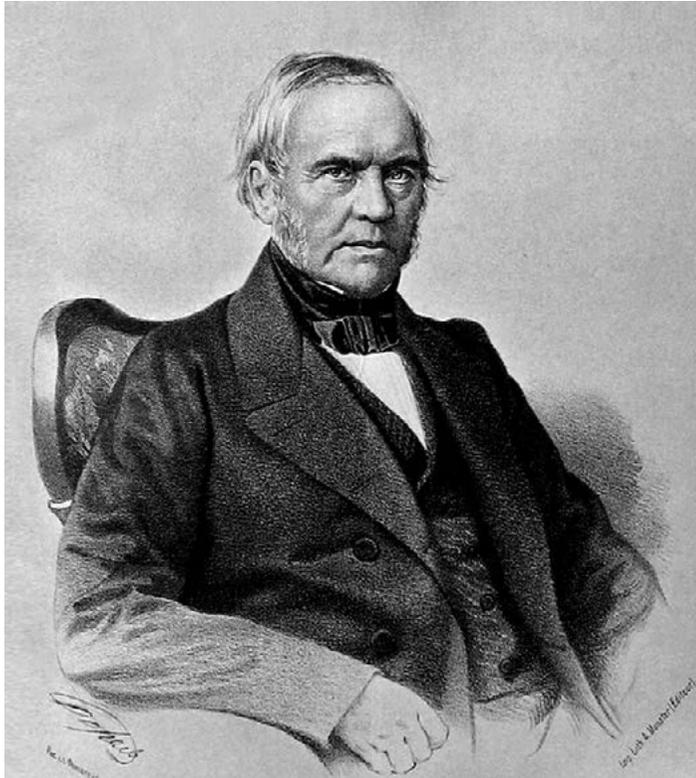
²³¹ Осада Кавказа. СПб., 2000. С. 100.

²³² Современник. 1848. № 2. С. 86.

его отдельных частей. Отражением этой тенденции стало появление в журнале публикаций, посвященных кавказской тематике²³³. Особое место в этом ряду занимают «Очерки этнографии Кавказа» Е.П. Ковалевского²³⁴, опубликованные в журнале «Вестник Европы» в 1867 году. Научная деятельность Е.П. Ковалевского сочеталась с талантом государственного деятеля и организатора. Особую и весьма обширную область его научных интересов составлял Кавказ, изучению которого он отдал последние десятилетия жизни. К сожалению, жизнь и деятельность Е.П. Ковалевского, его научный вклад в изучение этнографии Кавказа не стали еще предметами специального исследования. В статье делается попытка хоть отчасти восполнить этот пробел.

²³³ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. Статья I. // Вестник Европы. 1867. Т. 3. 9/21 сентября. С. 75–140; Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. № 3, том III, отд. 1. С. 141–192; Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (часть 2) // Вестник Европы. 1867. Т. 4. 9\21 декабря. С. 1–29; Кретович И. Дон, Кавказ и Крым (Из путевых воспоминаний)//Вестник Европы. 1868. Кн. 4. 1/13 апреля. С. 698–717 и др.

²³⁴ Евграф Петрович Ковалевский (10 (21) декабря 1790 — 18 (30) марта 1867) — русский государственный деятель; горный инженер, директор Горного корпуса, с 1830 по 1836 г. — Томский губернатор и главный начальник Кольванских и Алтайских заводов, сенатор; с 1856 г. — попечитель Московского учебного округа, с 1856 г. — почетный член Академии наук. Активный участник университетских реформ. При нем было проведено в жизнь «Высочайшее дарование лицам, чувствующим призвание открывать частные учебные заведения» (1857). С 1858 по 1861 г. — первый министр народного просвещения, назначенный императором Александром II, и направление, данное Ковалевским своему ведомству, гармонизовало с великой эпохой реформ. Ковалевский выдвинул на первый план заботу о народных училищах, воскресных школах и т.п., но из-за непродолжительности своего управления успел сделать немного. С 1859 г. — Действительный тайный советник, с 1861 г. — член Государственного Совета, с 1862 г. — президент Вольного экономического общества. Автор работ: Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже // Горный журнал. 1827. Кн. 2; Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа // Там же, 1829, ч. 1, кн. 1–3; Проект цензурного устава 1859 г. и др.

Ковалевский Евграф Петрович,
гравюра, 1860-е гг.²³⁵

Работа Е.П. Ковалевского задумывалась как часть обширного труда «О народах, живших и ныне живущих в пределах России» и опиралась на значительную историографическую и источниковую базу. Необходимо отметить, что исследование носило во многом описательный, а не аналитический характер, при анализе тех или иных проблем мнение автора зачастую оставалось как бы «в стороне», он аргументировал то или иное положение мнениями, для Е.П. Ковалевского, авторитетными. Обращаясь к фрагментам истории черкесов, автор ставит под сомнение многие положения,

²³⁵ URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2076372

содержащиеся в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова²³⁶, аргументируя в числе прочего и тем, что «...трудно допустить, чтобы в устных преданиях народа могло сохраниться происшествие с такой подробностью и ясностью, в течение такого долгого времени (с IV до XIX столетия)»²³⁷. Исследование Ш.Б. Ногмова не случайно оказалось предметом пристального внимания со стороны Е.П. Ковалевского, так как будучи закончено около 1839 г., оно было опубликовано полностью только в 1861 г. Опубликованный на Кавказе, потом в Петербурге и Москве, этот труд был замечен прогрессивной русской общественностью.

Одной из базовых проблем для автора становится этнолингвистический анализ «новой» российской территории. Е.П. Ковалевский отмечает, что «прошло более 60 лет, как с владычеством русских на Кавказе началось их знакомство с его жителями, но этнографические о нем сведения недалеко подвинулись вперед»²³⁸. Исследователь «видел» препятствия в изучении региона не только «в неприязни части народов Кавказа к русским», но и в другой, не менее важной причине. «При знакомстве с жителями Кавказа, — делает вывод Е.П. Ковалевский, — нами не обращалось особенного внимания на существенный признак, отличающий народы между собой, именно на языки, которыми они говорят»²³⁹. Автор указывает, что попытки «расширить» историческое знание, предпринятые «академиками Гильденшtedтом и Палласом и иностранными путешественниками — Клапротом, Каленатано, Боденшtedтом и др., не могли привести к прочным результатам, потому что эти ученые ограничивались записыванием немецкими буквами, со слуха, некоторых слов; тогда как только элементарные формы и грамматический строй представляют существенное основание каждого языка и различие его от других»²⁴⁰.

²³⁶ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1994. 232 с.

²³⁷ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (часть 2) // Вестник Европы. 1867. Т. 4. 9\21 декабря. С. 21.

²³⁸ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.)... С. 95–96.

²³⁹ Там же. С. 96.

²⁴⁰ Там же.

По мнению Е.П. Ковалевского, эту научную задачу реализовала особая программа 1853 г. Российской академии наук под руководством Петра Карловича Услара²⁴¹. П.К. Услар стал одним из основоположников научного изучения кавказских (иберийско-кавказских) языков и автором грамматических очерков с текстами и словарями абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского, табасаранского (в рукописи) языков. В контексте этого свою научную задачу Е.П. Ковалевский видел в «изучении исторической географии Кавказа, на сколько-то необходимо будет нам для уяснения происхождения и исторической судьбы народов, населяющих регион»²⁴².

Значительное место в этнодемографической панораме Кавказа исследователь отводит черкесам. Знаковой проблемой для автора стало определение численности населения. Действительно, если племенная характеристика черкесов не вызывала затруднений, то наличие совершенно различных свидетельств численности черкесов требовало критического анализа данных. Ограничиваясь перечислением различных точек зрения Р.А. Фадеева, Ф.Ф. Торнау, Теофила Лапинского (Тафик-Бей), Е.П. Ковалевский делает вывод, что «приведенные разнообразные цифры подтверждают, как трудно достигнуть истинного определения населения такого народа, как черкесы»²⁴³. «Все обитатели Закубанского края говорят одним языком, изменяющимся только в наречиях, сходятся между собой образом жизни, нравами и обычаями, наружным видом, нравственными и духовными свойствами; почему, несомненно, — делает

²⁴¹ Петр Карлович Услар (20.8(1.9).1816 — 8(20).6.1875), барон, русский языковед, член-корреспондент Петербургской АН (1868). Окончил курс в Академии Генштаба. Один из основоположников научного изучения кавказских (иберийско-кавказских) языков. Автор грамматических очерков с текстами и словарями абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского, табасаранского (в рукописи) языков. Разработал метод дескриптивного анализа языка. Один из предшественников теории фонем. Развивал концепцию пассивности переходного глагола в языках эргативного строя. Предпринимал попытки создания письменностей и организации просвещения для бесписьменных народов Кавказа. Автор сочинения «Этнография Кавказа. Языкознание». Т. 1–6, Тифлис, 1887–1896.

²⁴² Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 99.

²⁴³ Там же. С. 101.

вывод исследователь, — составляют один народ, который называет себя вообще, по имени языка, «адыге», и у нас известен под названием «черкесов»²⁴⁴.

Анализируя различные исторические свидетельства Ш.Б. Ногмова, Е.П. Ковалевский подвергает критике некоторые его выводы, касательно научной трактовки этнонимов, считая научно необоснованными выводы об этнонимах «Анты» и «Джиги (Джиги)». Имеет смысл отметить, что тезис Ш.Б. Ногмова об антском происхождении адыгов был подвергнут критике уже в первой рецензии на «Историю адыгейского народа» А.Г. Кешева²⁴⁵. Трактовка этнонима «Джиги (Джиги)» потребовала экспертного заключения Института этнологии и антропологии Российской академии наук, согласно которому «этноним «Черкес» и топоним «Черкесия» как обозначения народа и его страны на Северо-Кавказе появляются в армянских, грузинских, арабских, персидских, тюркских и др. исторических источниках с XIII в., вытеснив предшествующую этнонимическую номенклатуру — керкеты, зихи, джиги, кашаги, касы, касоги, жаркасы и др... несмотря на определенные различия социального, культурного, языкового характера, с историко-этнографической точки зрения, это единый черкесский (адыгский) народ»²⁴⁶.

Представляет интерес антропологическое описание черкесов, данное автором: «выше среднего роста, крепко сложены и отличаются правильными и мужественными чертами лица, сквозь которые редко проглядывает свирепость»²⁴⁷. Е.П. Ковалевский, отмечая, что «между черкешенками встречаются настоящие красавицы», указывает, что «в низших же слоях черкесского общества, женщины, по свидетельству лиц, имевших возможность видеть их тысячами, при переселении в Турцию, не отличаются красотой, и в этом

²⁴⁴ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 101–102.

²⁴⁵ Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 144.

²⁴⁶ Заключение РАН об этнониме «Черкес» и топониме «Черкесия» Института этнологии и антропологии РАН об этнониме «Черкес» 25 мая 2011 года было подготовлено Заведующим отделом Кавказа ИЭА РАН, чл.-корр. РАН, доктором исторических наук, профессором С.А. Арутюновым.

²⁴⁷ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 102.

отношении уступают мужчинам»²⁴⁸. Оценивая социальный статус женщины в обществе — он замечает, что «в народе, у которого личная храбрость и физическая сила составляют все достоинство, женщина не может пользоваться своими правами и должна находиться в угнетении»²⁴⁹. «Нет ничего обиднее для черкеса, — заключает Е.П. Ковалевский, — как уподобить черкеса женщине. Сказать черкесу, что он достоин носить юбку, значит — нанести ему такое оскорбление, какое может быть искуплено только кровью»²⁵⁰.

Давая различные характеристики миру повседневности черкесов, исторических реалий окончания Кавказской войны, исследователь отмечает их «замкнутость и отчуждение», что представляло «неимоверные затруднения к ознакомлению с их домашней, социальной политической жизнью»²⁵¹. Вследствие этого различные суждения автора базируются исключительно на свидетельствах «лиц, которым, по особенным случаям, удалось ближе познакомиться с черкесами»²⁵².

Подводя итог историко-этнографического анализа, Е.П. Ковалевский, в соответствии с устоявшейся официальной историо-

²⁴⁸ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.).

²⁴⁹ Там же. С. 103.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Е.П. Ковалевский указывает авторов и сочинения, которые использовались при написании работы: «Первое место занимает барон Торнау, русский штаб-офицер, слишком два года бывший в плену у черкесов (1836–1838) и описавший свои приключения в замечательном сочинении: «Воспоминания кавказского офицера Т.»; оно напечатано в «Русском Вестнике» за 1864 год. Затем следуют: Теофил Лапинский, поляк, известный под именем Тафик-Бей, который прожил у черкесов три года и, по этому случаю, издал сочинение «Die Bergvolker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen», 1863 г.; английский турист Бель, проживший три года у горцев и издавший о них сочинение под заглавием «Bell's Journal of a Residence in Circassia during the year 1837, 1838, 1839»; Фридрих Боденштедт, живший между черкесами некоторое время и издавший сочинение под названием: «Die Volker des Kaukasus», 1847 г. (второе издание, дополненное, вышло в 1855 г.). Кроме того, я пользовался кавказскими периодическими изданиями и свидетельствами о быте черкесов от лиц, которым по служебному их положению, он сделался известен». См.: Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.)... С. 102.

графической традицией приходит к выводу о том, что черкесы и абхазы «...представляют в истории народов необыкновенное явление. Тогда как в других местах Европы и Азии и северной Африки народы перемешивались между собою, перекрещивались и как бы переваривались в горнилах, когда из этих горнил вытекали народы с обновленными силами физическими и духовными, когда они созидали государства, достигшие в Европе высшей степени социального и политического развития, которым суждено ныне располагать судьбами народов не только в старом, но и в новом свете, — в это время, черкесы и абхазы, за самыми малыми исключениями, оставались в одном и том же первобытном положении и не выходили из своей среды». Причину этого явления Е.П. Ковалевский видел в ставшем «модным» с «эпохи Просвещения» географическом детерминизме, который заключался «в особом топографическом положении страны, занимаемой этими народами с древнейших времен... и в особенных типических их свойствах. Их ограждали, с одной стороны, непроходимые ущелья, покрытые девственным лесом северо-западного Кавказского хребта, а с другой — море»²⁵³.

Важное место в работе Е.П. Ковалевский отводит и проблеме христианизации Северного Кавказа, указывая, «что прежде у них (черкесов — Т.Р.) было распространено христианство, это доказывают — предания, памятники и история»²⁵⁴. Размышляя об исторической памяти народов Кавказа, автор замечает, что у черкесов «существует смутное воспоминание о христианстве; до сих пор сохраняются у них некоторые обряды и праздники христианской церкви, которые они смешивают с обрядами ислама и язычества»²⁵⁵. Подтверждение факта ранней христианизации народов Северо-Западного Кавказа Е.П. Ковалевский видел в том, что «по морскому берегу и даже несколько вглубь гор, встречаются развалины церквей и остатки надгробных памятников с латинскими и греческими надписями. Памятники с латинским крестом и гербом Генуэзской республики попадают более в северной части побережья, а с греческими надписями и с изображением греческого креста находятся

²⁵³ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 28–29.

²⁵⁴ Там же. С. 110–111.

²⁵⁵ Там же. С. 111.

преимущественно в южной части Черкесии. Встречаемые здесь и особенно ближе к Абхазии, остатки христианских церквей носят на себе явственно тип византийского стиля».

Подтверждение ранней христианизации региона Е.П. Ковалевский находит «в византийской истории, из которой известно, что в XI веке по Р.Х. были посылаемы из Византии особые миссионеры для введения христианства в западном Кавказе»²⁵⁶. Однако автор ошибся на тысячу лет и первые семена христианства были занесены сюда еще в I веке. Согласно церковным преданиям, записанным византийскими авторами Оригеном и Евсевием Памфилом в III–IV вв. н.э.²⁵⁷, первые семена христианства были занесены сюда еще в I веке, благодаря апостольской деятельности святых Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях Кавказа. Отсюда христианство проникало и в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (черкесов). По церковному преданию, св. апостол Андрей в 40-м году нашей эры проповедовал христианское вероучение среди горских народов: алан, абазгов и зикхов²⁵⁸.

В то время как исламизация Северного Кавказа начинается с середины XV века, когда турецкие султаны, «заяв престол византийских императоров, распространили магометанскую веру между кавказскими народами, в том числе и между черкесами, и с того времени начали считать их своими подданными»²⁵⁹. Однако, замечает Е.П. Ковалевский, «черкесы, которых турецкий султан считал своими подданными, на деле никогда ему не повиновались. Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, духовным своим главой, но не платили никаких податей, не поставляли солдат и не допускали вмешиваться в их внутренние дела, терпя турок, занимавших несколько укрепленных мест,

²⁵⁶ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (часть 2) // Вестник Европы. 1867. Т. 4. 9\21 декабря. С. 115.

²⁵⁷ О пребывании апостола на Кавказе пишет и св. Дорофей (307–322), епископ Тирский.

²⁵⁸ URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/dok/dokukin.html Мерцбахер Г. К этнографии обитателей Кавказских Альп // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1905. Т. XVIII. № 2.

²⁵⁹ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 111.

по праву только единоверия. В случае посягательства на их свободу, они прибегали к оружию и выходили победителями»²⁶⁰.

Вызывает исследовательский интерес и оценка Е.П. Ковалевским характера и численности переселения горских народов Северного Кавказа в Османскую империю. Современники по-разному оценивали общее число черкесов, переселившихся в Турцию, отмечая при этом, что точные цифры получить невозможно (приводились оценки в 320, 500 и 900 тысяч человек)²⁶¹. В результате, «одна четверть черкесов решила переселиться на Кубань, а три четверти — в Османскую империю, при этом почти все шапсуги и убыхи уехали в Турцию, а абадзехи и бжедуги — более чем наполовину»²⁶². «К несчастью, — отмечает автор, — переезд черкесов в Турцию сопровождался болезнями и большой смертностью, за что наши недоброжелатели за границей не преминули обвинять русское правительство». Выражая сожаление гибнущим при попытке переезда в Турцию черкесам, одновременно Е.П. Ковалевский указывает, что «правительство платило деньги за переезд черкесов и снабжало неимущих всем необходимым для пути»²⁶³.

Однако сохранившиеся архивные данные свидетельствуют о немалой бюрократической волоките, возникшей при реализации перевозки черкесов и определении порядка оплаты за нее. Так, турецкое правительство высылало суда для перевозки переселенцев, «но они (черкесы — Т.Р.) теряли терпение в ожидании очереди и кидались на вольнонаемные греческие суда. На этих-то судах, тесных и неудобных, развивались болезни, и явилась большая смертность»²⁶⁴. Оправдывая действия правительства, автор отмечает, что в сложившихся условиях «русское правительство оказало им всевозможные пособия, снабжая нуждающихся пищей и одеждой,

²⁶⁰ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 111–112.

²⁶¹ См.: РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, ч. 15, л. 253–279.; Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX веков). М.: ИВ РАН, 2001.

²⁶² Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 114.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

и принимая больных в лазареты Константиновского укрепления»²⁶⁵. Между тем реальная ситуация с перевозкой черкесов в Турцию не выглядела столь позитивно и стала предметом острой дискуссии в штабе Кубанской области с начала 1863 г. Правительство видело целесообразность организации бесплатной перевозки черкесов и стремилось заключить «договор с Русским обществом пароходства и торговли... с уплатою фрахта на счет казны», аргументируя это тем обстоятельством, что «большинство непокорных увлеклось бы бесплатным перевозом и оставило бы Родину без борьбы с нами»²⁶⁶. Понижение платы за проезд с 4 рублей с человека или ее полная отмена, по мнению военных чиновников, не обременили бы «расходы казны, и с лихвою вознаградились бы ускорением окончания войны»²⁶⁷. 10 января 1863 г. специальным предписанием начальника штаба Кубанской области²⁶⁸ устанавливались правила бесплатной перевозки, однако уже в мае 1863 г. они были приостановлены «до разъяснения отношений России и Турции»²⁶⁹.

Отвергая обвинения русского правительства в жестокости вследствие изгнания черкесов из мест их Родины, Е.П. Ковалевский, в известном смысле оправдывая ее, указывает, что «в нравственном отношении, эта мера кажется жестокой, но при обсуждении ее нельзя терять из виду другой стороны — политической. С этой точки зрения, принятая мера была вызвана прискорбностью, но крайней необходимостью»²⁷⁰. Автор оправдывает действия правительства «цивилизаторской миссией» России, одновременно высказывая «самое искреннее желание, чтобы заселение благодатной страны последовало как можно успешнее, и чтобы притом не повторились грустные события, случавшиеся у нас в подобных делах»²⁷¹.

²⁶⁵ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.).

²⁶⁶ См.: Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 422, 477.

²⁶⁷ Там же. Л. 499–500.

²⁶⁸ См.: ГАКК. Ф. 325, оп. 1, д. 301, л. 37, 38 и об.

²⁶⁹ См.: ГАКК. Ф. 325, оп. 7, д. 301, л. 55.

²⁷⁰ Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 115.

²⁷¹ Там же.

Исследователь, указывая в качестве параллели политику «европейцев по отношению к туземцам, при поселении в Америке, и колонизацию англичан в Австралии», тем не менее, отмечает, что русское правительство предложило черкесам право выбора, в отличие от европейцев, — переселиться на Кубанскую плоскость, или, согласно желанию, отправиться в Турцию. От них зависело избрать последнее»²⁷². Подобная трактовка не отличалась особой оригинальностью и органично вписывалась в формирующуюся концепцию XIX века о прогрессивной цивилизаторской роли России в регионе. В заключение хотелось бы отметить значимость обращения автора к важнейшим сюжетам истории народов Северного Кавказа, не утратившим свое историографическое значение сегодня.

²⁷² Процесс инкорпорации Кавказа в состав Российской империи (Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.).

ЧЕРКЕСЫ (АДЫГИ): СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КАВКАЗСКИХ ГОР²⁷³

Процессы, происходящие в современном историческом кавказоведении, усиливают рефлексию научного сообщества по поводу традиционности исследовательской проблематики, однотипности привлекаемых источников, методов и приемов их анализа. Все более осознается необходимость перемещения внимания в сферу новационных направлений исторического знания. В известном смысле новой исследовательской территорией исторической науки становится историческая антропология, позволяющая уяснить своеобразие конструкций, в которые народы «облекают свой ежедневный жизненный опыт», тех формул, с помощью которых они пытаются объяснить, что с ними происходит²⁷⁴.

В этом смысле символы, как условные знаки явлений и понятий, представляют древнейшую, концентрированную форму выражения культурных ценностей, конкретное воплощение идей и представлений, которыми жили и, в определенной степени, продолжают жить люди. В российской историографии сложился значимый опыт обращения к истории и теории символов²⁷⁵. Однако, насколько известно, целостный анализ адыгской символики как знаковой системы не проводился, несмотря на то, что именно символы,

²⁷³ *Tleptsok R., Sheudzhen E.* The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication.* Cambridge Scholars Publishing. 2017. Volume 1. Pp. 189–200. Перевод на русский язык.

²⁷⁴ *Герц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 22.

²⁷⁵ *Арутюнова Н.Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res philologica.* Филологические исследования. М.; Л., 1990; *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992; *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993 и др.

учитывая отсутствие фактически до XX века письменности, в знаковой форме отражали восприятие окружающего мира и самоощущение народов.

Общим символическим знаком для народов региона стали Кавказские горы. По мнению Фрэнсис Йейтс, известной английской исследовательницы историко-культурных процессов, в традиции народов происходит заслуживающая внимания аранжировка мест и образов. Места, оставившие глубокую печать в душе людей, приобретали устойчивый знаковый смысл²⁷⁶. Закрепление в исторической памяти такого географического понятия, как «Кавказ», стало своеобразным «местом памяти», до настоящего времени, объединяющим различные этносы региона («горцы Кавказа», «кавказцы», «горцы»).

Кавказские горы играли священную роль, окутывая все вокруг величием и таинственностью. Древнее знакомство с Кавказом породило множество легендарных и космогонических фантазий в представлениях древних людей. Зримо ощутимые, остающиеся недоступными, в то же время со страстной силой манящие к себе вершины Кавказа казались воображению народов «престолами» грозных божеств, откуда небесные силы посылали свои карающие молнии, живительный свет и тепло солнечных лучей²⁷⁷.

Об особом сакральном отношении к горам свидетельствуют названия, закрепившиеся в адыгских преданиях: «гора блаженных», «трон Властителя Вселенной и царя духов»²⁷⁸. Благодаря бытующим сказаниям в сознании народа сформировался романтизированный образ горных снежных вершин, «упирающихся в небо»: снежные бури, льды, не тающие снега «покрывают как будто саваном скалы и поляны»²⁷⁹. При солнечном свете «гора гор» Эльбрус загорается розовым отливом, а «с замиранием дня меркнет фиолетовым оттенком, сливаясь с лазурью вечного неба»²⁸⁰. Подобные образы —

²⁷⁶ *Йейтс Ф.* Указ соч. С. 2–26.

²⁷⁷ Живописная Россия. Т. IX. Кавказ. СПб, М., 1883. С. II.

²⁷⁸ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 101.

²⁷⁹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 12. С. 38.

²⁸⁰ Там же. С. 40.

не плод воображения романтизированных поэтов, а восприятие таинственной красоты и величия «мира Кавказа», находившее отражение в массовом сознании народа.

На горе решались вопросы жизни и смерти, проводились состязания в силе, ловкости, красноречии. Именно здесь обитали мифические герои. Об этом свидетельствует родство сюжетных линий адыгского эпоса с древнегреческой мифологией. Ярким примером в этом плане служат образы Прометея из греческой мифологии и Насренжаке из нартского эпоса. Миф о Прометее широко известен. Подобный сюжет вошел в нартское сказание «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы» за аналогичное деяние — возвращение нартам похищенного огня.

*«Понесешь сегодня кару, непокорный, —
На вершине горной закую тебя.
На горе высокой будешь одиноко
Жить до самой смерти пленником моим»²⁸¹.*

В этом смысле величие гор воспринималось как знак устойчивости мира, общности исторического прошлого, запечатленного в устной традиции. Хан-Гирей, один из первых адыгских историков, размышляя о трудностях реконструкции древней истории, поставил вопрос о возможности принятия, как научной гипотезы, мнения о связи древних преданий адыгов с «баснословными событиями классической земли», героическими временами Греции²⁸².

Знаковой доминантой этой территории воспринимались Кавказские горы, как отмечал Страбон, «самые отдаленные» из известных в то время людям²⁸³, «выдвинувшиеся громадной стеной от одного моря до другого»²⁸⁴. Народам, обитавшим на огромных просторах евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить. С античных времен существовало представление о Кавказе, как едином пространстве — таинственной

²⁸¹ Нарты. М., 1951. С. 283.

²⁸² Хан-Гирей. Черкесские предания // Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 54–55.

²⁸³ Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д., 1990. С. 192.

²⁸⁴ Там же. С. 24.

«Стране гор», занимающей громадную площадь и вмещающей многие «царства и народы». «Много разных племен обитает на Кавказе» — писал еще в V веке до нашей эры Геродот²⁸⁵.

С Кавказскими горами связаны наиболее ранние представления об особенностях организации географического пространства. Горы воспринимались как основной, уже закрепившийся в сознании «центр» при описании территории обитания народов или направлений миграций: «народ у Кавказа», «у подножия Кавказа», «граничит с Кавказским хребтом», «области к северу от Кавказа», «Кавказские горы справа», «слева от Кавказа»²⁸⁶. Кавказ представлял собой громадную естественную преграду на пути бесконечных миграций племен из Азии в Европу, с востока на запад, с юга на север.

Антропологический подход, при всей широте применимости к различному кругу проблем истории, в первую очередь ориентирован на изучение антропологического типа изучаемых народов, их расовой принадлежности. В XIX веке широкую известность получили работы немецкого антрополога Иоганна Фридриха Блюмбаха по сравнительной анатомии и естественной истории человека. На основе краниометрических исследований он разделил человеческие разновидности на пять рас, первой назвав Кавказскую, белую расу. Имеет смысл отметить, что с середины XIX века антропологи самых различных стран, исследуя проблемы научной антропологической классификации, оперируют понятиями «кавказская раса» или «кавказцы»²⁸⁷. При этом, черкесы и грузины, как архаичные носители базовых признаков, привлекали особое внимание исследователей, более того вошли в систему философских размышлений. Так, Георг Гегель, обращаясь к проблеме антропогенеза, утверждал, что «прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе»²⁸⁸.

Это извлечение часто приводится в исследованиях по истории кавказских народов и трактуется как признание их особой значи-

²⁸⁵ Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / сост.: В.Ф. Петракова, В.В. Чернаус. Ростов н/Д, 1990. С. 20.

²⁸⁶ Там же. С. 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 27, 88.

²⁸⁷ Антропологический тип, исторически сложившийся комплекс наследственно устойчивых признаков физического строения, который характеризует группы людей на определенной территории.

²⁸⁸ Гегель. Философия духа. М., 1956. С. 71–73.

мости. При этом не учитывается, что попытки ученых, пытавшихся доказать, что физические характеристики (цвет кожи, черепной профиль и т.п.), коррелированы с определенными умственными способностями, не нашли в дальнейшем научного подтверждения. Несмотря на эти экстравагантные, а зачастую и опасные идеи, в современной антропологии в зависимости от принципов классификации и наличия соответствующих данных существует значительное число вариантов расовой классификации народов, закрепивших представление о народах Кавказа.

В связи с постановкой данной проблемы имеет смысл отметить, что даже в XIX веке не только на бытовом уровне, но даже в официальных документах все местные народы Северо-Западного Кавказа назывались «черкесами»²⁸⁹. В связи с этим М.Я. Ольшевский задает вопрос, сохраняющий и сегодня свое значение. «Отчего же мы, русские, все население Кавказского хребта принимали за один народ?»²⁹⁰.

Антропологический тип, физические качества черкесов вызвали неизменный интерес у путешественников, этнографов, антропологов. В наиболее обобщенном виде отношение к данному вопросу нашло отражение в работе известного немецкого философа и антрополога Иоганна Готфрида Гердера. В частности, его внимание привлекли области, где живут «изящно сложенные народы»: «Здесь — Черкесия, родина красоты»²⁹¹. Более того, он был убежден, что черкешенки «облагородили кровь» народов, расположенных «под боком у прекрасно сложенных» черкесов, благодаря этому «постепенно образовался такой тип, который соединяет в себе достоинство и красоту»²⁹². Почти во всех работах описывался антропологический тип черкесов: красивого народа, с тонкими чертами лица, выразительными умными глазами, стройными, подвижными и сильными фигурами.

В дошедших до нас исторических источниках сохранились многочисленные описания внешности черкесов, сделанные в разное время людьми, принадлежавших к разным народам и культурам. Так, швейцарский путешественник, археолог и историк Фредерик

²⁸⁹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 2003. С. 152.

²⁹⁰ Там же. С. 478.

²⁹¹ Гердер И. Идеи к философии человечества. М., 1971. С. 150.

²⁹² Там же.

Дюбуа де Монпере (30-е гг. XIX в.), впадая чуть ли не в религиозный экстаз, писал: «Если бы я, с большей смелостью мог судить о путях провидения, я подумал бы, что его намерением было воссоздать, обновить другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской нацией. Но не нам измерить всю глубину высшего разума»²⁹³.

Одно из наиболее пространных антропологических описаний черкесов сохранилось в записях Эдмунда Спенсера, совершившего два путешествия в Черкесию (30-е гг. XIX в.), в ходе которых он побывал во многих районах Натухая, Шапсугии, Убыхии, Абадзехии, Темиргоя. Под влиянием достижений современной ему сравнительной анатомии, он отмечает, что черкесы «имели честь» дать свое название (кавказская раса) всему населению Европы (за исключением финов и лапландцев). «...И, действительно, рассматривая жителей Кавказа, мы должны признать превосходство их внешнего облика над огромной массой европейцев, мы вынуждены прийти к убеждению, что мы их потомки, происшедшие от одного рода...»²⁹⁴.

Описывая внешний облик черкесов, он отмечал, что «красота черт и симметрия фигуры, которыми отличен этот народ — не фантазия; некоторые из прекраснейших статуй древности не являют в своих пропорциях большего совершенства». «Общий контур лица натухайца²⁹⁵ совершенно классический, представляющий в профиль ту изысканно мягко выющуюся линию, считаемую знатоками идеалом красоты. Их большие темные глаза, обычно темно-голубые, прикрытые длинными ресницами, были бы прекраснейшими из всех, которые я когда-либо видел, если бы не выражение дикой жестокости, которое сильно поразило меня, когда я впервые прибыл в Черкесию...»²⁹⁶.

Для европейцев знакомство с адыгским обществом во многом стало откровением: фактически был открыт новый мир. Вызывала

²⁹³ Монпере Ф.Д. де. Путешествие вокруг Кавказа // Труды Института абхазской культуры. Сухум, 1937. Вып. VI. С. 48.

²⁹⁴ Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 120.

²⁹⁵ По его утверждению, «народа, считаемого самым красивым из всех черкесских племен».

²⁹⁶ Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 35, 66.

восхищение не только сказочно прекрасная природа, но и органичная жизнь народа в этой самобытной среде. Вне всякого сомнения, этот вопрос, при научном подходе к его решению, может стать важнейшим импульсом для эпистомологического прорыва в кавказоведении. В частности, Клиффорд Гирц обращает внимание на фундаментальные открытия, сделанные в XX столетии в эволюционной антропологии и еще не вполне осмысленные до сих пор. Он подчеркивает, что необходимо отказаться «от взгляда на характер отношений между физической эволюцией и культурным развитием как на последовательный процесс» и признать этот процесс «совмещением или взаимодействием»²⁹⁷.

Получение новой фактографической информации о генофонде населения Кавказа, обобщение накопленных данных, комплексный анализ генофонда народов Кавказа как сложной популяционной системы, способно расширить существующие знания и привести к принципиально значимой корректировке сложившихся в исторической науке представлений о происхождении народов, их генетическом сходстве и различии, о направленности древних миграционных потоков. Более того, генетическое изучение народов Северо-Западного Кавказа позволяет выявить исторические пласты взаимосвязи генофондов Кавказа, Европы и Юго-Западной Азии.

С Кавказскими горами органично связана проблема этногенеза. Принято считать, что месторазвитием народов становились территории, взаимодействия двух или более ландшафтов. Северный Кавказа — один из таких районов мира: почти на всей его территории сочетаются степь, лесостепь, лесные холмистые предгорья, обширные горные долины и нагорные плато, субальпийские и альпийские луга, скалистые горы, покрытые снегом и ледниками. В отношении благоприятных условий для поселений местность делилась на горную, среднюю и низовую. При этом в горах веками складывалась традиционная «горная жизнь»²⁹⁸.

Северный Кавказ относится к относительно богатой горной территории, исторически освоенной благодаря естественным ресурсам

²⁹⁷ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004 // URL: gumer.info>bibliotek_Buks/Culture/girc/16.php Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.

²⁹⁸ Стеблицкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Кавказский календарь. 1867.

(вода, почва, растения, животные и другие компоненты природы). Накопленный адыгами опыт представлял уникальную модель освоения жизненного пространства. В рамках единого хозяйственного комплекса они веками осваивали не только значительные лесостепные и степные территории, но и долины, предгорья, леса, высокогорные луга.

Несмотря на то, что в традиционной системе хозяйства земледелие занимало важное место, черкесы весьма рационально использовали естественные пастбища в различных высотных поясах, что позволяло успешно решать продовольственную проблему, противостоять таким явлениям, как природные бедствия, засухи, эпидемии, ставившие жизнь людей на грань жизни и смерти. Более того, несмотря на то, что из века в век многочисленные завоеватели опустошали эту территорию, подрывая земледельческую культуру местных жителей, народы вновь и вновь не только восстанавливали, но и совершенствовали хозяйственный опыт.

Природа разделила Кавказ на три характеристичные части: на Предкавказье, на Кавказ и Закавказье. Именно в этом «разделенном» территориальном пространстве формировалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения благодатной суровой земли. Конечно, особенности природных условий, различного рода «угрожающие» явления с древнейших времен оказывали определяющее влияние на ход исторической жизни народов. Жизнь в горной местности более опасна и трудна, чем на равнинах, в основном жители могут рассчитывать на внутренние ресурсы и помощь сородичей. Более того, благодаря природной перспективе горцы «смотрят на мир сверху вниз»²⁹⁹.

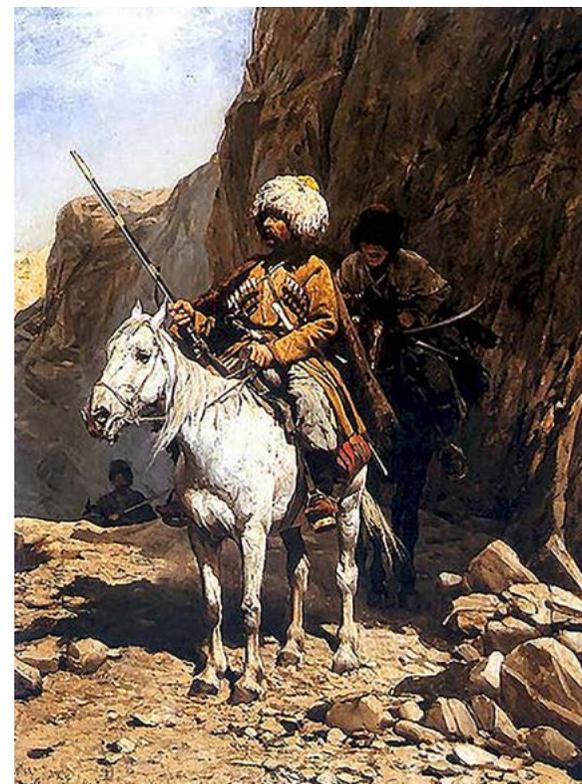
Территория, освоенная черкесами, несмотря на свою «гористость», на обозримом временном пространстве не была отделена от мира. Причем не только благодаря географическому положению, но и мобильности мужской части населения, всегда готовой к многотрудным, продолжительным походам за пределы «своей» земли. Как свидетельствует адыгский героический эпос, уже нарты стремились «раздвинуть» границы видения мира, совершая походы с единственной целью — дойти до неизведанных земель.

²⁹⁹ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009. С. 336.

Кавказские горы формировали не только среду обитания, но и оказывали влияние на внешний вид черкесов, одежду, способность преодолевать горные территории. Так известно, что в горах происходит резкая смена температур, что предопределило функциональную значимость бурки, которую некоторые европейцы называли «лохматый плащ». Бурка была незаменимой в военнополоходных условиях — исключительно теплая и непромокаемая, она позволяла ночевать даже в снегу, а будучи наброшенной на нижние ветви дерева или вбитые в землю колья, легко превращалась в палатку.

Не менее типологичной была знаменитая черкесская обувь: изготовленная вручную, плотнооблегающая ногу, не имеющая жесткой подошвы, позволяющая бесшумно ходить и успешно преодолевать самые непроходимые горные перевалы. Особенности горного ландшафта оказали влияние и на цветовую гамму черкесского костюма. В традиционном комплексе черкесского мужского национального костюма все ткани — однотонные и очень редко использовалось одновременно более трех цветов. Черкесы не терпели в одежде ничего яркого, пестрого, вычурного. Более того, тона походной одежды серо-коричневые, необыкновенно органично сливались с горным пейзажем. Веками сложившаяся одежда была не только функциональной, но и являлась предметом гордости: умение носить черкесскую одежду подразумевало способность достойно держать себя, имея в виду поведенческий аспект. Сам факт пристрастия к черкесской одежде не только офицеров и казаков говорит о ее рациональности применительно к условиям военных действий на Кавказе.

В годы Кавказской войны проявилось типичное для горских народов явление: непоколебимая уверенность в спасительной силе родных гор, способных стать надежной преградой на пути любого захватчика. Во многом это настроение характерно и для других народов горных регионов — теория рефугиума (*refugium*), убежища. Вся история горцев Кавказа свидетельствует о том, что народы не столько «переживали» неблагоприятные периоды истории, находя «убежище» в горах, сколько стремились жить именно в этом пространстве земли, «выработав» в процессе исторического развития в сложных природно-географических условиях своеобразные формы хозяйственного быта, социального строя, общественных отношений и культуры.

Черкесская разведка

(Художник А. Ковальский-Веруш.

Картина создана около 1885 г., находится в частном собрании)³⁰⁰

Горький опыт Кавказской войны, учитывая технические возможности противника, показал условность подобных представлений. Все более остро ощущалось несоответствие спокойствию долин и таинственной тишине гор массивов артиллерийских обстрелов, «так быстро и страшно прервавших это спокойствие»³⁰¹. При этом, нельзя не отметить, что горы воспринимались русскими, привыкшими к бескрайним степным просторам, как территория

³⁰⁰ URL: https://www.liveinternet.ru/users/ada_peters/post337059983/

³⁰¹ Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 72.

враждебной цивилизации, внушавшая панический страх. Даже мелодичный концерт соловьев, дополняемый лягушками и шакалами, чье кваканье и вой беспрестанно неслись из леса и раздавались отовсюду, становясь угрожающе громкими, вызывали опасение страшного нападения³⁰².

Если в первые годы многие офицеры «мечтали» о командировке на Кавказ, как о способе избавиться от надоевшей бесцветной жизни, «подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме петербургских, местности и, в особенности, ознакомиться с настоящей военной службой»³⁰³, то очень скоро пришло осознание, что реалии войны далеки от романтических представлений: Кавказ «другой мир, область ужасов»³⁰⁴, «край забвений»³⁰⁵, куда попадали в приказном порядке, а иногда и в наказание.

Время от времени посылались войска, которые «в малознакомой и труднопроходимой стране» не добивались каких-либо существенных результатов. Более того, эти «посредственные усилия» ничуть не пугали людей, которые считают себя непобедимыми в своих горах»³⁰⁶. Десятилетиями массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания. Прежде всего, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, представлениями о мужском долге, презрении к смерти и уверенности, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг останется в памяти потомков.

Серьезного внимания требует динамичное состояние понятийно-категориального аппарата, кодирующего изменения в истории народов Северного Кавказа и массовом сознании российского общества. В частности, даже такие, казалось бы, нейтральные

³⁰² Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 56.

³⁰³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 191.

³⁰⁴ Басин Е. Другое письмо из Грузии в Тотьму. Марта 19-го дня, 1805 года, Анаур / Вестник Европы. 1805. Ч. 22. Июль № 15. С. 66–70 // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / сост.: Р.А. Тлепцок, ред. Э.А. Шеуджен. М., 2010. С. 33.

³⁰⁵ Экштут С. Алексей Ермолов / С. Экштут // Родина, 1994. № 3–4. С. 33.

³⁰⁶ Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Нальчик, 2002. С. 22.

дефиниции, как «горец», «кавказец», по-разному интерпретировались в прошлом и используются современными авторами. Еще более сложно определиться с содержанием понятий, перегруженных коннотациями: «дикие народы», «отсталые народы», «хищники» и т.п.³⁰⁷. В работах XIX века, заложивших основы российского кавказоведения, часто используются термин «хищничество» и его производные. «Кавказские горцы, — писал Н.Я. Данилевский, российский историк, один из европейски образованных людей XIX века, — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставить своих соседей в покое»³⁰⁸.

В этом заключении есть несколько ключевых моментов. Во-первых, исторические истоки этого «обыкновения»: стремления нарушить границы, напасть на соседей, «огрбить их земли, похитить их стада и увести в рабство всех, кто попадет в их руки»³⁰⁹. Многие народы по разным причинам переживали время активных войн и экспансий. При этом есть народы, у которых воинственность становится неотъемлемой частью образа жизни, более того, культуры. К таким народам могут быть отнесены черкесы, жившие в суровых условиях, с юных лет постоянно тренировавшиеся, отличавшиеся храбростью в бою, физической силой, пониженным болевым порогом.

Более того, они признавали военное искусство благородным, заслуживающим уважения делом. Тем не менее, если историки уже многие века восхищаются мужеством таких воинственных народов, как спартанцы или викинги, то применительно к черкесам подобные особенности упорно продолжают рассматриваться как признак особого «хищничества». Именно на фоне подобных «заключений» утверждалась унижающая достоинство народов терминология.

Конечно, состояние «рыхлости» понятийных оснований не является чем-то необычным. Как правило, это явление проявляется

³⁰⁷ Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2006. № 5. С. 16–27; Тлепцок Р.А. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 75–82.

³⁰⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 31.

³⁰⁹ Мариньи Т. Путешествие по Черкесии. Нальчик, 2002. С. 21.

на начальных стадиях разработки новых исследовательских направлений, когда еще не сложились достаточно четкие представления о предмете и проблемных границах изучаемого объекта, что неизбежно проявляется в динамичном состоянии введенных в научный оборот терминов и понятий. Однако, сегодня используя в авторском тексте подобную терминологию (мы не имеем ввиду цитирование извлечений), по-видимому, надо брать на себя труд их «вписания» в контрентный историко-ментальный, а нередко и политико-идеологический контекст.

Все более явственно осознается необходимость научной трактовки сущности закрепившейся в историографии терминологии. Становится ясно, что для решения этих задач требуется создание логически завершенной научной концепции, совершенствование методологии исследования, целостного понимания перспектив развития не только профессиональной историографии, но и массового исторического сознания народов России. По-видимому, некоторым историкам нужно более глубокое понимание, что понятийно-терминологический аппарат не эпитафия на забытых могилах, а развивающееся явление, заслуживающее соотнесения во времени и пространстве.

Нельзя исключать и того, что современный историк описываемых событий, по сравнению с современниками, находится в более выгодном положении: он знает, что произошло «потом», имеет возможность дать более осознанную интерпретацию. В этом смысле он способен выделить компоненты, действительно имевшие место в прошлом или по разным соображениям «приписываемые» изучаемым явлениям, приобретающим травматический характер.

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТВЕТ³¹⁰

«Бои за историю», к счастью, приобретающие характер научной дискуссии, всегда были, есть и будут частью историографического процесса. Вне всякого сомнения, практика проведения круглых столов Южным федеральным университетом и Черноморско-Каспийским Центром стратегических инициатив способна углубить понимание «острых» вопросов истории народов Северного Кавказа. Все больше историков, обращаясь к болезненным проблемам исторического прошлого, задаются вопросом: каковы границы репрезентации болезненных событий прошлого, должны ли они становиться достоянием исторической памяти потомков? Конечно, миссия историка состоит в том, чтобы добраться до истины, но недостаточно образно описать прошлое через его репрезентацию, важно понять, как было прошлое пережито и насколько пережитое является той «исторической истиной, которую им следует стремиться восстановить»³¹¹.

Прежде чем изложить свою точку зрения по обсуждаемой проблеме хотелось бы сказать о складывании и развитии понятийного инструментария историка. Важнейшим показателем развития научного знания является состояние понятийного аппарата. Понятия возникают как результат мыслительной деятельности, направленной на обобщение представлений о предметах или явлениях, для которых характерны определенные общие признаки. Как известно, теоретические подходы к осмыслению этой проблемы формирования понятий были сформулированы и, в общем, разрешены еще Генрихом Риккертом³¹². Проведя фундаментальное

³¹⁰ Тлепцок Р.А., Шеуджен Э.А. «Черкесский вопрос» и историографический ответ // Черкесский вопрос в России в конце XX — начале XXI веков. Ростов-на-Дону, 2013. С. 113–122.

³¹¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 184.

³¹² Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997. С. 223.

исследование проблемы образования понятий в науках, он приходит к выводу, что именно история способна ответить на ряд вопросов, связанных с пониманием природы образования понятий. Именно ему принадлежат идеи, связанные с пониманием определенности и обязательности понятий, процесса их образования, логической связи, особенностей развития. Предметом истории понятий считается процесс формирования понятийного аппарата как кратчайшего пути к постижению истории.

Основываясь на этом послыле, хотелось бы обозначить проблему, связанную со смыслом и объемом понятия «черкесский вопрос». В данной стилистике важно понять, кто задает вопрос и кому он адресован. Что стало посылком возникновения этого вопроса? Что можно отнести к объективным условиям его постановки сегодня: кризисное состояние северокавказского общества, неудовлетворенность существующим административно-территориальным устройством, реальную потребность в создании мононациональных территориальных образований, или данный вопрос искусственно ставится северокавказской элитой и диаспорами. Одно ясно — импульсом, стимулирующим его появление, стали несколько исторически значимых событий.

Во-первых, Кавказская война, оставшаяся в памяти народов Северного Кавказа, как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом если память о выселении народов и даже война в Чечне входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех народов Северного Кавказа. Кавказская война при всей своей продолжительности, серьезных материальных затратах, жертвах, как со стороны народов Северного Кавказа, так и со стороны России, не только повысила уровень самосознания адыгов, как единой этнической общности, но и ввела и закрепила в российском и европейском сознании понятие «черкес» в контексте сопротивления колонизации, оставшись на длительное время в историческом сознании народа.

Вне всякого сомнения, мы являемся свидетелями этнической революции в историографии. Как правило, побудительным мотивом для развития историографии становится «всплеск» национального самосознания. Однако такой, казалось бы, позитивный импульс дает далеко не всегда адекватные результаты. Сегодня, когда многое в истории пересматривается во имя «объективности»,

приходит понимание того, как непросто бывает историкам абстрагироваться от идеологии, затрагивающей насущные национальные интересы, сохранить объективность. При этом нельзя не учитывать, что существующие в обществе представления об историческом прошлом, понимание его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможному влиянию на будущее, превращаются в ценностные ориентиры, во многом определяющие поступки и действия людей, оказывая выраженное влияние на характер и методы решения современных общественных проблем.

Во-вторых, одной из «болевых точек» стало осуществленное в советское время национально-государственное обустройство Северного Кавказа. Несомненно, с революционными событиями 1917 г. в России связан важный этап в истории народов региона. Это было время глобальных планов, динамично менявших «лицо» страны, в том числе, так называемых, «национальных окраин», революционного «нетерпения», проб и ошибок. Первостепенное значение приобретало национально-государственное строительство. Проблема решалась в несколько этапов, при этом далеко не всегда удавалось найти оптимальный вариант, учитывающий общие принципы государственного строительства и инициативу «снизу».

Решение вопроса о самоопределении народов Северного Кавказа осложнялось малочисленностью отдельных народов, чрезвычайной этнической разнородностью, препятствовавшей образованию мононациональных объединений. В результате административных преобразований черкесы, не получившие единую автономию, в итоге расселились в нескольких субъектах Федерации. В трех из них адыги являются «титულными» народами: Адыгея (адыгейцы), Кабардино-Балкария (кабардинцы, в качестве этнического большинства) и Карачаево-Черкесия (черкесы, в качестве этнического меньшинства). Исходя из исторических условий их развития, автономии создавались с учетом компактного расселения основных этнических групп населения. В результате в регионе возникли двойного порядка автономные образования: одни более или менее национально монолитны, другие — многонациональны. Однако в ходе государственного строительства в полной мере не удалось учесть этнические (культурные и языковые) особенности народов, что стало катализатором проблем в будущем.

Переживаемый период перестройки и модернизации российского общества не мог не отразиться на его национально-

государственной структуре. Восторженно принятый обществом «парад суверенитетов», воспринятый как расширение прав национальных образований в рамках демократизации политической жизни, очень скоро обнаружил сложные проблемы (политические, экономические, социальные, этнические), связанные с полученным статусом и правами республик в системе новых социальных моделей. Достигнутые, а чаще недостигнутые, за последние десятилетия результаты вступили в явное противоречие с завышенными ожиданиями и, как следствие, стали порождать общественную апатию, преодолеть которую возможно лишь при условии серьезных изменений всех сторон современной жизни. Выход из этой ситуации определенные круги, как в стране, так и за рубежом, видят в кардинальном преобразовании национально-государственной структуры региона — создании единого «черкесского образования», что в принципе, представляется малореальной идеей, так как в результате миграционных процессов и официальной политики государства изменилась этническая структура регионов.

Последнее десятилетие в политическом лексиконе России широко используются такие понятия, как «титовская нация», «титовские этносы», «государствообразующая нация», «коренные народы», «пришлые народы» и т.п. В российском обществе настойчиво утверждается мнение, что в республиках Северного Кавказа сложилась своеобразная социальная ситуация, направленная на вытеснение русского населения с занимаемых ранее позиций в политическом, экономическом и культурном пространстве. Одним из вариантов усложнения системы можно считать включение русских в структуру этнически неоднородного северокавказского общества. Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на реальные и привнесенные обстоятельства, русские занимают важное место в этнической структуре северокавказского общества, они играли и продолжают играть важную роль в политической, экономической и культурной жизни республик. Еще более выражена роль русского этноса в Республике Адыгея, где русские составляют подавляющее большинство населения. Хотелось бы отметить, что как бы ни довлела над сознанием нерусских народов формула, давно потерявшая реальный смысл («Россия — тюрьма народов»), исторический опыт свидетельствует о том, что на всем протяжении своей истории Россия считала общегосударственные интересы более значимыми, чем узкорусские.

Решение этих вопросов в значительной степени связано и с позицией казачества Дона, Кубани, Терека. Перемещение казачьей проблемы из научной в политическую сферу заметно усложняет ситуацию в северокавказском регионе, усиливая неустойчивость сложившейся сложной этнической структуры. Об этом наглядно свидетельствуют решения казачьих съездов, сходов и тому подобных собраний. В таких условиях очень важно не нагнетать страсти, трезво оценивать исторически сложившиеся реалии. Необходимо, наконец-то, определиться с приоритетами, что наиболее важно — укрепление российской государственности или объявление казаков «хозяевами» Дона, Кубани, Терека, создание особых казачьих территорий («казачьих автономий») с особыми казачьими войсками, введение, так называемой, казачьей полиции. Явственно проявляющаяся политизация этой проблемы не только крайне опасна в полиэтничном северокавказском регионе, но и ведет к разобщению русского этноса по принципу «казаки — не казаки». И что особенно трагично передел земли и частной собственности, места традиционного проживания неизбежно приведет к вооруженным конфликтам, что не раз случалось в истории.

Ответ на, так называемый, «черкесский вопрос» лежит не только в сфере реализации реальной политики, но и в том, что непосредственно зависит от «взглядов» и позиции научного сообщества. Современным историкам историческое прошлое представляется как особый, весьма изменчивый объект изучения. Буквально на глазах изменяются концептуальные, предметные, ценностные позиции; методология научного исследования; корпус исторических документов, вводимых в научный оборот; социальная значимость истории и, в конце концов, сам историк. В связи с намеченным ракурсом проблемы особый смысл приобретает вопрос, поставленный Ф. Анкерсмитом: «Что должно случиться, или уже случилось с какой-нибудь нацией или с каким-нибудь сообществом, чтобы их захватила проблема собственного прошлого?»³¹³. Не таким ли событием в истории народов Северного Кавказа является Кавказская война?

³¹³ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 14.

Российский император Александр II и делегаты черкесского Меджлиса Кубзеш Меретуков, Тугуз Хакуринов, Бух Читао, Ильяс Куашев в лагере Нижне-Фарсовского отряда. Урочище Мамрюк-Огой 16 сентября 1861 г.
С картины Т. Горшельта³¹⁴

Как это ни парадоксально выглядит, в историографии закрепились достаточно выраженное разделение на «сферы влияния» — уделом «национальных» («периферийных») историков стали проблемы в четко очерченных административно-политических границах отдельных республик, областей, в лучшем случае, регионов. При этом далеко не всегда учитывается значимость местной истории, то, что она более востребована, «укоренена» в коллективном сознании. В таком подходе заложена логика недооценки этнической истории, позволяющей концентрировать внимание на истории отдельных этносов: фактически происходит их нивелировка в рамках административно-политических образований. Именно поэтому так и не удалось создать обобщающих трудов по этниче-

³¹⁴ URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2d/Приём_императором_Александром_II_депутаций_черкесских_в_лагере_Абадзехского_отряда_в_1861_году._С_картины_Т._Горшельта.jpg

ской истории адыгов, объединив единой исследовательской линией адыгов, проживающих в различных республиках Северного Кавказа и многочисленных диаспорах в разных странах мира.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что, казалось бы, естественный процесс переосмысления и обновления исторических знаний приобретает выраженный «революционный» характер ломки и отказа от историографических традиций. В результате происходит концентрация исследовательского внимания не на научных результатах, а на противопоставлении и даже отчуждении значимых пластов накопленной исторической информации. Естественно, что в ситуации, с одной стороны, безудержной критики всего, что было сделано на протяжении творческой жизни двух-трех поколений советских историков, а с другой — почти культового преклонения перед работами зарубежных или эмигрантских исследователей трудно объективно говорить о позитивном влиянии исторической науки на массовое сознание. Как часто бывает («нет пророков в своем отечестве»), на веру, с почти культовым преклонением принимается все написанное эмигрантами или их потомками, давно порвавшими живые связи с Родиной, ее историей и культурой. Создается впечатление, что утверждения Р. Трахо или А. Намитока более достойны доверия, чем мнение историков, годами работавших с архивными документами, а нередко бывшими и свидетелями происходивших процессов.

К сожалению, продолжает усиливаться изоляция исторического знания на «местном уровне»: лишь незначительное число исследований, проводимых в Адыгее, попадает «под контроль» коллег, становясь предметом научного и общественного внимания. Вполне естественно, что при таком положении принципиально значимые выводы, как и ошибочные суждения, остаются вне научной критики, что оказывает негативное влияние не только на историческое знание, но и «засоряет» различного рода измышлениями коллективную память. Хорошо известно, что только в ходе сложных и затяжных «боев за историю», бесконечных научных споров, восторженного поклонения и горьких разочарований утверждаются исследовательские традиции, научные школы и направления в историческом знании.

Важно обратить внимание еще на одно обстоятельство: «сужение» каналов распространения исторической информации о народах России. Когда в советских школах и вузах изучалась

история страны, в учебники включались хотя бы элементы истории народов Северного Кавказа. По-видимому, за это надо благодарить И.В. Сталина и его известную рецензию на один из первых советских учебников по истории³¹⁵. В последние десятилетия заметно проявились «откатные» явления: сделано все, чтобы история России вновь стала «русской историей». В учебную литературу, как правило, входят лишь отдельные специфические сюжеты, формирующие в сознании новых поколений россиян восприятие исторического прошлого народов страны по известной формуле «свой — чужой» («мы — они»).

При этом в должной степени не учитывается, что именно история, изучаемая в школе, в определяющей степени формирует «социальные рамки памяти»³¹⁶. Это замечание может быть отнесено к положению в Адыгее. Несмотря на то, что созданы школьные учебники по всем периодам истории, призванные транслировать базовые научные знания, кардинально изменить ситуацию пока не удастся. Важно осознать, что именно на школьном уровне закладываются базовые исторические представления. Именно поэтому «именитые» историки все чаще обращаются к этой проблеме³¹⁷. Есть и другая сторона вопроса, связанная с достаточно «свободными» интерпретациями в учебниках по истории Кубани, в которых даже в прилагаемых картах XIX в. не обозначены адыгские аулы, а территория предстает «terra nullius». Подобная трактовка исторической действительности дает дополнительные аргументы и усиливает радикализм постановки «черкесского вопроса».

В современной историографии особую остроту приобретает проблема отношения общества к «унаследованному» прошлому, к документам, фиксирующим исторические события. Вопрос соотношения исторического времени, исторического источника и историка — один из наиболее сложных в теории истории. Сегодня заметно усилился интерес, причем не только специалистов, к документальным публикациям, позволяющим каждому желающему

³¹⁵ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // *Борьба классов*. 1936. № 2. С. 7.

³¹⁶ Рикер П. *Память, история, забвение*. М., 2004. С. 505.

³¹⁷ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социальные представления о прошлом или знают ли американцы историю*. М., 2008 и др.

непосредственно вступить «в диалоговые отношения» с историческим прошлым. При этом далеко не всегда осознаются сложности «прочтения» источника. Как подчеркивал И.Д. Ковальченко, «именно историк должен показать, что представляет собой это наследие и насколько эффективно оно использовалось»³¹⁸. Решить эту задачу возможно только на основе исследования всего корпуса накопленных источников без «границ» и идеологических «табу». В этой плоскости и лежат основные сложности. Казалось бы, ясно, что историческое наследие — это, прежде всего, исследованный, реальный исторический опыт, причем как позитивный, так и негативный, но с освоением последнего в нашей отечественной историографии всегда дело обстояло не самым лучшим образом: история писалась по заказу князей, императоров, губернаторов, ЦК КПСС, а теперь, как это ни парадоксально звучит, и частных лиц, «проплачивающих» исследования и их публикации.

Все большую значимость приобретает издание документальных сборников. Не ограничиваясь историческими данными, полученными в наследство от своих предшественников, современные историки упорно пытаются выйти за пределы достигнутого, выявить и заставить «заговорить» новые источники, извлеченные с полок архивов и библиотек³¹⁹. Практика публикации собраний источников занимает заметное место в работе и нашей кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории и научной школы «Теория и методологии истории»³²⁰.

В последние десятилетия наметилась тенденция перехода от типографской к электронной культуре, что обуславливает более широкий доступ к свидетельствам исторического прошлого. Изменившиеся технологии коммуникации представляют исторически

³¹⁸ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и новейшая история*, 1995. № 1. С. 6.

³¹⁹ Тлепцок Р.А. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Ред. и автор предисловия Э.А. Шеуджен. М.: Издательство социально-гуманитарных знаний, 2010. 680 с.; Северный Кавказ: российская теория и практика христианизации. Извлечения из Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей (1873–1917 гг.) / сост. Р.А. Остапенко; ред. Н.А. Почешхов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. 460 с.

³²⁰ Сайт научной школы Э.А. Шеуджен «Теория и методология истории». URL: <http://s-history.adygnet.ru>

значимую проблему, влияющую на представление о том, как спустя время может быть понята связь между памятью и историей. «Когда изменялись способы коммуникаций, — подчеркивает П. Хаттон, — менялось и использование памяти, а, следовательно, и восприятие прошлого у историков»³²¹. Более того, неизмеримо расширились возможности влияния на историческое сознание, через создание идеологически ориентированных сайтов.

Перед историками со всей остротой встает непростой вопрос: возможно ли сочетать национализм (патриотизм) с научным требованием объективности? При провозглашаемой приверженности принципу объективности, следование ему на практике отнюдь не простое дело. Сегодня, когда совершенствуются технологии идеологического манипулирования, а многое в истории пересматривается во имя «объективности», приходит понимание того, как непросто бывает абстрагироваться от идеологии, затрагивающей насущные национальные интересы, сохранить объективность.

В современной науке утверждается точка зрения, что определенные группы людей (историки, политики, журналисты, литераторы), стремясь усилить самоидентификацию определенных этнических групп, могут сознательно «конструировать» историю «своего» народа, более того, формировать гипермнезию, «навязчивую память» или гипомнезию, «охранительное вытеснение памяти». Появляется значимое количество публикаций на исторические темы для «массового потребления». С одной стороны, они поддерживают интерес к истории, придают ему «массовый» характер, но с другой — порождают мощный пласт мифологизированной истории, открывают простор для конъюнктурных, заказных публикаций. Характерными становятся пафосные заявления о любви к своей истории, что в моральном смысле понятно, но в исследовательском плане такое чрезмерное «обожание» приводит к крайнему субъективизму, представлению своего народа как избранного, мессианского, более того, противопоставление его другим народам, что влечет за собой негативные как исторические, так и историографические последствия.

В этом смысле наша встреча весьма полезна. Действительно, в рамках различных исследовательских парадигм накоплены

³²¹ Хаттон П. Указ. соч. С. 56.

новые свидетельства, позволяющие придать большую основательность реконструкции сложных, нередко противоречивых событий. Более того, немало интересных, перспективных идей и подходов, впрочем, как заблуждений и неточностей, вошедших в исследования, не получили дальнейшего осмысления и аргументированной критики. Преодоление подобных явлений не только актуальная научная задача, но и реальная возможность избежать идеологизированности массового исторического сознания и объективно ответить на «черкесский вопрос».

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА³²²

Политическая практика государств постсоветского пространства исторических реалий начала XXI века характеризуется относительно новой тенденцией, заключающейся в радикальной трансформации политических режимов. Фактически эволюционная по своей сути динамика смены правящих элит обрела нарастающую тенденцию к силовому свержению, реализуемому в рамках «цветной революции». Проблема «цветных революций» значительно актуализировалась на современном этапе международных отношений, что связано со стремительными изменениями, происходящими в мировом сообществе цивилизаций, вызванными полосой неопределенности и нестабильности, охватывающей многие государства и общества.

«Цветная революция» — ненасильственный государственный переворот, управляемый извне при помощи специальных международно-политических технологий. Практически все «цветные революции» следуют шаблону «бархатных революций», произошедших в странах Центральной и Восточной Европы³²³. Название револю-

³²² Тлепцок Р.А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 4(249). С. 60–71.

³²³ В современной историографии не сформировалось единого мнения о том, какое именно событие можно считать «цветной революцией». К примеру, «Бульдозерная революция» в Югославии, «Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» на Украине и «Тюльпановая революция» в Киргизии — официально считаются цветными революциями. См.: Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., Алетейя, 2008. С. 23. Ряд исследователей идут дальше и возводят понятие «цветной революции» к португальской «Революции гвоздик», когда 25 апреля 1974 года был совершен переворот левого толка, в Лиссабоне в Португалии, который изменил режим правления с фашистской диктатуры на либерально-демократический строй.

ций «цветными» закрепилось в научном мейнстриме вследствие того, что первые события такого характера содержали в составе своего названия цвет или, как минимум, цветок — Оранжевая революция на Украине, Революция роз в Грузии, Тюльпановая революция в Кыргызстане, Пурпурная революция в Ираке, Шафрановая революция в Мьянме, Революция лотоса в Египте и другие. В одних случаях, «цвет» революции задавала атрибутика демонстрантов, как правило, ленточки и знамена, в других — национальные символы государств.

В политическом дискурсе специфика «цветных революций» объясняется иностранными гуманитарными интервенциями и их воздействием на политические процессы внутри стран. Общим для всех этих революций является использование различными внешними и внутренними социальными силами средств «soft power»³²⁴ (мягкой силы) для того, чтобы изменить политический ландшафт той или иной страны и извлечь из этого экономическую выгоду. Причина распространения в политическом инструментарии средств «soft power» видится в том, что для современной геополитической системы координат характерно глобальное противостояние даже несмотря на то, что все крупные центры силы на сегодня создают видимость сотрудничества между собой и взаимовыручки в тяжелых ситуациях. Основные оружия, которые применяются

Суханов В.И. «Революция гвоздик» в Португалии: Страницы истории. М., «Мысль», 1983. С. 11. Однако последний пример не может быть отнесен к «цветным революциям», поскольку основными организаторами португальского переворота были военные, в то время как главными действующими лицами «цветных революций» являются гражданские лица и в первую очередь — активная оппозиционная молодежь. По этой же причине нельзя считать «цветной революцией» переворот в Иране 19 августа 1953 года, когда премьер-министр Мохаммед Мосаддык был свергнут в результате действий, санкционированных США. Хотя именно переворот в Иране 1953 года можно назвать прообразом будущих «цветных революций».

³²⁴ Най С. Джозеф (младший). Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 444 с. Вот какое определение дает этому понятию Дж. Най: «Способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для «жесткой силы». «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения». С. 152.

на международной арене — это «мягкая сила» и «сдерживание». В процессе применения данного вида силы в общественном сознании, в целях манипуляции им, многие привычные понятия наполняются новым смыслом явления, к которому они относятся.

В связи с этим возрастает актуальность изучения проблемы значимости «цветных революций» в функционировании общества не только в мире, постсоветском пространстве, но и в России с ее своеобразными особенностями менталитета и социокультурных традиций. Необходимо иметь в виду, что разработка изучаемой проблематики имеет не только определенное теоретическое, но и весьма большое практическое значение. В первое десятилетие XXI века не только на постсоветском пространстве, но и в других странах источником страха для элит и надежды для простых граждан стали именно «цветные революции». При этом феномен «цветных революций», несмотря на свою недолгую историю, успел обрасти массой конспирологических легенд, досужих догадок и научных интерпретаций, а масштаб и сходство этих событий не могли не вызвать попыток выявить их идентичность и рассматривать как общемировую тенденцию. Слабеющая геополитическая однополярность сопровождалась парадоксальной ситуацией: с одной стороны, за последние двадцать пять лет постоянно росла поддержка демократии во всем мире, с другой — росли недовольство политикой и недоверие к государству.

За последние двадцать лет увеличилось количество людей, недовольных политическим развитием в своих странах, свидетельством чему является снижение активности избирателей на выборах, повсеместное уменьшение членства в политических партиях и объединениях, рост нелояльности избирателей к своим партиям, снижение уровня доверия политическим организациям, рост недоверия к гражданам среди политических элит. Эта тенденция получила определение «застой свободы», то есть стабилизация роста или даже некоторое уменьшение количества стран, которые считаются свободными³²⁵. Мир одновременно переживает распространение демократической формы правления и недовольство демократией в ее нынешнем состоянии.

³²⁵ Задоркина М. Динамика развития информационной войны в процессе организации цветных революций. С. 27. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1039488726/Zadorkina.M.pdf>

В этой амбивалентной ситуации устойчивость политических режимов во многих странах оказалась динамичной, а ресурс доверия граждан к этим режимам уменьшился. Во многих случаях неустойчивость режимов приводила к массовым выступлениям против властей, к гражданскому неповиновению, смещению непопулярных правителей и приходу к власти иных политических сил. Причем процессы, сопровождавшие «цветные революции», характеризуются тремя ярко выраженными тенденциями: во-первых, относительно мирным характером гражданских выступлений и лидирующей роли гражданских организаций; во-вторых, результаты президентских или парламентских выборов объявлялись сфальсифицированными, что являлось стимулом к активизации гражданского неповиновения и протестных акций; ну и наконец, вовлеченностью западных международных структур в финансирование гражданских организаций, активно участвовавших в антиправительственных выступлениях. Таким образом, волна «цветных революций» начала XXI века, несмотря на широкий спектр политических и социально-экономических особенностей в каждом случае, характеризовалась схожим набором признаков, относящихся к генезису и тактике реализации протестных действий.

Термин «цветная революция» вошел в оборот относительно недавно, после публикации в 1993 г. работы доктора философии, основателя Института имени А. Эйнштейна, классика «методов ненасильственных свержений режимов», Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения»³²⁶. В работе американского исследователя совершенно ясно прослеживаются принципы и методы борьбы с недемократическими режимами посредством ненасильственного свержения авторитарных правительств стран. Многие исследователи в дальнейшем связывали возникновение череды радикально настроенных оппозиционных движений в странах постсоветского пространства с резонансным успехом работы Дж. Шарпа, которая послужила лекалом для национальных общественных выступлений, иногда перераставших в государственные перевороты. Характерно, что Дж. Шарп рассматривает борьбу с не западно-ориентированными

³²⁶ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Концептуальные основы освобождения. (Электронный ресурс) / Дж. Шарп. URL: http://www/aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (6.03.2024).

ми государствами как борьбу с диктатурой, а способ ее свержения он видит в осуществлении революции, используя самые простые методы. Исследование стало руководством к действию для деятелей оппозиционных движений в Югославии, Грузии, Киргизии, на Украине и в других странах.

В ходе «цветных революций», произошедших в странах с уже предварительно ослабленным либеральными реформами режимом, широко применялись ненасильственные методы сопротивления, позволяющие нейтрализовать как силовые структуры, так и возможное неприятие революции населением³²⁷. Важную роль в них сыграли методы, описанные и систематизированные Дж. Шарпом. Их применение повлекло за собой различные последствия: «...от оказания влияния на противников с целью вызвать определенные действия или создания условий для мирного разрешения конфликта до уничтожения ненавистного режима...»³²⁸.

С началом XXI века термин «цветная революция» получил признание и в среде политиков, историков и политологов. Так, например, президент Аскар Акаев использовал термин «цветная революция» при характеристике происходивших антиправительственных событий в Кыргызстане в начале 2005 года³²⁹. Позднее, в июле 2005 года, была опубликована статья политолога и дипломата Майкла Макфола «Переход из посткоммунизма», где словосочетание «цветные революции» использовалось как политологический термин, обобщающий процессы в Сербии, Грузии и на Украине в единый региональный тренд³³⁰. Внима-

³²⁷ Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... М.: Алгоритм, 2005. 528 с.

³²⁸ Шарп Дж. От диктатуры к демократии Концептуальные основы освобождения. (Электронный ресурс) / Дж. Шарп. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (6.03.2024). С. 28.

³²⁹ Акаев Аскар. Революция глазами экс-президента. Интервью. URL: http://www.peoples.ru/state/king/kirgistan/askar_akaev/interview2.html

³³⁰ Макфол М. 2005. Пути трансформации посткоммунизма // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2. С. 92–107. В работе американского политолога и дипломата Майкла Макфола, написанной летом 2005 года, «цветная революция» стала понятным политологическим термином, используемым для описания процессов, которые протекали на Украине, в Киргизии, Грузии и Сербии. Термин «электоральные революции» также использовался, им подчеркивался тот

ние к общим причинам «цветных революций» артикулировало несколько типических условий, при которых они происходили. М. Макфол рассматривает «цветные революции» как продолжение демократических «бархатных» революций конца 80-х гг. XX века. По его мнению, в 1989 г. Запад сумел консолидировать демократии в Центральной и части Юго-Восточной Европы, но его влияние на элиты в постсоветской Европе и Сербии было незначительным, что привело к нарушению баланса интересов в обществе и к гражданским восстаниям³³¹.

Подобный тип революций активно реализовывался в политической практике конца XX века в виде «бархатных» революций, направленных на ненасильственный демонтаж социалистических режимов в странах Восточной Европы. «Цветные революции» стали их логическим продолжением, нацеленным именно на смену власти, не имея за собой идеологического и формационного подтекста. К концу 80-х гг. XX века в политической практике США и их союзников была выработана и опробована новая технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия, так называемые «бархатные» революции или с минимальным использованием насилия. За последующие годы эти технологии были доведены до высокой степени точности и надежности и в самое последнее время были применены на территории бывшего СССР в республиках, тесно связанных с Россией — Грузии, Киргизии, на Украине. На основе «бархатных» революций, прошедших в Восточной Европе в 1989–1991 годах, были отработаны технологии, которые потом успешно применялись в Югославии при свержении С. Милошевича, на Украине во время массовых демонстраций против президента Л.Д. Кучмы и В.Ф. Януковича, в Молдавии и т.д.

факт, что в постсоциалистических странах избирательные процессы протекали несправедливо. Впрочем, термин «цветные революции» для большинства исследователей оказался более правильным, поскольку в нем сполна учитывалась общность условий и комплекс причин гражданских волнений в указанных странах. Только избирательной несправедливостью эти причины не ограничивались. В политической науке подобная стратегия доминировала до 2008 года. Последствия революций при этом сравнивались и изучались меньше, чем их причины. По сути, начало «революции достоинства» на Украине стало продолжением процессов, начавшихся за несколько лет до этого.

³³¹ Там же. С. 92–95.

В современной историографии «цветные революции» понимаются как процесс смены правящих режимов под напором массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций³³². Однако массовые протесты, материальная поддержка иностранных групп, стремящихся к смене власти, присутствуют в любой революции. В этой связи суть «цветных революций» лучше всего раскрывается в сравнении с революциями XIX–XX веков. Они представляют собой, прежде всего, духовно-нравственный, идеологический переворот и затрагивают все уровни и сферы общества от экономического уклада до повседневной жизни индивидов. Социально-политические и экономические институты перестраиваются после захвата власти революционерами, а вносимые изменения исключительно быстры и имеют радикальный, фундаментальный характер. Эти аспекты не затрагиваются «цветными революциями». Признаков социальной революции — коренного переворота в обществе, смены общественного строя — в цветном перевороте также не наблюдается. В отличие от традиционных революций, «цветные революции» не преследуют цель изменить общественно-экономическую систему, затрагивая в большей степени лишь политические институты.

«Цветная революция» — типичное явление XXI века. По своей смысловой нагрузке — это революция нового типа, без насилия и без явного столкновения крупных социальных сил, но с использованием современных технологий. Она показывает, как беззащитно государство перед атаками именно в культурной и духовной сфере, если найдены уязвимые точки общества. Поверхностное представление о феномене может сформировать неверное мнение, что «цветная революция» — это результат деятельности одних только зарубежных спецслужб. Это не совсем так, спецслужбы — это всего лишь инструмент политики, исполнители заказа. Кроме того, ошибочно полагать, что стратегия «цветной революции» заключается лишь в подрыве «культурного ядра» государства. Деформация «культурного ядра» — это очень важная, но не единственная цель в достаточно сложном комплексе дипломатических, культурных и экономических мероприятий, направленных на ненасильственное

³³² Почепцов Г.Г. Революция. Сом. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 513 с. С. 11.

свержение существующего строя через выявленные слабые места в структуре государства³³³.

Необходимо отметить, что «цветные революции» являются не собственно революциями, а попытками государственного переворота, имитирующие политическую революцию — смену одной политической силы у власти на другую. Имитация обусловлена тем, что новая политическая сила не сама приходит к власти, не под влиянием большей части населения, а в значительной степени при посредстве внешних сил при отсутствии революционной ситуации.

В исторических реалиях начала XXI века «цветные революции» становятся отличительной особенностью постсоветского пространства, переходят в разряд исторических реалий. «Цветные революции» — это революции, не просто приводящие к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, но и принципиально меняющие основание легитимности всей государственности страны. Более того, меняется даже местонахождение источника легитимности, он перемещается с территории данного государства в метрополию, в ядро мировой системы управления капитализмом. Такое глубокое изменение государственности имеет цивилизационное измерение. События «цветных революций» не могут быть названы классической революцией по той простой причине, что в стране не происходит смена общественно-экономической формации. Необходимо отделить классическое понятие революции, исторически сложившееся в исторической и политической науке, массовом сознании, от понятия «бархатной и цветной революции». Объективный анализ событий на постсоветском пространстве позволяет утверждать, что данные революции — это форма смены элит на постсоветском пространстве.

Сущность традиционной революции содержится в особой революционной идее, новой идеологической доктрине. «Цветные революции» не имеют и даже не располагают не только никакими великими идеями, но и просто новыми, даже для самих «революционных» стран. В этом смысле можно согласиться с мнением политолога Е.Г. Пономаревой, что «цветная революция» —

³³³ Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. док. пол. наук. Санжаревский И.И. М., 2016. URL: <http://glos.virmk.ru>; Политология. Словарь. В.Н. Коновалов. М.: РГУ, 2010.

это процесс бездейный»³³⁴. Российский политолог С.А. Марков определяет «цветные революции» всего лишь как «новый тип политических технологий по смене власти»³³⁵. Поскольку цветные революции не являются революциями в традиционном понимании, причины и условия их осуществления будут иными. Все они происходят по сходным сценариям, по одной и той же модели. Традиционные инструменты смены политических режимов заменяются более тонкими способами влияния, сочетающих силовые методы воздействия с информационными технологиями управления сознанием и поведением широких масс населения. К.Ф. Затулин приводит следующие причины цветных революций на постсоветском пространстве: глубокий политический и экономический кризис государств, в которых они произошли, внешнее воздействие, отсутствие достаточного противодействия России этому влиянию³³⁶.

Характерно, что после распада СССР внешнеполитический курс бывших социалистических стран исходил из желания создать баланс в отношениях с Россией и США, «лавировать» между ними. В этом контексте улучшение отношений с одной из них влекло за собой усиление экономического и политического влияния в данных странах. И если российское государство действовало политико-экономическим инструментарием, ориентированным на инкорпорирование элиты соседних стран, то запад действовал в культурном дискурсе, делая упор на развитие национальной идеологии и культуры, языковом компоненте и утверждении «местной» идентичности отличной от общероссийской. Не маловажную роль в это контексте играли многочисленные западные фонды, стимулирующие написание «своей» истории, нацеленной на неприятие и интеллектуальное отторжение всего российского, внедрении западной массовой культуры в среде молодежи. Историческая практика

³³⁴ Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. (Часть 1) / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 87–98, 88.

³³⁵ Марков С. Цветная революция — это новый тип политических технологий по смене политической власти // Комсомольская правда. 2005. 15 ноября.

³³⁶ Затулин К.Ф. Цветные революции выгнаны глубоким кризисом новых независимых государств (электронный ресурс) / К.Ф. Затулин // Политическая экспертная сеть Кремль.Орг. 5 июля 2005. URL: <http://www.kreml.org/other/91-68294> (11.03.2018).

показала, что потеря собственных ориентиров в информационно открытом современном мире всегда приводит к тому, что их заменяют чужая интеллектуальная повестка.

Зарубежная поддержка организаторов «цветных революций» не ограничивается финансовыми вложениями. Международные неправительственные организации занимаются созданием сценария революции, обучением активистов, работой с населением, продвижением идей в социальных сетях и через мессенджеры. Однако не следует нивелировать роль внутренних факторов, являющихся неотъемлемыми условиями осуществления «цветной революции». Основная проблема власти многих стран — признание своего курса единственно верным, отказ от сотрудничества с оппозицией, а в радикальных случаях — ее подавление. Проводимый курс и элита его реализующая долгое время не меняются, и с его течением накапливаются не только успехи, но и проблемы, растет число, как сторонников, так и противников власти, происходит накопление «усталости населения». Кроме того, в условиях постсоветского пространства политическая система не является сбалансированной. В ряде республик с президентской формой правления «несмотря на то, что именно этот перекоп полномочий в сторону президента был заявлен как гарантия стабильности, в случае потери влияния президентом стабильность политической системы разрушается»³³⁷.

Вместе с тем действующая власть в ряде государств зачастую слаба и не может сопротивляться внешнему влиянию. Когда события приобретают по-настоящему неблагоприятный оборот, власть в муках выбора между действием и бездействием, выбирает бездействие. Для организаторов «цветного» революционного переворота подобное является лакмусовой бумажкой, главным фактором успеха поскольку свидетельствует о потере контроля над ситуацией со стороны действующего руководства. Характерно, что даже если власть не вмешивается в происходящие процессы боясь подвергнуться жесткой критике со стороны западного сообщества и прослыть «авторитарной диктатурой» мировые средства массовой информации создают мейнстрим и представляют режим как «недемократический».

³³⁷ Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть. 2011. № 5. С. 144–147. С. 145.

Необходимо остановиться и на таком моменте как особое значение знаковых систем для организаторов «цветных революций». Особую роль в каждой «цветной революции» играют собственно цвет и символы, поскольку именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики³³⁸. Символы являются частью технологии революции, они должны быть узнаваемы и легко наносимыми в общественных местах. Политический символизм таким образом интегрировался в прежде политически нейтральные пространства³³⁹.

Западные политтехнологи прекрасно понимают значение символов, а потому выбор «красной розы» или «красного тюльпана» в качестве символа революции вовсе не оказывается случайным. Во-первых, знаковые системы продуцируют архаичные генеральные эмоции, например, ярость, отвращение, блаженство, страх, которые подавляют или возбуждают волевые действия. Главное — они не стимулируют целенаправленную деятельность. Соответственно, в войне, социальной или религиозной революции роль знаковых систем оказывается хотя и не определяющей, но весьма значительной, так как они формируют эмоциональный настрой масс. Более того, в отдельных элементах стратегии (психическая атака) от них может зависеть исход всей операции.

Во-вторых, знаковые системы актуализируют социальный опыт индивидуума — личный, этнический, конфессиональный, национальный, и вызывают тем самым ответную реакцию, которая побуждает к самоидентификации, к выбору и, наконец, к поступку. Таким образом, символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных революций» активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круте на черном фоне — символ белградской «революции», который впоследствии использовали на Украине, в Киргизии, Египте) или зрелища: шествия, флэшмобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях.

³³⁸ Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций»... С. 88.

³³⁹ Почепцов Г.Г. Революция. Сом. ... С. 11.

Зрелище — особо важный, но и более сложный в сравнении с символикой технологический прием. Он продуцирует коллективное чувство — синтонию³⁴⁰, формирующее новое качество отношений между объектами воздействия, то есть зрителями. Кроме того, ролевое зрелище, например, одиночный пикет или акт самосожжения, передаваемые по социальным сетям, дополняет синтонию самоидентификацией с героем или усвоением страсти героя. В результате «за мороженность» конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие современных технологий позволяет серьезным образом усилить эффект невротической синтонии. Например, сформировать или усилить ощущение ущербности собственной истории, страны, национального опыта.

В современных условиях внедрение коммуникативных программ быстрого общения, таких как форумы, социальные сети, живые журналы, блоги, серьезным образом повышает внушаемость, способствует массовой манипуляции сознанием и исторической памятью. Это происходит, в частности, потому, что в реальности люди начинают переходить на язык, свойственный виртуальности, — наступает, так называемая, деградантная синтония. Многие психологи, психоаналитики, эксперты по сетевым структурам обращают внимание на то, что внедрение «YouTube», «Telegram», «Instagram» создает безграничное пространство деградантного «живого театра», «GoogleMaps» — топографическую прозрачность («живой тир»), «Facebook» — «несмысливаемую» фиксацию персональных данных, «Twitter» — деградантный язык «словесных жестов». Все это вместе создает беспрецедентно благоприятные условия для управления поведением в массовом масштабе, если, конечно, субъектом манипуляции ставится такая задача.

³⁴⁰ Синтонность (син + греч. tonos — напряжение) — проявление высокой эмоциональной реактивности на воздействие окружающей среды, аффективная откликаемость на происходящее, на настроение других людей. Некоторые исследователи рассматривают синтонность как свидетельство гармоничных отношений с социальной средой обитания, другие, психопатологи, — как проявление склонности к биполярному расстройству настроения. Использование термина во избежание такого коннотативного конфликта рекомендуется избегать без необходимого уточнения. Синонимы: Отзывчивость, Откликаемость, Созвучность. Цит. по: Национальная психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/termin/sintonnost.html>

В исторических реалиях XXI века средства коммуникации стали одними из важнейших средств подготовки и осуществления «цветных революций», прежде всего в силу того, что позволили активизировать зрелищную сигнальную семантику. Такой инструментарий в процессе массовым манипулированием сознания, как «YouTube» в 2018 г. при общем количестве пользователей в 1,3 миллиарда человек достиг ежедневного количества просмотров в 5 миллиардов, что позволяет мгновенно распространять по мобильной связи подлинные, ретушированные или просто сфальсифицированные видеосюжеты, возбуждающие в обществе генерализованные реакции ужаса, переходящего в яростное неприятие заведомо указанного в ролике виновника. В роли последнего, как правило, выступают политический лидер или члены правящей партии.

Так, роль «запала» «арабской весны» в Тунисе и Египте, как известно, сыграла «эпидемия» самосожжений с немедленной героизацией жертв в сетевых медиа. Правда, созданию «кумиров» предшествовала длительная подготовка исламского общества к восприятию самоуничтожения как подвига, что явно противоречит канонам ислама. Применительно же к технологиям «цветных революций» важно, что методологически побуждение к самоуничтожению числилось в рецептуре перехода «от диктатуры к демократии» Дж. Шарпа под пунктом 158 — «Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т.п.)» еще с 1973 года, когда были сформулированы «Методы ненасильственного сопротивления»³⁴¹.

Большое значение имеет также задействование фактора цвета. Цвет, выбранный государством для флага или сообществом религиозных и социальных революционеров для своего знамени, содержит историческую аллюзию и ценностную составляющую, которая является не дополнительным средством, а принципиальным рычагом выбора и мобилизации. В случае разработки цветового символа внешним субъектом его функция является дополнительной, поскольку он предназначен для решения кратковременных задач — смены политического режима и не более

³⁴¹ Более подробно см.: *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. 2-е изд., испр./ Перевод с англ. Наталия Козловская. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.

того. Если операция оказалась успешной, тот же цвет может быть использован в других странах. Например, позаимствованный после украинских событий оранжевый цвет в 2005 году был успешно использован на выборах в Румынии командой Траяна Бэеску. Тот же цвет был использован оппозицией в Азербайджане. Однако после узбекского провала (андижанские события 2005 года) произошло временное «выцветание» украинского символа до событий 2013–2014 гг.

Тем не менее оранжевый цвет сыграл колоссальную роль. Притягательность украинской «революции» была обеспечена именно цветом. Дело в том, что оранжевый цвет — особый. Например, великий немецкий поэт Гете, который делом своей жизни считал разработку теории цвета, считал оранжевый цвет символом теплоты и блаженства, раскаленного жара, пекла, накала. Активная сторона оранжевого цвета связана, по Гете, с его высочайшей энергией: «...достаточно пристально посмотреть на вполне желто-красную поверхность, чтобы показалось, что этот цвет действительно врезался в наш глаз. Он вызывает невероятное потрясение»³⁴², как бы входит, вонзается в тело. И в этих замечаниях Гете не одинок: ученые отмечают активность этого цвета, его возбуждающий, беспокоящий эффект.

Подводя определенный итог, важно обратить внимание на то, что история имеет особенность удивительным образом повторяться: тематика «цветных революций» вновь стала одной из главных в мировой политической практике, но уже в рамках совершенно другой геополитической ситуации, но с теми же, по сути, политическими акторами. Более того, Россия стала рассматриваться в качестве чуть ли не поля шахматной геополитической игры, контроля над которой можно добиться, используя отработанный инструментарий «цветных революций». Это обстоятельство свидетельствует не только о значимости, «вписанности» проблемы «цветных революций» в мировой политический сценарий, но и о неразрешенности внутренних проблем страны и необходимости усилий на этом направлении.

³⁴² *Гете И.В.* Учение о цвете. Теория познания. Пер. с нем. М.: Ленанд, 2014. 200 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военно-политические задачи России на Кавказе безусловно исторически определялись геополитическими интересами государства. Необъятные просторы российского государства требовали разработки особой модели геополитического контроля над пространством «от моря до моря». Для континентальной державы, которой являлась Россия, выход к морям считался стратегически важнейшей задачей. И если на севере «рубил окно» в Балтику, то на юге — к Каспию и Черному морю. Присоединение территорий региона стало необратимым процессом, растянувшимся вплоть до 1917 года. Именно тогда, в горниле русско-персидских и русско-турецких войн, и сформировались очертания современных закавказских государств. Сначала Петр Первый, затем Екатерина II методично направляли имперский «корабль» на юг. Кавказ, раздираемый и опустошаемый соперничеством османов и персов, стал ареной ожесточенной борьбы. Россия, в свою очередь, вела долгие войны с обеими империями, но приобрела и лояльность местных правителей, измученных постоянными набегами. Княжества, царства и ханства на территории современных Азербайджана, Армении и Грузии вошли в состав России на рубеже XVIII–XIX веков. Лишь после этого Москва начала военную кампанию против племен Северного Кавказа, стремясь обезопасить логистику в Закавказье, в том числе и Военно-грузинскую дорогу, связывавшую Владикавказ и Тифлис.

Зачем России нужен был Кавказ? Пространственная и этническая экспансия определялась выгодным геополитическим положением Кавказа, представлявшим собой естественный географический транзитный узел, территорию, по которой на протяжении столетий происходила миграция народов с юга на север, с запада на восток и в обратном направлении. Именно через Кавказ лежал путь на манящий Ближний Восток и в далекую Азию, а с другой стороны регион в силу естественных причин выступал высокогорным буфером от беспокойства на южных границах Российской империи. В исторической перспективе Россия планировала использовать

Кавказ в качестве моста на юг Евразии и для выхода к Индийскому океану. В начале XX века, казалось, мечта была близка: Персия была разделена по договоренности с британцами, и русские войска уже ступили на ее северные земли. Но Первая мировая война и революция разрушили эти честолюбивые замыслы, похоронив под обломками истории возможность преобразить облик кавказского региона. В итоге Кавказ остался лишь «буфером» между Севером и Югом, и эта роль объекта «Большой игры», увы, предопределила его место в современных геополитических раскладах.

Первоначально наиболее напряженно этот процесс шел в Грузии, фрагментарно представленной в политическом спектре к началу присоединения к России девятью государственными образованиями. Среди них: царства Имеретинское и объединенное Картли и Кахетии, семь княжеств — Абхазия, Мингрелия, Гурия, Одиши и другие. Кроме того, современная Грузия включает в себя еще и территории в прошлом Ахалцихского и части Карского (Аджария) пашалыков Турции, с преобладанием населения мусульманского вероисповедания. Территория современного Азербайджана также в общем виде была сформирована в тот период посредством включения в состав Российской империи ханств: Бакинского, Гянджинского, Карабахского, Кубинского и других. Территория современной Армении представляет собой ее восточную часть, присоединенную к России по результатам Гюлистанского и Туркманчайского договоров.

Во второй половине XIX века во всем Кавказском регионе утвердилась военно-административная власть России. Задача, поставленная Александром I в начале века — «стоять на Кавказе твердо», — к данному времени была реализована. Россия в регионе превратилась в сверхдержаву, в то время как Турция и Иран, обессиленные внутривнутриполитическими кризисами и постоянными военными поражениями, переживали состояние упадка и стагнации. Турция, например, уже во второй половине XIX века была объявлена несостоятельной, находилась под «опекой» Европы, а правительствами Великобритании и Австрии по отношению к ней устанавливался и реализовывался на практике принцип вооруженного нейтралитета, направленного по своей сути против России. В целом, утверждение Российского государства в регионе не могло не вызвать обеспокоенности и противодействия со стороны европейских держав — Великобритании, Франции, а с конца XIX века и Германии,

претендовавших, в свою очередь, на доминирование на Кавказе и сопредельных с ним регионах.

Процесс вхождения Кавказа в социально-экономическую и политическую систему Российской империи был определяющим событием истории народов региона в XIX в. Первоначальное его выражение в форме военно-территориального расширения России не исчерпало всех возможностей взаимодействия различных социальных систем: российской и кавказской. Кризис в сфере сложившихся общественных отношений, проходивший параллельно и в ходе инкорпорации региона, какими бы трагичными не казались его последствия, обогатил исторический опыт развития народов региона. Доминантой этих условий стала насущная необходимость интеграции кавказских народов в единое этносоциальное и экономическое пространство России.

Устремления российского правительства на быстрейшую интеграцию региона в систему Российской империи обусловили появление двух основных направлений, в рамках которых процесс получил бы наиболее эффективное развитие. Первое, вобрало в себя особенности политико-административных преобразований, которые преследовали цели: упрощение многоступенчатой и громоздкой системы управления, сложившейся до окончания Кавказской войны и упорядочение территориальных границ, подведомственных конкретным юридическим лицам. Достижение целей политико-административных преобразований способствовало созданию той платформы, опираясь на которую местные чиновники приступили к реализации второго направления — экономического.

Система управления Кавказом характеризовалась созданием особой модели, для которой было свойственно признание многовариантности административных методов, применявшихся в зависимости от социально-экономического, ментального состояния местного населения. Поэтому унификация административно-территориального устройства сочеталась с применением достаточно широкой автономии на основе принципа исторического легитимизма. Кроме того, следует отметить, что на местном уровне во многом продолжали сохраняться прежние традиции и формы управления, основанные на привлечении к сотрудничеству местной элиты.

Утверждение российского государственно-административного аппарата в регионе отвечало кардинальной линии внутренней политики государства на Кавказе, подразумевавшей включение его

территории в состав империи в качестве административной единицы и в главных своих тенденциях ориентированной на постепенное нивелирование этнокультурных и социально-политических различий в едином социально-культурном пространстве. Стремление к этой цели определяло и конкретные методы ее достижения, укладывавшиеся в рамки чередующихся централистских и регионалистских стратегий, обусловленных внутривластной конъюнктурой.

Главной задачей, вставшей перед царскими чиновниками при проведении экономических преобразований на Северном Кавказе, стало разрешение аграрного вопроса, половинчатый характер которого был обусловлен тем обстоятельством, что правительство проявило неспособность к радикальному решению ряда проблем: вопросе об иногородних, о прогрессирующем расслоении северокавказского казачества, горском вопросе. Под воздействием этих и других обстоятельств реформирование отрасли приобрело затяжной характер. Деятельность правительства и местной администрации отражала политику маневрирования, поиска мер для выхода из усиливающегося аграрного кризиса. Осуществленные преобразования были проведены в интересах царского военно-административного аппарата, местной феодальной знати и казачьих верхов.

Исторический опыт XX века посредством закрепления социалистической модели управления оказался в определенном смысле достаточно эффективным в плане преодоления в регионе крупномасштабных этно-конфессиональных конфликтов. Однако изменения национально-государственного устройства Кавказа после победы большевиков оказались источником последующих конфликтов на территориально-национальной почве. С другой стороны, и после Второй мировой войны урегулирование существовавших и вскрывшихся конфликтов само оказалось конфликтообразующим. В частности, массовые депортации населения по этническому признаку и перекраивание границ на противоречивых основаниях, менявшихся иногда не раз на протяжении жизни одного поколения, заложили как на Северном Кавказе, так и в Закавказье условия для возобновления старых и возникновения новых конфликтов как ответов на экономические и социальные проблемы, которые изначально не имели бы отношения к собственно этно-конфессиональной специфике региона. Таким образом, после развала Советского Союза культурно-историческое единство региона осталось,

а политическое — быстрыми темпами начало деформироваться в новых исторических реалиях.

После распада Советского Союза территории стран постсоветского пространства превратились в зоны соперничества мировых и региональных держав, стремящихся заполнить образовавшийся экономический и политический вакуум зонами своего геополитического влияния. К активным участникам такого соперничества следует отнести Соединенные Штаты Америки, Китай, Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Происходящие в регионе трансформационные процессы, вызванные распадом Советского Союза, создали благоприятные условия для экономической и политической трансформации Большого Ближнего Востока, в который вошел регион.

Получив независимость, руководители новых закавказских и центрально-азиатских государств в условиях разрыва экономических связей с Россией начали поиск путей инкорпорации в мировую политико-экономическую матрицу через сотрудничество и союзы, а страны, заинтересованные в усилении геополитического влияния в регионе, в том числе США, Китай, Европа, определяя свои подходы, искали варианты использования новой ситуации в своих целях. При этом каждый из субъектов международной политики шел своим путем: Россия через поддержание культурно-исторических и экономических связей, прежде всего с элитами государств, используя экономические, финансовые и военно-технические способы влияния и взаимодействия, а также удобное географическое положение и наличие общих границ; Турция — посредством модели государственного устройства, сочетающего европейскую и исламскую политические системы, а также концепцию пантюркизма, основанную на религиозной и культурной близости тюркоязычных народов; Иран, в свою очередь, предлагал культурно-цивилизационную модель построения шиитского государства; Китай пошел по пути экономической экспансии и продвижения цивилизационного проекта, преобразованного впоследствии в концепцию «Один пояс — один путь», пропагандирующую совместное процветание народов. Для политического руководства США Южный Кавказ традиционно представляет экономический интерес как важный транспортный коридор, связывающий Европу и Азию, а также как один из основных путей транспортировки каспийской нефти и газа.

Реализация вышеперечисленных подходов внешних акторов международной политики к государствам Большого Ближнего

Востока привела к геополитической трансформации региона³⁴³, которая воспринимается в экспертном сообществе зачастую поверхностно, как чисто технические процессы политической трансформации. При этом зачастую нивелируются такие глубинные аспекты формирования новой геополитической обстановки, как: военно-политические и экономические цели США, Китая и России, идеологические, военно-политические и экономические цели Турции, Ирана и Саудовской Аравии, а также политика стран региона, вовлеченных в происходящие процессы. При этом следует заметить конфликтную полифонию акторов геополитического процесса, оперирующих на Кавказе. Так страны Европы не демонстрируют монолитного атлантического единства с Соединенными Штатами и пытаются проводить отличную политику; на восточном направлении интересы России и Китая зачастую не совпадают, да и сам Большой Ближний Восток не имеет внутренней целостности, а страны, его составляющие, находятся зачастую в отношениях внутренней конфронтации.

Полиэтничный, поликонфессиональный, ментально взрывной Кавказ в условиях «Большой игры» в регионе традиционно являлся потенциальным триггером для давления на Россию в инструментари геополитических оппонентов. Современные исторические реалии свидетельствуют, что в регионе нарастает небывалая геополитическая конкуренция уже не только по привычной линии

³⁴³ Большой Ближний Восток — это геополитический термин, введенный в марте 2004 года в документе, опубликованном Фондом Карнеги за международный мир в рамках подготовки Соединенных Штатов к саммиту Большой восьмёрки в июне 2004 года. В документе было представлено предложение о радикальных изменениях в том, как Запад взаимодействует с Ближним Востоком и Северной Африкой. Perthes, V., 2004, America's "Greater Middle East" and Europe: Key Issues for Dialogue Archived 15 November 2008 at the Wayback Machine, Middle East Policy, Volume XI, No. 3, Pages 85–97. Он также обозначает неопределенно очерченный регион, включающий Арабский мир, а также Афганистан, Пакистан, Иран, Турцию, Израиль, Кипр, Кавказ и Центральную Азию. Адам Гарфинкл из Института исследований внешней политики определил Большой Ближний Восток как регион Ближнего Востока и Северной Африки вместе с Кавказом и Центральной Азией. «Большой Ближний Восток 2025 — Институт исследований внешней политики». www.fpri.org. Будущее Большого Ближнего Востока иногда называют «новым Ближним Востоком». Впервые это выражение использовала госсекретарь США Кондолиза Райс, которая в июне 2006 года в Дубае представила видение администрации Буша второго срока относительно будущего региона. Райс сказала, что это будет достигнуто путем «конструктивного хаоса».

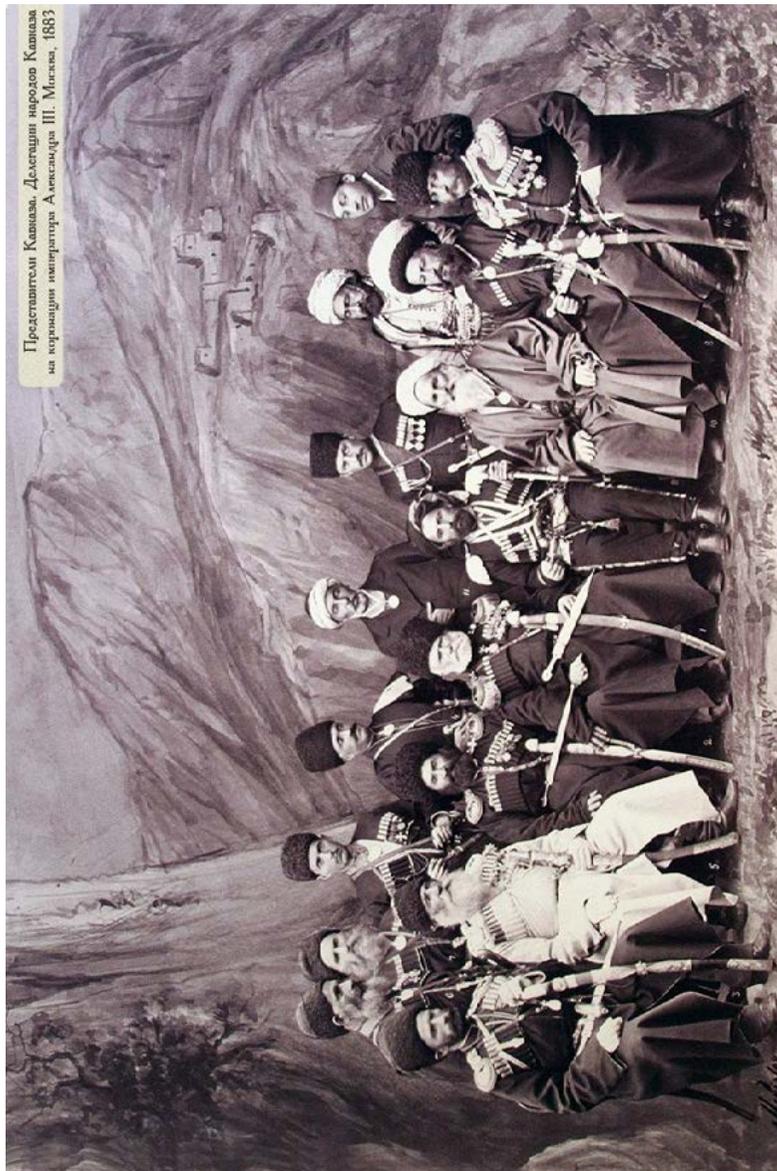
противостояния двух ядерных сверхдержав советского периода, но и с участием новых игроков многополярного мира — Китая, Великобритании, Израиля, Турции и Ирана. Переплетение интересов, мозаичность регионального полотна, отсутствие ярко выраженных стратегий приводят к мысли о начале новой «Большой игры» в Закавказье. В контексте этого, актуализируются цели и задачи в этой игре, преследуемые Россией, которая, безусловно, после развала Советского Союза потеряла значительное влияние в регионе, но при этом остается важным игроком, хотя бы с точки зрения масштаба и объема ресурсов.

Таким образом, именно со стороны коллективного Запада происходит реинкарнация «Большой игры» в регионе, направленная в большей степени на создание конструктивного хаоса (Кондолиза Райс), сохранение конфликтов между странами, сталкивание разновекторных интересов региональных держав, уничтожении любых значимых торговых коридоров, наконец, ликвидацию влияния России в черноморском и закавказском регионах, устранение ее из любых переговорных процессов, в том числе мирных. Ставка определенно делается на гибридный подход и постепенное сдвигание красных линий.

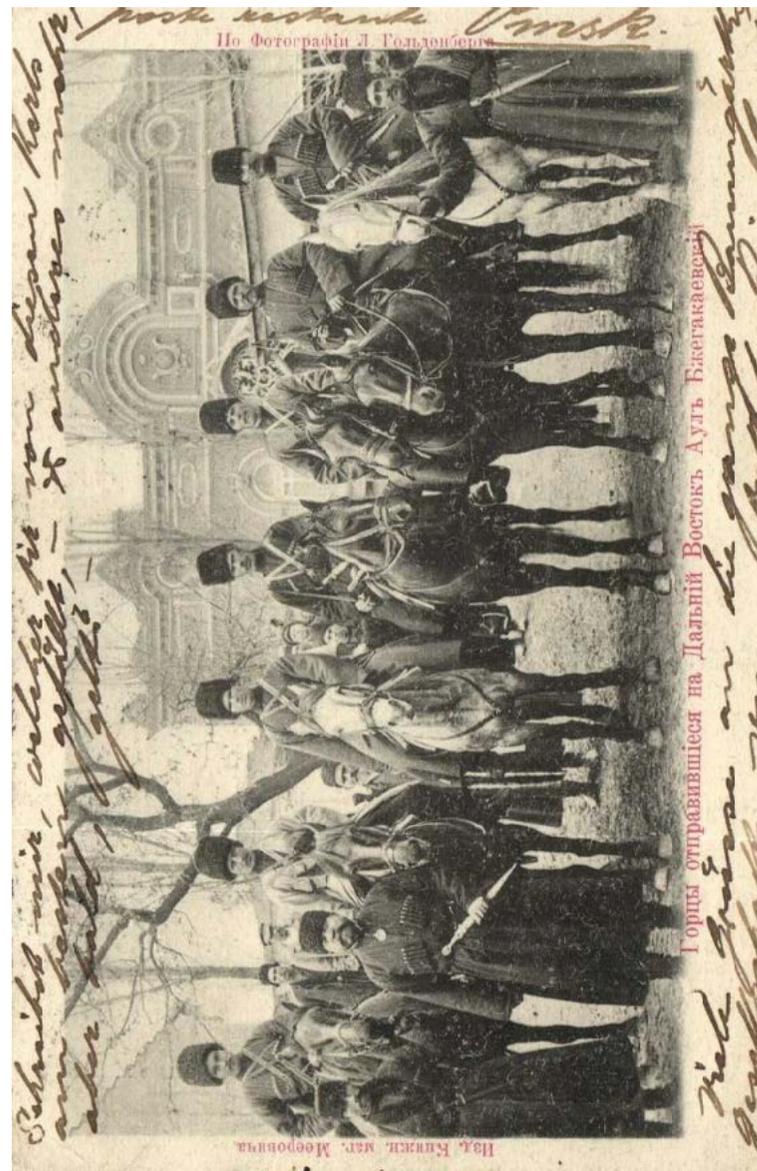
ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. Групповой портрет кавказских депутатов, бывших в Москве на коронации Александра II в 1856 году: князя Гуриели, Джафар-ага с племянником и князь Пахашвици.
Период создания: 1857 г. Авторы: Литограф: Тимм Василий Федорович, Автор рисунка: Тимм Василий Федорович, Издатель: Мюнстер Александр Эрнестович. Музей: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж» (Государственный Эрмитаж, ФГБУК «Государственный Эрмитаж») Локация: Россия, Санкт-Петербург

№ 2. Делегация народов Кавказа на коронации императора Александра III. Москва, май 1883 г.

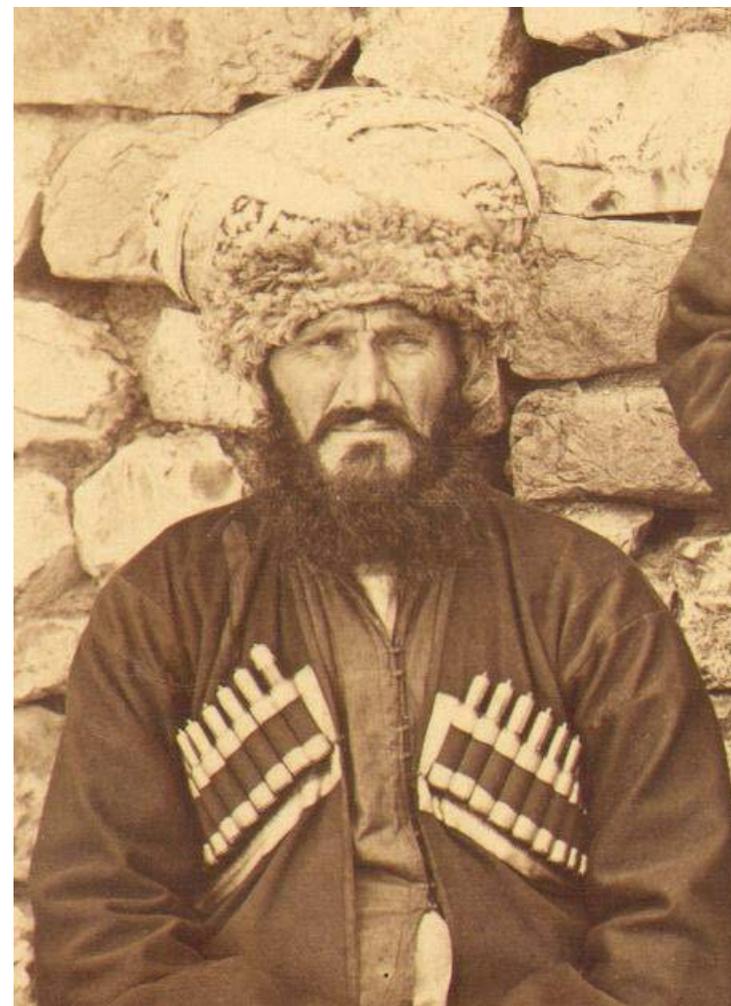
№ 3. Черкесские воины из аула Бжегокай (Адыгея), мобилизация на восток, чтобы присоединиться к Русско-японской войне, 1905 г. Считается, что стихом сделан в Екатеринодаре (Краснодар)

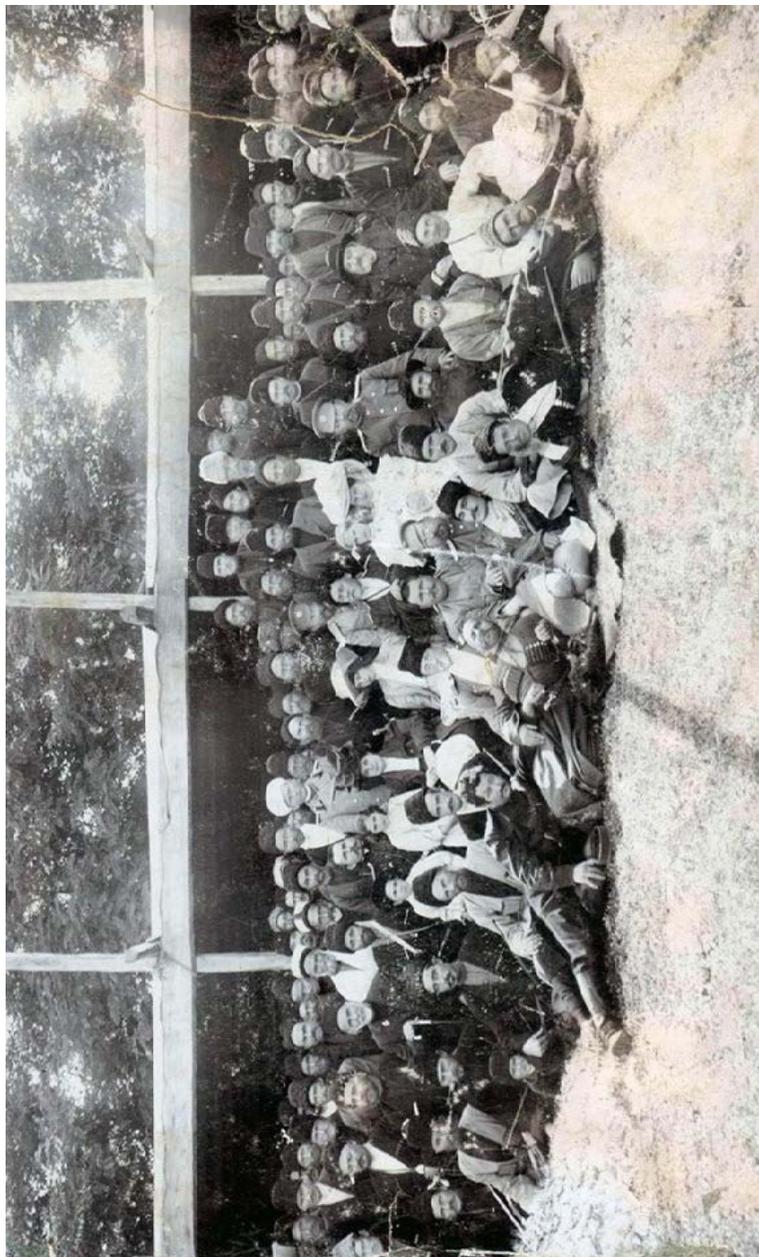
№ 4. Фотография. На снимке съезд черкесов бывшего Майкопского отдела в а. Хакуринохабль в 1904 году по случаю отправки черкесов-добровольцев на Русско-японскую войну.

Фотоматериал из фондов Адыгоблмузея, который был изъят в 50-х годах как материал «реакционного содержания», хранился в особом фонде Адыгейского областного архива.

Возвращен музею в 1989 г. Период создания: 1904 г.
Музей: Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Адыгея «Национальный музей Республики Адыгея» (ГБУК РА НМ РА)

№ 5. Кадий (судья) аула Унцукуль (Дагестан)

№ 6. Групповое фото черкесов из аулов Майкопского отдела Кубанской области с атаманом Майкопского отдела, полковником Петром Павловичем Лагуновым. 1908–1909 гг.

№ 7. Всадники черкесского полка Кавказской конной Туземной дивизии с Первой мировой войны. Фото 1917 г., Екатеринодар

№ 8. Терско-Кубанский конный полк 1904–1906 гг.

Входил в Кавказскую конную бригаду. Сформирован в начале 1904 г. в составе Кавказской конной бригады (куда входил и 2-й Дагестанский конный полк) для участия в Русско-японской войне на Дальнем Востоке.

Полк состоял из 6 сотен: четырех Терских (1-й Кабардинской, 2-й Осетинской, 3-й Ингушской и 4-й Чеченской сотен) и двух Кубанских (5-й и 6-й «черкесских» сотен, с участием адыгов, абхазов, абазин и карачаевцев).

За время войны 48 всадников награждены знаками отличия Военного ордена — Георгиевскими крестами. Командовали адыгскими сотнями в полку: 1-й (кабардинской) сотней (с 19.03.1904 г.) — штабс-ротмистр (подъесаул) Бекевич-Черкасский Федор Николаевич; 5-й (черкесской) сотней — поручик (сотник) Султан Крым-Гирей Селетович. Более подробно см.: Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Нальчик, 2006 г.

№ 9. Черкесы и казаки перед отправкой на Русско-японскую войну, 1905 год.
аул Хакуринхабль

№ 10. Почтовые открытки с фотографиями башенных комплексов начала XX века. Аул Цори. Почтовая открытка. URL: https://www.skyscrapercity.com/threads/Архитектура-и-зодчество-Вайнахов.1858218/page5?post_id=133434607&nested_view=1&sortby=oldest#post-133434607

№ 11. Почтовая открытка. Аул Лолахой

№ 12. Почтовая открытка. Башни в Ауле Хани

№ 13. Карачай, аул Учкулан, квартал Бойчаровых. Фотографии из альбома «Виды южного берега Крыма и Кавказских минеральных вод». Альбом № 8» (1890-е гг.). URL: <https://kgior.gov.spb.ru/o-komitete/press-centr/photo/19779/> (дата обращения: 10.02.25)

№ 14. Набережная и бульвар г. Сухум, 1906 г.

№ 15. Город Сухум, Георгиевская улица, 1906 г.

№ 16. Дагестан, аул Цудахар,
развалины Даргинского округа, 1877 г.

№ 17. Daghestan. Toi, ou soiree dansante a Kagh-Choura / Дагестан. Лезгинка. Вечер (той) у капитана русской службы Али-Султан-Бека Мехтулийского в Каха-Шура в Дагестане 24 сентября 1842 года

Gagarin Gr.Gr., Stackelberg E. Le Caucase pittoresque dessine d'apres nature par le Prince Gr. Gagarin avec une introduction et un texte explicatif par le Comte Ernest Stackelberg dedie a la Majeste Imperiale Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Plon freres, 1847.

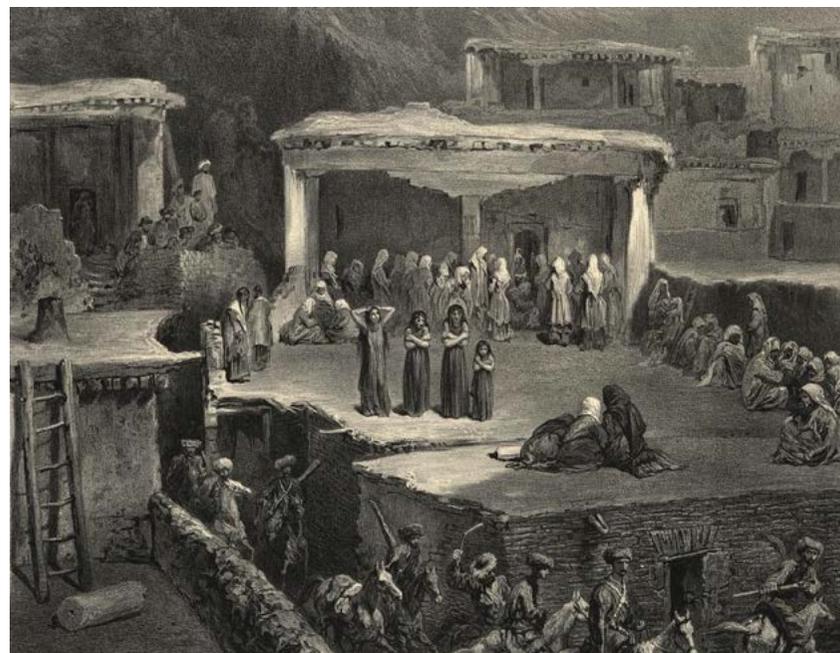
[Гагарин Г.Г., Штакельберг Э. Живописный Кавказ. Рисунки с натуры выполнил князь Григорий Гагарин с посвящением Его Величеству Николаю I Императору Всероссийскому. Париж. Издано Плоном Фрер, улица Вожирар, 36. 1847 г.]

№ 18. Daghestan. Passage du Soulakh a Akhatl / Дагестан. Переход через Сулак у Ахатла

*№ 19. Daghestan. Montagne de Tilitle, village de Holotle /
Дагестан. Тилитлинская гора, село Гоготля*

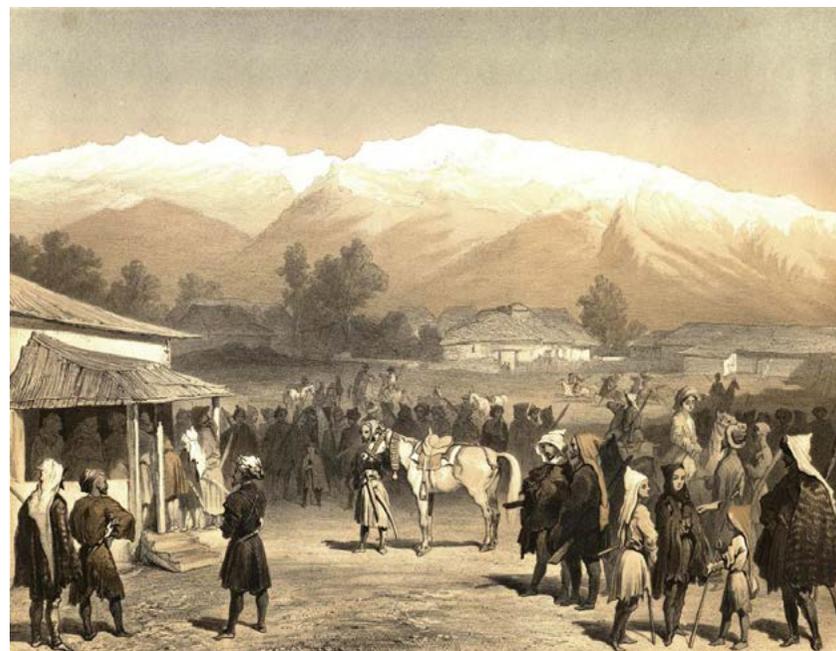

*№ 20. Daghestan. Ceremonie funebre a Akhaltchi (en Avarie) /
Дагестан. Погребальная церемония в Ахальчи (в Аварии)*

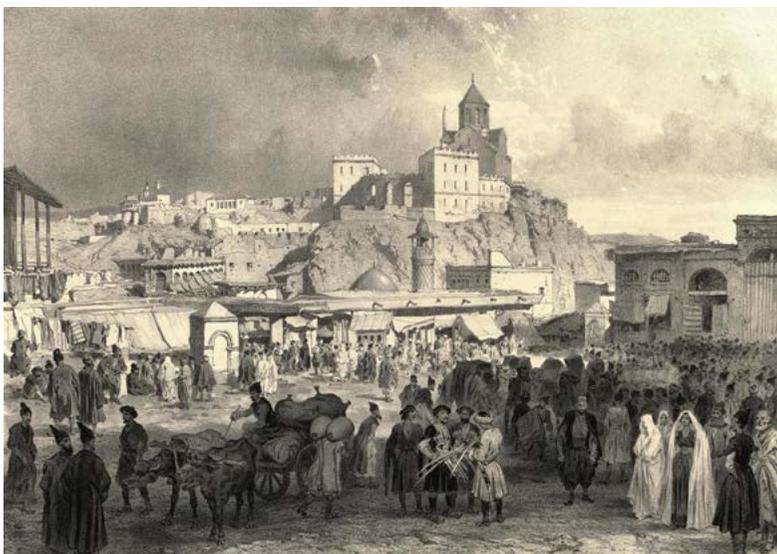

**№ 21. Команда кадра 2-го Линейного полка
Кубанского казачьего войска. Майкоп, 1 января 1914 года**

Первый ряд сверху: казаки П. Нарыков, Е. Первалов, М. Соколов,
М. Тюкин, В. Заворотный, Н. Хашип.
Второй ряд сверху: казаки В. Лябля, Ф. Колесников, В. Серебренко, Ф. Тимченко,
Ф. Уханев, П. Чернов, Т. Кондауров, урядник А. Перов.
Третий ряд сверху: урядник П. Ченцов, делопроизводитель Переверзев,
начальник команды — сотник Просвирин, командующий кадром полка —
есаул Кротов, полковой адъютант — подъесаул Фотопов,
заведующий оружием — сотник Самохин,
полковой писарь — вахмистр М. Вараксин.
Четвертый ряд сверху: казаки И. Аносов и Г. Прокопьев,
младший писарь — урядник И. За...ко, казак И. Андрусов, урядник П. Швед

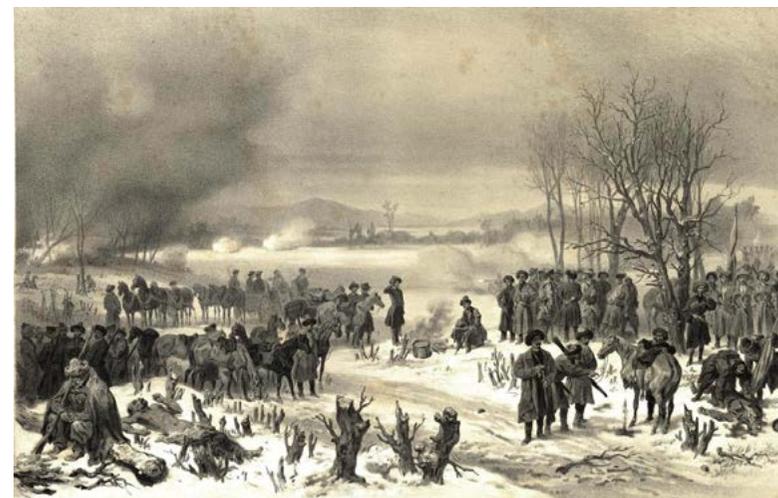
**№ 22. Cotes de la Mer Noire. Adighes descendus des montagnes /
Берег Черного моря. Адыгейцы спустились с гор**

№ 23. *Georgie. Maidan, place du Bazar, a Tiflis / Грузия. Майдан, базарная площадь в Тифлисе*

№ 24. *Daghestan septentrional. Tsatanykh, revue et defile de troupes Russes / Северный Дагестан. Цатаних. Смотр и парад русских войск*

№ 25. *Tchetchnia. Destruction des bois et ouverture de la plaine de Chaly / Чечня. Вырубка лесов в Шали*

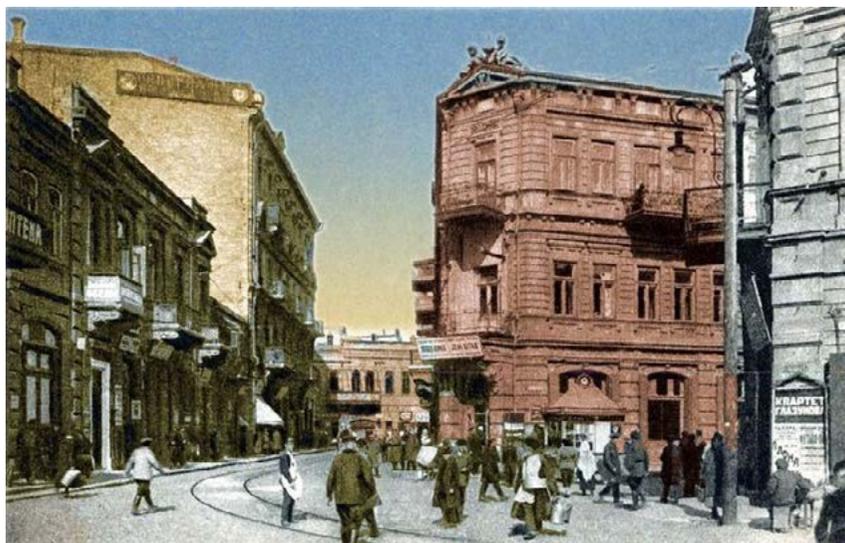

“SAVE ME FROM MY FRIENDS!”

№ 26. «Большой Игрой» называют многолетнее соперничество между Российской и Британской империями за контроль над центрально-азиатскими территориями. Это противоборство часто иллюстрируют карикатурой времен Второй афганской войны (1878) «Спасите меня от моих друзей». На ней изображен эмир Афганистана Шир-Али между российским медведем и британским львом.

*№ 27. Баку. Площадь Азнефть.
Начало проспекта Нефтяников, 1876 г.*

*№ 28. У пересечения улиц Кривой и Мамедалиева. 1923–1926 годы.
Открытка черно-белая издана: № 274.
Издание Бакинского Отделения Всесоюзного Кооператива Печати.
Изд. в 1926 году*

№ 29. Кавказские тюрки

№ 30. *Бакинская чайхана, 1912 г.*

№ 32. *Церковь Мариам Аствацацин (Ванадзор),
конец 1800-х — начало 1900-х гг.*
Место хранения фотографии: Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук,
МАЭ И 2064-5.

№ 31. *Hotel London. Ереван, улица Абовян, 1891 г.*

Руслан Асланович
ТЛЕПЦОК

КАВКАЗ
В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ:
в поисках алгоритма
и методологии исследования

Компьютерная верстка и обложка:
А.Н. Солодовников

Корректор:
Б.З. Симбулетова

Подписано в печать 24.09.2025. Бумага офсетная.
Формат бумаги 60x84/16. Гарнитура Georgia.
Печ.л. 13,25. Тир. 500. Заказ 001.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфического центра «ТОТ ПИТЕР».
г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, 39А, офис 12Н